

48
Костромское Научное Общество

Библиографическое издательство
научному мѣстнаго края.

У. Н. К. Т.

752a

667

100

5
—
179

ТРУДЫ

Костромского Научного Общества
по изучению мѣстнаго края.

Выпускъ I.

№ 10933413

14461-779

5
—
179

5
—
179

Т Р У Д Ы
КОСТРОМСКОГО НАУЧНАГО ОБЩЕСТВА
ПО ИЗУЧЕНІЮ МѢСТНАГО КРАЯ.

Выпускъ I.

Кострома, 1914 г.

СО Д Е Р Ж А Н І Е.

	Стр.
Отъ Правленія Общества.	
И. В. Щулепниковъ (<i>некроль</i>)	1
М. Виноградовъ — Галичское озеро и галичскій рыбный промыселъ	5
Е. Дюбюкъ — Основныя черты въ развитіи крупной про- мышленности въ Костромской губ. въ дореформенное время.	59
С. Барыковъ — Ученичество въ малярномъ промыслѣ въ Воскресенской волости Галичскаго уѣзда	117
А. Андрониковъ — Народныя сказки Костромской губерніи, записанныя въ 90-хъ годахъ XIX ст.	127
Отдѣльныя сообщенія: Палеонтологическая находка на р. Унжѣ — В. Богушевскій ; Окаменѣлости, найденныя у города Плеса — Н. Скалозубовъ ; Ботаническія замѣтки — Н. Скалозубовъ ; Граница распространенія нѣкоторыхъ древесныхъ породъ въ Костромской губерніи — В. Чарнецкій	140

Интересъ къ изученію родины давно уже существуетъ въ средѣ провинціального общества. Однако, спеціально посвященные мѣстному родиновѣдѣнію изданія начали появляться только въ послѣднее время, когда мѣстные дѣятели, отвѣчая все растущимъ запросамъ самой жизни, стали приходить къ сознанию необходимости объединенія и организаціи для успѣхности дальнѣйшей работы.

Объединеніе въ мѣстныя общества родиновѣдѣнія, повысивъ работу изслѣдователей и качественно и количественно и сдѣлавъ ее болѣе планомѣрной, привлекло вмѣстѣ съ тѣмъ къ этой работѣ общественное вниманіе и сочувствіе; въ результатѣ мѣстные работники получили возможность и средства издавать собственные печатные органы.

Такимъ именно органомъ для «Костромскаго Общества по изученію мѣстнаго края» являются «Труды», первый выпускъ которыхъ предлагается вниманію читателей. Въ нихъ будутъ помѣщаться работы и сообщенія членовъ Об-ва, собранныя Об-вомъ матеріалы, переписка и матеріалы для біографій выдающихся мѣстныхъ дѣятелей и уроженцевъ, бібліографія мѣстнаго родиновѣдѣнія и вообще все, что можетъ имѣть отношеніе къ изученію края.

Труды предполагается выпускать по мѣрѣ накопленія матеріала и въ зависимости отъ средствъ Общества.

Н. В. Шулешиковъ.
(† 9 декабря 1913 г.).

И. В. Щупениковъ.

(Некрологъ).

9 декабря 1913 г. скоропостижно скончался бывшій Предсѣдатель «Костромскаго Научнаго Общества по изученію мѣстнаго края», Иванъ Васильевичъ Щупениковъ. Покойный былъ выдающимся общественнымъ и земскимъ дѣятелемъ, а послѣднее время состоялъ членомъ Государственной Думы отъ Костромской губерніи.

Со временемъ, быть можетъ, кто-нибудь приметъ на себя благодарную задачу написать подробно біографію этого крупнаго дѣятеля и рѣдкой души человѣка. Въ настоящее время на столбцахъ различныхъ органовъ печати, при первомъ же извѣстіи о крупной утратѣ, даны были живо и тепло написанные очерки и воспоминанія о немъ. Наиболѣе выдающіеся моменты и черты его жизни были таковы.

И. В. Щупениковъ родился въ 1861 г., 17 марта, въ имѣніи Щупениковыхъ, въ усадьбѣ Тресково, Солигаличскаго уѣзда. По окончаніи въ 1878 г. Аракчеевскаго кадетскаго корпуса и въ 1880 г. Александровскаго военнаго училища, онъ былъ произведенъ въ офицеры 18-й артиллерійской бригады. Питомецъ военной школы, открывавшей ему соответствующую карьеру, онъ не удовлетворялся военной службой, его манили другія перспективы. Оставивъ военную службу, Ив. Вас. поселился въ своемъ имѣніи въ Кивешемскомъ у., гдѣ завелъ образцовое хозяйство, обращавшее на себя общее вниманіе. Занимая одновременно съ тѣмъ должность земскаго начальника, онъ пользовался совершенно исключительной въ этомъ положеніи популярностью и любовью окрестнаго крестьянскаго населенія. «Усадьба Ивана Васильевича,—разсказывается въ одномъ изъ некрологовъ покойнаго,—была центромъ, куда каждое утро, иногда изъ отдаленныхъ волостей уѣзда, стекались крестьяне, обращавшіеся за совѣтами по самымъ разнообразнымъ вопросамъ личной и общественной жизни. Ив. Вас. любилъ и понималъ народную душу и внушалъ полное довѣріе крестьянъ».

намъ, какъ сердечной простотой своего обращенія, такъ и той трезвой дѣловой складкой своего ума, которая вмѣстѣ съ глубокимъ знаніемъ нуждъ и интересовъ русской деревни, дѣлала потомъ столь продуктивной дѣятельность Ив. Вас. на земскомъ поприщѣ».

Земская дѣятельность Ив. Вас. начинается съ того, что его выбираютъ въ гласные сперва уѣзднаго Кинешемскаго, а затѣмъ и въ губернскаго земства. Любопытно, что въ дальѣйшемъ этому неизмѣнному избранію Ив. Вас., съ его прогрессивными общественными воззрѣніями, не мѣшало правое теченіе въ Кинешемскомъ земствѣ. Все время находясь въ рядахъ прогрессивныхъ земскихъ гласныхъ, Ив. Вас. особенно выдвигается, когда въ девяностыхъ годахъ Костромское губернское земство, широко развертываетъ свою дѣятельность и становится ярко оппозиционнымъ. Онъ участвуетъ въ нѣсколькихъ общеземскихъ съѣздахъ того времени и въ тѣхъ политическихъ выступленіяхъ, которыми заявило себя Костромское земство въ это время; ему принадлежитъ также крупная роль въ земско-хозяйственной дѣятельности: въ дѣлѣ народнаго образованія, агрономіи, санитаріи и проч.

Земское собраніе 1905 г., избравшее Ив. Вас., еще молодого тогда губернскаго гласнаго, въ Предѣдателя Губернской Управы, указываетъ на необходимость «постояннаго участія въ осуществленіи законодательной власти свободно избранныхъ представителей страны». Въ то же время земская работа и самый ея размахъ начинаютъ расти и въширь и вглубь; появляются совершенно новыя отрасли, невѣдомыя прежнему земству, развиваются старыя отрасли, ставятся необычныя новыя вопросы. Костромское земство возбуждаетъ ходатайство о преобразованіи земскихъ учрежденій, о расширеніи земской компетенціи, о введеніи мелкой земской единицы, о государственномъ страхованіи рабочихъ и проч.; открываютъ дѣятельность вновь учрежденные коллегіальные совѣщательные органы (сельско-хозяйственные совѣщанія, губернской санитарный совѣтъ и т. д.), въ которыхъ Ив. Вас. принимаетъ дѣятельное участіе и пользуется огромнымъ авторитетомъ, какъ среди гласныхъ, такъ и среди земскихъ служащихъ, съ которыми устанавливаются чисто товарищескія отношенія.

Въ 1907 г. вся Губернская Управа была привлечена къ судебной отвѣтственности за распространеніе среди населенія мани-

феста 17 октября и брошюры на политическія темы. По приговору Сената Ив. Вас. былъ присужденъ къ отрѣшенію отъ должности.

Ив. Вас. не могъ окончательно оторваться отъ земства съ которымъ такъ сжился, и гдѣ его высоко цѣнили; поэтому велѣдъ за «разъясненіемъ» онъ отправляется на Дальній Востокъ въ качествѣ комиссара общеземской переселенческой организаціи, а потомъ, по приѣздѣ, Костромское земство приглашаетъ его главнымъ комиссаромъ юбилейной губернской выставки. Съ обычной преданностью общественному дѣлу онъ полагаетъ не мало труда на ея организацію.

Приговоромъ Сената по дѣлу Костромской Земской Управы Ив. Вас. былъ лишенъ права служить когда-либо по выборамъ. Тѣмъ не менѣе 20 октября 1912 г. онъ избирается членомъ четвертой Государственной Думы отъ Костромской губерніи, и хотя Сенатъ призналъ выборы неправильными, онъ остается въ Государственной Думѣ, являясь очень цѣннымъ работникомъ въ думскихъ комиссіяхъ по вопросамъ мѣстнаго хозяйства и народнаго образованія въ качествѣ представителя к.-д. фракціи. Политическое положеніе страны и безплодность работы въ четвертой Государственной Думѣ угнетали Ивана Васильевича. «Дѣла наши въ Думѣ, — пишетъ онъ въ письмѣ отъ 10 февраля 1913 г., — идутъ неважно; теперь уже выяснилось соотношеніе силъ и настроеніе разныхъ фракцій. Все это не въ пользу коренныхъ, болѣе или менѣе радикальныхъ реформъ. . . . . получается какое-то безцѣльное топтаніе на мѣстѣ, и все болѣе и болѣе укрѣпляется мысль о бесполезности пребыванія въ Думѣ».

Съ самаго начала возникновенія Общества по изученію Костромского края Ив. Вас. принялъ живое участіе въ его дѣлахъ. Еще раньше въ выработкѣ самого устава онъ принималъ нѣкоторое участіе. Выбранный Предсѣдателемъ Об-ва, Ив. Вас. не былъ представителемъ лицомъ, занимавшимъ только почетное мѣсто. Онъ входитъ во всѣ подробности организаціонной работы, выработки плана дѣятельности Об-ва, отысканія путей къ достиженію намѣченныхъ уставомъ задачъ. Между прочимъ, Ив. Вас. былъ однимъ изъ авторовъ перваго обращенія Правленія, разосланнаго потомъ по губерніи учителямъ, агрономамъ, земскимъ служащимъ, врачамъ и т. д. Онъ несомнѣнно обладалъ цѣнными качествами для предсѣдателя, благо-

даря своему навыку въ дѣлѣ общественнаго строительства и рѣдко умѣнною руководить большимъ дѣломъ.

Избранный въ члены Государственной Думы, Ив. Вас. не могъ уже принимать близкаго и дѣятельнаго участія въ дѣлахъ Об-ва, и тѣмъ не менѣе на годичномъ собраніи Об-ва онъ вновь единогласно избирается предѣвателемъ. Онъ продолжаетъ интересоваться дѣлами Об-ва, старается быть полезнымъ ему тамъ, въ Петербургѣ, хлопочетъ о субсидіяхъ Об-ву, привлекаетъ новыхъ членовъ, спосится съ разными лицами и учрежденіями по дѣламъ Об-ва.

Смерть Ив. Вас. — потеря полезнѣйшаго члена Об-ва. Умеръ хорошій, честный, рѣдкаго благородства, богато-одаренный человекъ, видный общественный дѣятель, глубоко вдумчивый во всѣ явленія окружающей жизни гражданствъ. И люди разныхъ политическихъ взглядовъ и разныхъ общественныхъ положеній съ рѣдкимъ единодушіемъ выразили свою дѣйствительно некренную глубокую скорбь по поводу его неожиданной смерти.

Матеріалы для біографіи: † И. В. Щуленниковъ — «Костр. Жизнь» 1913 г. 10 дек., № 268; *Н. Огородниковъ* — Надъ разверстой могилой (къ кончинѣ Члена Гос. Думы И. В. Щуленникова), «Костр. Жизнь» 1913 г. 10 дек., № 268; *З. Френкель* — Памяти И. В. Щуленникова, «Рѣчь», 1913 г. 10 дек., № 338, (перепечатано съ нѣкоторыми сокращеніями въ «Костр. Ж.» 1913 г. 13 дек., № 271); И. В. Щуленниковъ, «Рус. Вѣд.» 1913 г., 10 дек., № 284; Памяти И. В. Щуленникова, «Костр. Жизнь», 1913 г., 12 дек., № 270; *В. Смирновъ* — И. В. Щуленниковъ — предѣватель Общества по изученію Костромскаго края, «Костр. Жизнь», 1913 г., №№ 274 — 275; «Поволж. Вѣстн.», 1913 г., 17 дек., № 2197; *З. Френкель* — Иващъ Васильевичъ Щуленниковъ, «Земское Дѣло», 1913 г., № 24, 1701—1706; «Заря» (Портретъ), 1913 г., № 5. «Костр. Жизнь», 1913 г. №№ 270, 271, 272, 275; 1914 г. № 11; «Поволж. Вѣст. 1913 г., №№ 2195 — «Возмутительная исторія около дѣла Щуленникова» въ томъ же № рѣчь Г. Н. Ботникова, посвященная памяти И. В.; «Рѣчь» 1913 г., № 347 «Похороны И. В. Щуленникова»; «Рус. Вѣд.» 1913 г., № 298 — «Смерть депутата».

Галичское озеро и галичскій рыбный промыселъ.

Географія озера.

Среди холмовъ, раздѣляющихъ бассейны рѣкъ Костромы и Ужи—двухъ сѣверныхъ притоковъ Волги, съ востока на западъ прострается неширокая, низменная долина, собирающая воды окрестныхъ высотъ и изливающая ихъ въ рѣку Кострому. На днѣ этой долины, подъ $58^{\circ} 24'$ сѣверной широты и $11^{\circ} 58'$ восточной долготы, лежитъ крупнѣйшій водоемъ Костромской губерніи—Галичское озеро. Соотвѣтственно направленію длинной оси долины, озеро вытянуто съ востока на западъ, достигая 16 верстъ въ длину при средней ширинѣ въ 6 верстъ.

Холмы, ограничивающіе долину съ сѣвера и юга, и состоящіе изъ валунистой глины, отодвинуты отъ озера на версту и только въ одномъ мѣстѣ съ юга подходятъ къ нему почти вплотную. Узкая полоса берега между холмами и озеромъ представляетъ болотистую низину, отчасти поросшую мелкимъ смѣшаннымъ лѣсомъ и кустами, отчасти занятую лугами. Весенніе воды затопляютъ или подтопляютъ значительную часть этой береговой низины, вслѣдствіе чего она непригодна для распахки, несмотря на очень плодородную перегнойную почву. Очевидно, что своимъ появленіемъ она почти всецѣло обязана озеру—здѣсь происходило и происходитъ явленіе нарастанія береговъ. Въ настоящее время оно идетъ наиболѣе энергично на восточномъ берегу озера, гдѣ при впаденіи восточныхъ рѣкъ выдается въ озеро длинный мысъ; онъ, какъ разсказываютъ мѣстные жители, нарастаетъ съ каждымъ годомъ, все дальше и дальше выдвигаясь въ озеро. По характеру его нарастаніе не представляетъ рѣчного выноса, а образуется благодаря обильно здѣсь растительной жизни, о чемъ еще будетъ упомянуто ниже.

Лѣтніе мѣсяцы, въ теченіе которыхъ развиваются въ озерѣ многочисленныя водныя растенія, ярко представляютъ картину наростаія береговъ. Оно происходитъ, благодаря гнѣющимъ растеніямъ, которыя ложатся на дно у самаго берега и образуютъ прибрежную полосу трясины шириною въ 2—3 сажени. Весною слѣдующаго года значительная часть наростаіаго такимъ образомъ берега разрушается льдомъ, размывается волнами и уносится въ болѣе глубокія части озера: другая-же часть остается и укрѣпляется здѣсь съ помощью корней растеній, превращаясь въ теченіе лѣта въ настоящій берегъ. Наростаіе идетъ энергичнѣе въ мѣстахъ болѣе обильныхъ береговыхъ зарослей, а такъ какъ заросли развиты въ большей или меньшей степени почти по всей прибрежной линіи озера, то и заростаіе происходитъ почти повсемѣстно.

Тѣ участки берега, гдѣ почему-либо не развились зарослей, незначительны и представляютъ или отлогіе песчаные и глинистые выносы овраговъ, или невысокіе 1—2 арш. черетнойные обрывы, ежегодно размываемые весенними волнами.

Такъ какъ овраги, прорѣзающіе прибрежные холмы, невелики, а выносы ихъ едва достигаютъ озера и не выступаютъ въ него, то линія береговъ не обладаетъ большою извилистостью.

Два полуострова, выдвигающіеся отъ южнаго берега, именно полуостровъ св. Фрола и полуостровъ Глинникъ, представляютъ выносы рѣкъ Челемы и Клымы и являются мѣстами, гдѣ прежній берегъ озера покрытъ пескомъ, глиной и мелкими валунами, вынесенными изъ долинъ рѣкъ.

Интересно прослѣдить исторію образованія этихъ полуострововъ. Въ 40-хъ годахъ прошлаго столѣтія Костромскимъ историкомъ Свинынымъ напечатанъ былъ романъ «Шемякинъ судъ», въ которомъ упоминается, что на рѣкѣ Челемѣ около озера стоятъ Ребровская мельница. Въ настоящее время мельница находится въ устьѣ долины Челемы, верстахъ въ трехъ отъ озера, а на горѣ неподалеку отъ нея лежитъ село Реброво. Представить, что мельница была прежде расположена на той части рѣки, гдѣ послѣдняя прорѣзаетъ полуостровъ св. Фрола, невозможно, ибо здѣсь берега низки и совершенно непригодны для устройства плотины. Остается предположить, что озеро подходило значительно ближе къ холмамъ берега (въ романѣ говорится, что на лодкѣ подлѣзали по озеру почти къ са-

мой мельницѣ), а полуостровъ св. Фрола былъ много меньше. Кромѣ этого литературнаго указанія, которому нельзя придавать большой цѣнности, къ тому же выводу приводитъ изученіе самого полуострова. На немъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ можно видѣть слѣды прежнихъ руслъ Челсмы, въ видѣ старицъ то сухихъ, то еще сохраняющихъ воду отъ весны въ теченіе всего лѣта. Однимъ изъ такихъ руслъ является проходящая по восточной половинѣ полуострова «глухая», т. е. не имѣющая истока и теченія, рѣчка Святица (См. карту). На дѣятельность Челсмы и на перемѣщеніе ея русла, указываютъ также нѣмъ Прорвы, данное по словамъ рыбаковъ за то, что нѣсколько разъ прорывада она себѣ новыя пути къ озеру.

Благодаря крайнему обмелѣнію, въ лѣтнее время рѣка несетъ очень незначительное количество строительнаго матеріала, а малый уклонъ русла на полуостровѣ, отдаленность устья отъ береговыхъ холмовъ и усиленное заростаніе его камышемъ и озерными травами обуславливаютъ весьма медленный ростъ конуса выноса. Весною многочисленные ручьи сосѣднихъ распаханныхъ холмовъ доставляютъ въ рѣку много минеральныхъ веществъ, которыя уносятся рѣкою и ложатся на залитомъ пространствѣ полуострова. Ежегодное наростаніе береговъ и полуострова, обусловленное растительной жизнью озера и гніеніе остающагося здѣсь послѣ разливовъ сора, привело къ образованію невысокаго (до 0,7 м.) берегового вала, который хотя и немного, но все-же возвышается надъ остальнымъ пространствомъ полуострова и весною не заливается. Благодаря такому расположенію, вода, заливающая полуостровъ весною, отдѣляется валомъ отъ собственнаго озера и сообщается съ нимъ главнымъ образомъ руслами Челсмы, Святицы и Пхлемы (то же древнее русло Челсмы).

Такимъ образомъ, на полуостровѣ образуется какъ бы отдѣльное весеннее озерко, въ которое изливаетъ свои воды Челсма. Озерко это неглубоко; дно его покрыто травой и поднимающимися изъ воды кустами — эти условія служатъ къ тому, чтобы воды Челсмы, понавъ сюда, разлились широко, умѣрили быстроту теченія и отложили несомые матеріалы около кустовъ и другихъ препятствій.

Слѣдовательно, главная часть выносимаго рѣкою матеріала служить въ настоящее время не для выдвиганія полуострова въ

озеро, а для поднятія его надъ уровнемъ воды. Одновременно съ этимъ берега полуострова продолжаютъ выдвигаться въ озеро, благодаря энергичному развитію растительной жизни около нихъ.

Другой полуостровъ южнаго берега—Глинникъ. Рабочею силою его созиданія являются небольшая рѣчка Кѣшма и одинъ изъ овраговъ сосѣднихъ холмовъ. Съ каждымъ годомъ они, на глазахъ мѣстныхъ жителей, выдвигаютъ полуостровъ въ озеро, и тогда какъ построніе это идетъ наиболѣе энергично на вершинѣ полуострова, бока его начинаютъ все больше и больше развивать наростаніе растительно-перегнойнаго характера.

Такимъ образомъ, линія южнаго берега образуетъ два крупныхъ выступа съ заливомъ между ними, тогда какъ сѣверный берегъ, не прорѣзанный рѣками, имѣетъ менѣе изогнутую линію. Два небольшихъ оврага въ его холмахъ лежатъ на востокъ отъ мыса Зимника (см. карту) и своими вынесенными матеріалами только прикрываютъ прежній береговой грунтъ, не измѣняя направленія береговой линіи. Все остальное пространство сѣвернаго берега, особенно его западная половина, очень низменно. Тотъ же характеръ черноземной низины носить и южный берегъ въ его западномъ и восточномъ концахъ.

Восточный и сѣверо-западный берега озера представляютъ продолженіе долины, на днѣ которой лежитъ озеро, поднимаются надъ уровнемъ озера незначительно и заняты почти сплошь поемными лугами.

Съ востока по долинѣ несутъ въ озеро свои воды три рѣчки—Едомша, Средняя и Шокша, а на западъ исходитъ изъ него по той же долинѣ р. Векса, впадающая около Буя въ р. Кострому. Каждая изъ восточныхъ рѣкъ имѣетъ въ длину около 20 верстъ и начинается въ одномъ изъ отдаленныхъ овраговъ открывающихся въ долину. Едомша идетъ изъ сѣвернаго оврага, Средняя изъ юго-восточнаго, Шокша изъ южнаго.

Главнымъ источникомъ питанія этихъ рѣкъ является снѣговая вода, сбѣгающая ручьями изъ глубокихъ лѣсныхъ овраговъ, гдѣ снѣгъ залеживается долго и таетъ медленно. Кромѣ того долина, по которой текутъ рѣчки, изобилуетъ ключевыми болотинами, которыя задерживаютъ быстрый скатъ водъ съ холмовъ и постепенно изливаютъ ихъ въ рѣчки. Благодаря отдаленности крутыхъ склоновъ и

малому уклону долины, восточныя рѣки обладаютъ тихимъ теченіемъ и выносятъ очень мало строительныхъ матеріаловъ: въ образованіи мыса ихъ дельты большую роль играетъ богатая прибрежная растительность.

Характернымъ отличіемъ южныхъ рѣкъ Челемы и Кѣшмы является крутизна склоновъ холмовъ, которые онѣ пронѣзаютъ своими долинами, и незначительная ширина ихъ долинъ. Челема начинается изъ небольшого, но глубокаго Гуцинскаго озера, лежащаго на 25 верстѣ къ югу отъ Галича, и, пробѣжавъ между холмами около 35 верстѣ, впадаетъ въ Галичское озеро на западной половинѣ полуострова св. Фрола.

Кѣшма имѣетъ значительно меньшее протяженіе, много мелководнѣе и впадаетъ на полуостровѣ Глинникѣ. Крутизна склоновъ, спускающихся въ долины южныхъ рѣкъ, уничтоженіе лѣса и разработка полей на окрестныхъ холмахъ обуславливаютъ здѣсь скорое таяніе снѣга и быстрый скатъ дождевой воды, что отражается соотвѣтственно на рѣкахъ: онѣ быстры, многоводны и мутны весною и почти пересыхаютъ лѣтомъ, оживая только съ дождями. Ихъ созидательная работа уже была описана.

Кромѣ описанныхъ крупныхъ источниковъ, озеро питается многочисленными ключами сѣвернаго и юго-западнаго побережья, вытекающими съ низины берега по особымъ канавамъ. Наибольше крупныя изъ нихъ носятъ названіе рѣчекъ; таковы: Марфинская, Толтуниха, Тикинская, Мостище на сѣверномъ берегу, Утрусь, Поповка, Зимняя, Востриловка, Севастьяновка, Трестянка, Свѣтичка— на юго-западномъ.

Водная поверхность озера занимаетъ 77,1 кв. клм. и возвышается надъ уровнемъ моря на 118 м. (Стрѣльбицкій). Несмотря на значительную площадь, озеро очень мелководно, причиной чего является долготнѣе засореніе иломъ. Наибольшая глубина, обнаруженная мною при батометрическихъ (глубинныхъ) измѣреніяхъ, равна 4,6 м.; средняя глубина 1,75 м. (Грачевъ, 1902 г.). Глубокія мѣста, или, по мѣстному названію, «глуби» располагаются двумя длинными, идущими параллельно берегамъ полосами; расположеніе и глубина ихъ нанесены на картѣ, для составленія которой и 12 разъ промѣрять озеро поперекъ въ различныхъ направленіяхъ.

Главная или «Большая глубь» начинается въ сѣверо-восточномъ углу озера двумя незначительными по глубинѣ вѣтвями— «Заглубой» отъ восточнаго берега и «Глубокиимъ рядомъ» отъ устья восточныхъ рѣкъ, направляется параллельно сѣверному берегу на юго-западъ и кончается, не доходя немного до мыса Зимника. Другая глубь начинается въ заливѣ между полуостровами южнаго берега, недалеко отъ устья Кѣшмы, огибаетъ весь полуостровъ св. Флора и кончается въ юго-западномъ углу озера. Различныя части ея носятъ свособразныя названія: я перечислю ихъ, начиная отъ устья Кѣшмы: Горбуниха, Святицкая глубь, Ключевая, Толстикова, Потравье. Со дна Ключевой глуби поднимается нѣсколько ключей, изъ которыхъ одинъ настолько силенъ, что въ тихую погоду замѣтенъ опытному глазу рыбака. Ширина южной и сѣверной глуби, какъ то видно на картѣ, незначительна сравнительно съ ихъ длиною.

То мѣсто, гдѣ Большая глубь всего ближе подходитъ своимъ западнымъ концомъ къ южной глуби, нѣсколько углублено въ сравненіи съ соседними и служитъ какъ бы протокомъ, сообщающимъ глуби между собою; у мѣстныхъ жителей оно носитъ имя «бакавды».

Заслуживаетъ вниманія отношеніе глубей къ рѣкамъ. При взглядѣ на карту, мы можемъ замѣтить, что глуби начинаются неподалеку отъ устьей рѣкъ: Большая глубь идетъ отъ восточныхъ рѣкъ, южная—отъ Кѣшмы и мимо Челемы.

Въ связи съ этимъ, г. Грачевымъ, посѣтившимъ Галичское озеро въ 1902 г., была высказана мысль, что озеро, постепенно засоряемое иломъ, въ концѣ концовъ совершенно высохнетъ и на его мѣстѣ останутся только глуби, которыя и будутъ служить руслами впадающимъ рѣкамъ.

Въ настоящее время глуби играютъ нѣкоторую роль при движеніи озерной воды: при восточныхъ и западныхъ вѣтрахъ, вода идетъ на мелкихъ мѣстахъ по вѣтру, а возвращеніе ея совершается по глубямъ, при чемъ изъ одной глуби въ другую вода переливается по тому углубленному мѣсту, которое носитъ имя «бакавды».

Замѣтить какое-либо соотношеніе въ ходѣ рыбы съ этими движеніями воды мнѣ не удалось, тѣмъ болѣе что постоянныхъ правильныхъ теченій не наблюдается въ озерѣ совершенно.

Дно озера виолнѣ соответствуетъ его берегамъ, т. е. оно боль-

шей частью, не исключая самых глубоких мѣстъ, покрыто толстымъ слоемъ пла. О толщинѣ слоя можно судить по тому, что шестъ свободно втыкается въ него на 4 аршина и всетаки не достаетъ до плотнаго грунта. Только три небольшихъ участка на южномъ берегу и два на сѣверномъ обладаютъ прибрежнымъ песчанымъ дномъ, которое построено весенними ручьями овраговъ и протирается въглубь озера очень незначительно: уже на разстояніи 10 сажень отъ берега песокъ прикрывается слоемъ пла. Эти мѣста пзвѣстны у рыбаковъ подъ именемъ «твердышей» и соотвѣтственно отмѣчены на картѣ.

Къ сожалѣнію въ моемъ распоряженіи не было инструментовъ для измѣренія температуры воды на глубинѣ и для опредѣленія ея прозрачности, но я убѣжденъ, что разница температуръ глубокихъ и поверхностныхъ слоевъ невелика, а прозрачность при мелководьи озера, кромѣ обычныхъ измѣненій ея отъ прибыли дождевой или снѣговой воды, большого или меньшаго развитія животной и растительной жизни и т. п., въ значительной степени зависятъ отъ силы движенія воды вѣтромъ.

Рыбная Слобода.

По береговымъ холмамъ или ихъ подножьямъ вокругъ озера лежатъ многочисленныя села и деревни, а на южномъ берегу раскинулся живописный старинный городъ Галичъ съ Рыбной Слободой, населеніе которой занято рыбнымъ промысломъ на озерѣ. Городъ располагается по склонамъ холмовъ и по низкому берегу, отчасти по полуострову Глиннику, а на востокъ отъ него по самому берегу тянется Рыбная Слобода. Въ городѣ числится по послѣдней переписи 7000 жителей, но за послѣдніе годы, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги, число ихъ возросло, вѣроятно, до 10000. Около 1200 приходится на Слободу, причемъ, по собственной рыбацкой переписи 1913 года, 1055 изъ нихъ кормятся исключительно рыбнымъ промысломъ.

По внѣшности представители Слободы ничѣмъ не отличаются отъ прочихъ мѣстныхъ жителей, но сами они почему то считаютъ себя потомками уральскихъ казаковъ, которые будто-бы были пере-

селены сюда при Екатеринѣ Великой въ числѣ десяти семей и дали начало Рыбной Слободѣ. Документальныхъ данныхъ, подтверждающихъ этотъ разсказъ, никакихъ нѣтъ, наоборотъ, кони съ грамотъ, жалованныхъ въ разное время различными Великими Князьями и Царями Русскими рыбакамъ в городу Галичу, говорятъ за то, что Рыбная Слобода и рыбный промыселъ существовали на озерѣ задолго до царствованія Екатерины II. Для характеристики древняго управленія русскими рыбными промыслами, привожу цѣлкомъ и съ соблюденіемъ орфографіи одну изъ древнѣйшихъ грамотъ, которую я нашелъ въ видѣ коніи у одного изъ рыбаковъ.

7014
1506 г. марта 23.

„Се язъ Князь Великій Василій Ивановичъ Всея Руссеи.—
Пожаловалъ есмь своихъ рыболовей Галичскихъ Нестерка Ильина, да Дему Тимохина, да Захара Анапыина, да Филимоника Федорова, да Палку Иванова, да Михале Дѣева, да Сенку Мелентьева, да Онцифорика Иванова, да Осифа Анапыина, да Федька Дворникова, да Петрушку Лаврентьева, да Петрушку Гридина, да Василья Захарова, да Ивашку Давыдова, да Васьки Федорова, да Микитку Парфеньева, да Олексейка Власова, да Данилка Гаврилова, да Лавра Борисова, да Левона Феофанова, да Илью Гридина, да Исака Матфѣева, да Тереха Матфѣева, да Есипа Васильева, да Илью Окулова, да Демда Иванова, да Петрушку Симанова, да Гриди Леонтьева, да Сенку Гридина, да Оксене Мамукова, озеромъ Галичскимъ, да корытинами, что около того озера да рѣкою Вексою, да соколы помчичи, опрочѣ ловицъ Григорьевыхъ дѣтей Морозова. А ловити имъ рыбу въ томъ озерѣ и въ корытинахъ и въ рѣкѣ въ вѣскѣ и въ соколыныхъ помчичахъ лѣтъ, отъ леду до леду. А что ихъ ловля по рѣкамъ по подучимъ и потѣмъ рѣчкамъ ловятъ рыбу тѣ-жъ рыболове, по старымъ своимъ ловицамъ отъ леду до леду. А давати имъ съ того озера и съ рѣки съ вексы и съ рѣчекъ съ падучихъ и съ корытинъ и съ соколыныхъ помчичъ за рыбную ловлю за летнюю згуду, на годъ на мой дворець полтретьнадцатъ рублей; опрочѣ поддєдныя лован зимніе. А дати тѣмъ рыболовемъ тотъ оброкъ впервые,

на крещеніе Христова лѣта семь тысячъ пятаго надесять опроче тѣхъ рыболовей неловити рыбы въ озерѣ и въ рѣчкѣ въ Вексѣ и въ подучпхъ рѣчкахъ лѣтъ никому. А кто учнетъ опроче тѣхъ рыболовей рыбу ловити въ озере и въ рѣчкѣ въ вексѣ и въ паду-чихъ рѣчкахъ и язъ тѣмъ рыболовямъ, тѣхъ велѣтъ имати изъ заповѣди, доставити предъ своими намѣстники передъ галичскими. До како утяжутъ. И намѣстники наши на томъ велѣтъ взяти себѣ рубль, а другой рубль рыболовемъ. А дана грамота лѣта семь тысячъ четвертаго надесять марта 23 день на подлинной на оборотѣ написано: Князь Великій Василій Ивановичъ всея русіи, приказалъ Дворецкой Петръ Васильевичъ; на той же грамотѣ приложена печать на красномъ сержуче на полку.“

Эта грамота и другія, слѣдовавшія за ней, указываютъ, что уже въ то время (XVI в.) озеро имѣло для жителей Галича и окрестныхъ селеній важное значеніе. Болѣе позднія грамоты подтверждаютъ принадлежность озера галичскимъ рыболовамъ, а также устанавливаютъ различныя наказанія и угрозы за нарушеніе этого права собственности, что перѣдко дѣлали крестьяне сосѣднихъ деревень по своей волѣ или по приказу своихъ господъ и приказчиковъ.

Эти же грамоты позволяютъ прослѣдить послѣдовательно увеличеніе промысловой пошлины. Въ 1506 году рыбаки платили «полтретнадцать рублевъ» т. е. 6½ рублей, въ 1585 г. плата «по девяти рублевъ, по двадцати по семи алтынъ» въ 1631 г. уже «по сту по пятидесяти по четыре рубли по четырнадцати алтынъ съ деньгою на годъ», въ 1728 г. «по сту по пятидесяти девяти рублей по осьми алтынъ съ деньгою на годъ».

Впервые упоминаніе о существованіи Рыбной слободы встрѣчается въ грамотѣ отъ Михаила Феодоровича за 1626 г. въ такомъ видѣ: «Генваря 29 дня; привезъ въ Галичскіе рыбныя слободы посацкой человекъ Папкратъ Брызгинъ», (здѣсь говорится о привозѣ грамоты).

Въ настоящее время озеро принадлежитъ городу и Слободскіе рыбаки за право лова и за пользованіе озерными травами уплачиваютъ ежегодно 1200 р. Изъ этой же суммы уплачивается промысловый налогъ.

Увеличеніе арендной платы шло за послѣдніе 40 лѣтъ съ такою послѣдовательною:

7) Воспрещается также ловля рыбы кннами т. е. посредством пучковъ хвороста и ельника отпускаемыхъ въ озеро во время метанія икры рыбою, а также и въ остальное время года, а затѣмъ выбрасываніе этихъ пучковъ на берега и вообще засореніе прилегающихъ къ озеру и прочимъ водамъ городскихъ и владѣльческихъ сѣнокосныхъ поженъ и прочихъ угодій, въ противномъ случаѣ виновные въ причиненіи кому либо убытковъ отвѣчаютъ за таковыя лично.

8) Представляется арендаторамъ, лицъ замѣченныхъ ими въ самовольной ловлѣ рыбы въ отданныхъ имъ въ городскихъ водахъ преслѣдовать установленнымъ въ законѣ порядкомъ, безъ всякаго участія въ этомъ Управы.

9) Не воспрещается имъ устраивать на городскомъ берегу рыболовныя пристани, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ устроены заводы, огуречники, пристани для перевоза судовъ съ грузами и безъ онаго, купальни, портомойни, плоты.

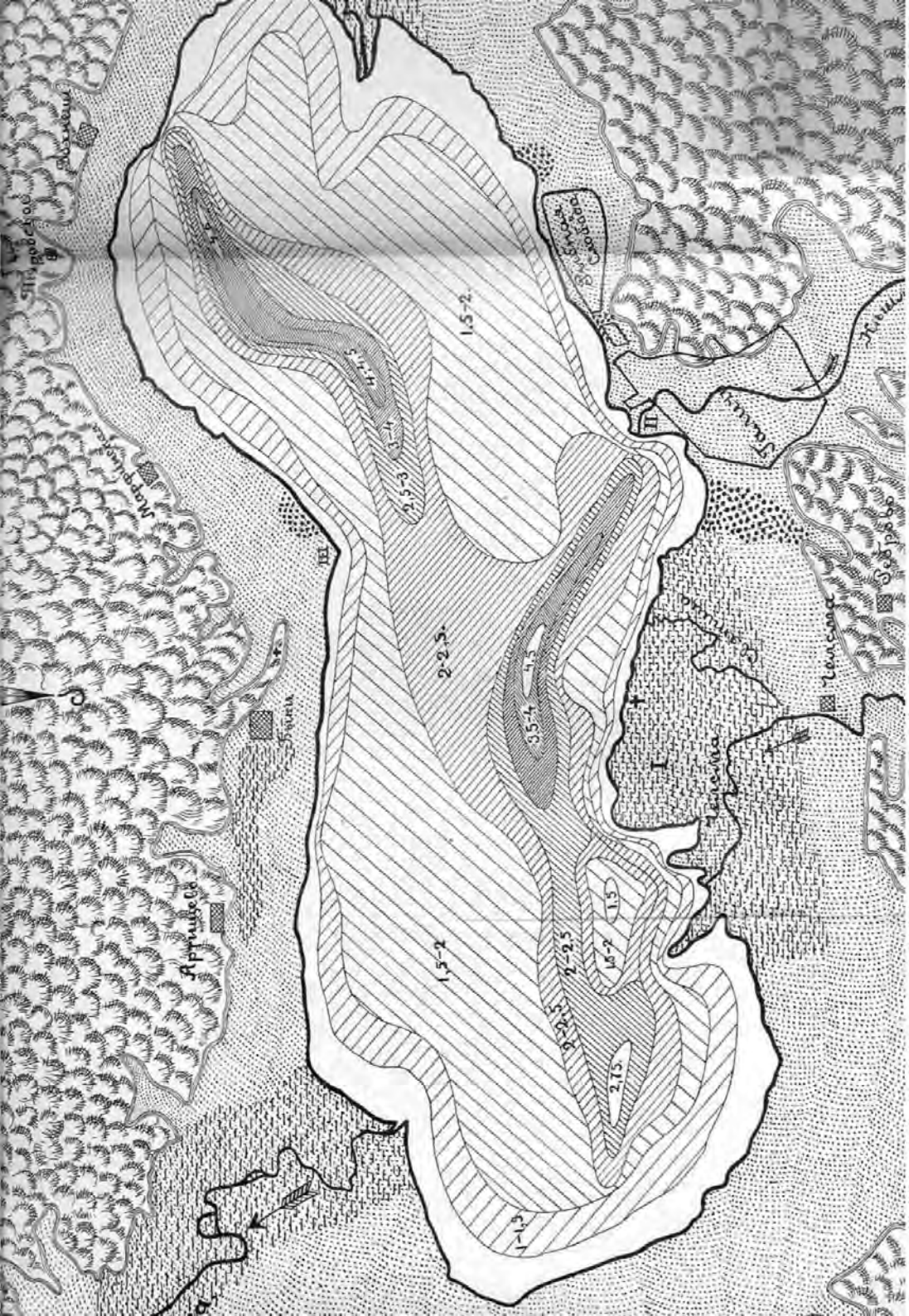
10) Прежде окончанія срока арендаторы не могутъ отказаться отъ содержанія рыбныхъ ловель, кромѣ случая, если они пожелаютъ передать таковыя въ содержаніе на сихъ-же условіяхъ другимъ лицамъ, но при этомъ должны испросить на это дозволеніе Управы.

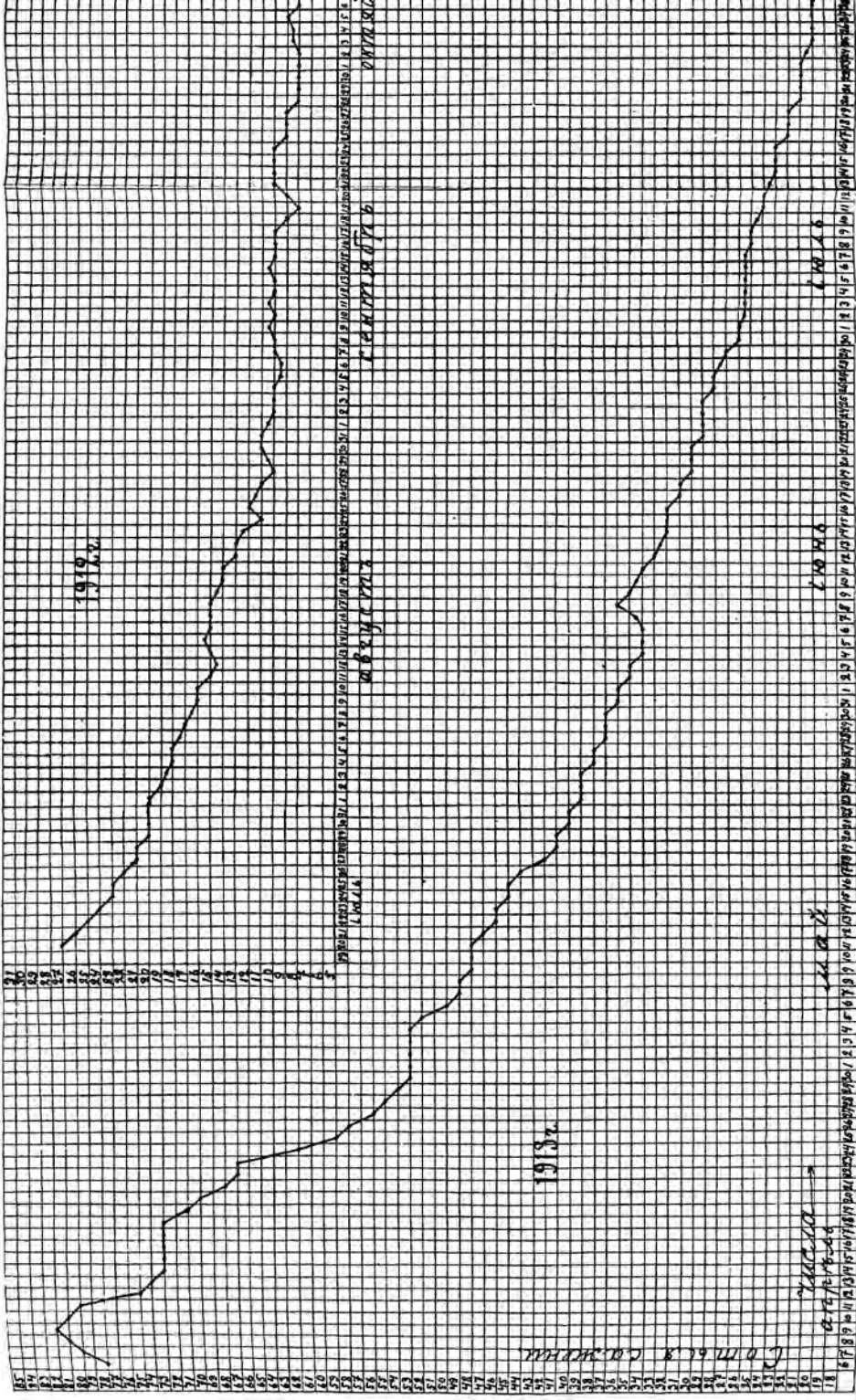
11) Въ обезпеченіе исправной платы за содержаніе рыбныхъ ловель и вообще точнаго исполненія всѣхъ условій, помѣщенныхъ въ этомъ договорѣ, арендаторы отвѣтствуютъ предъ Городскою Управою круговою другъ за друга порукою какъ лично, такъ и пмуществомъ своимъ, впредь до окончанія срока аренды.

12) Въ случаѣ смерти кого либо изъ арендаторовъ, законные наследники ихъ, принявшіе наследство, обязываются вступить во всѣ права и обязанности умершихъ по настоящему контракту, и не могутъ быть освобождены отъ платежа убытковъ и ущерба для городской кассы, если таковыя окажутся по винѣ арендаторовъ.

13) Засвидѣтельствованіе сего контракта, а равно и издержки потребныя для сего, арендаторы должны принять на свой счетъ.

Итакъ съ 1911 года письменнаго условія съ городомъ не заключалось и новаго довѣреннаго не избирали. Причину этого легко понять изъ разсказовъ о дѣятельности довѣренныхъ. Дѣло въ томъ, что довѣренность давала одному лицу большія полномочія, самъ довѣренный старался расширить ихъ, велъ съ помощью своей

Диаграммы уровня Галицкого озера за 1912 и 1913 г.г.
 (По наблюдениямъ І. М. Ожогина).

партіи собранія и перѣдко притѣснялъ рыбаковъ. Для иллюстраціи приведу нѣсколько строкъ изъ послѣдней довѣренности 1905 года: «. . . если кто будетъ ловить рыбу въ озерѣ и его притокахъ кѣпами, или пучками хвороста, а въ весеннее время сльнкомъ во время метанія рыбою икры или вообще кто будетъ замѣченъ въ уборкѣ травы до перваго іюля и въ самовольной рыбной ловлѣ, то предоставляемъ Вамъ право преслѣдовать виновныхъ установленнымъ порядкомъ . . . если старшія лица въ артели получивши надѣлъ на свою артель не будутъ своевременно собирать и вносить въ управу денегъ, то вы можете лишить ихъ надѣла и передать эти надѣлы другимъ лицамъ, а равно если кто не будетъ исполнять нашихъ рыбацкихъ правилъ и порядковъ, или кто будетъ производить рыбную ловлю въ зимнее время на большихъ тоняхъ артелями не менѣе 26 человекъ, а во время лова щуки на малыхъ тоняхъ при артеляхъ въ 13 человекъ, болѣе одного череда, то лишать ихъ права лова рыбы на одинъ чередъ или взыскивать съ виновныхъ установленный между нами штрафъ».

Изъ этихъ словъ видно какою властью обладалъ довѣренный, но и помимо того выгода его положенія заключалась еще въ томъ, что на рукахъ у него постоянно находились общественныя суммы въ безотчетномъ распоряженіи. Годовая арендная плата — 1200 р. не раскладывалась поровну между рыбаками такъ, чтобы собралась точно эта сумма, а попросту каждый участникъ лова вносилъ своему старостѣ сразу или по частямъ въ теченіе года 5 руб. Со всѣхъ 308 ловцовъ собиралось, слѣдовательно, 1540 руб., изъ которыхъ городская управа получала 1200 р., немного уходило на расходы по гербовому сбору и пр., а все остальное довѣренный тратилъ по собственному усмотрѣнію, тѣмъ болѣе, что о веденіи приходо-расходныхъ книгъ рыбаки никогда не заботились. Немудрено, что при такихъ условіяхъ довѣренные старались какъ можно дольше удерживать свою должность и послѣдній изъ нихъ 28 лѣтъ завѣдывалъ дѣлами Слободы.

Такая организація рыбацкаго общества а также розничная продажа рыбы и покупка всего необходимаго на городскомъ рынкѣ, безъ сомнѣнія, приносятъ рыбакамъ большіе убытки, и созданіе хорошо организованной кооперациі по сбыту и покупкѣ могло бы принести громадную пользу всему населенію Слободы.

Быть рыбаковъ.

Слобода тянется на востокъ отъ города почти на 2 вереты' располагаясь по узкой перегнойной полосѣ берега между озеромъ и холмами. Бя дома стоять тремя порядками, образуя двѣ улицы, изъ которыхъ одна проходитъ по самому берегу озера, отдѣляясь отъ озера только огородами. По расположенію строеній легко замѣтить, что всѣ жители стремятся быть какъ можно ближе къ озеру, поэтому на Набережной улицѣ дома лѣнятся вплотную другъ къ другу. При взглядѣ на Слободу съ горы, сразу бросается въ глаза совершенное отсутствіе въ ней деревьевъ, что объясняется желаніемъ сохранить мѣсто для огородовъ, играющихъ важную роль въ жизни рыбаковъ.

Жилища слобожанъ представляютъ деревянные, большей частью одноэтажные дома, къ которымъ пристроены крытые дворы для скота и для сохраненія рыболовныхъ снастей. Внутри домъ раздѣляется перегородкой на горницу и кухню; въ кухнѣ находится вся хозяйственная утварь, размѣщенная по полкамъ, на полатяхъ и въ поставцѣ. Въ горницѣ окна заняты цвѣтами, на стѣнахъ висятъ украшенія въ видѣ нестрыхъ, случайно найденныхъ объявленій, вырѣзокъ изъ журналовъ, фотографій и т. п. Въ сторонѣ стоитъ большая постель подъ ситцевымъ пологомъ и комодъ или буфетъ. Мебель всегда въ видѣ стульевъ; скамьи почти не встрѣчаются, развѣ лишь въ кухнѣ. Для иконъ отводится особый уголъ; здѣсь зачастую можно встрѣтить въ рѣзныхъ старыхъ кіотахъ очень древніе образа, литые кресты и складни. На столикѣ подъ кіотомъ часто лежатъ душеспасительныя, болѣе или менѣе древнія книги: псалтырь, библия и т. п.

Наиболѣе зажиточные рыбаки обладаютъ двухъэтажными домами, при чемъ верхъ считается чистой половиной, гдѣ принимаютъ гостей по праздничнымъ днямъ, тогда какъ внизу помѣщается постоянно семья. Эта парадная половина отличается чистотой, лучшей обстановкой и украшеніемъ: столы покрыты скатертями, на стѣнахъ висятъ портреты Государя и Государыни, зеркала, фотографіи, часы, картинки; въ стеклянной горкѣ поставлена росписная посуда и красивыя бездѣлушки.

Одежда слобожанъ, мужчинъ и женщинъ, ничѣмъ не отличается теперь отъ обычной городской, но дѣтъ 30—40 тому назадъ въ женскихъ нарядахъ еще было много своеобразнаго: сарафаны, душегрѣи, кокошники, поднизи и т. п. Мужчины одѣваются особое платье для лова; оно будетъ описано ниже.

Главными чертами въ характерѣ слобожанъ являются миролюбіе, радушіе и гостепрѣимство. Отношеніе ихъ другъ къ другу хорошо обрисовывается въ ихъ общественной жизни. Цѣлый рядъ артельныхъ и общественныхъ правилъ и обычаевъ соблюдается по возможности точно, даже если они иногда невыгодны для того или иного члена. Напримѣръ, обычай принятый во всѣхъ артеляхъ: когда артель передъ началомъ лова дѣлаетъ расходы на вино, то никто изъ ея членовъ не можетъ отказаться отъ возмѣщенія своей доли расхода, даже если онъ и не пьетъ вина. Или, изъ общихъ правилъ: никто не можетъ начинать косить траву на озерѣ до 1-го іюля. Нарушеніе грозитъ виновному тайной местию въ родѣ того, что у него изрѣжутъ снасти, или изломаютъ лодку. Но соблюденіе правилъ гарантируется не только страхомъ наказанія, но и сознаніемъ того, что они важны, ибо установлены общиной.

Признаніе важности общественныхъ интересовъ безусловно существуетъ у рыбаковъ, но оно не дошло еще до такой степени, чтобы они могли самостоятельно объединиться въ общину, которая рѣшала бы дѣла не только касающіеся промысла, но и всей жизни Слободы. Для этого не хватаетъ ни общаго развитія рыбаковъ, ни энергичныхъ и образованныхъ дѣятелей въ ихъ средѣ.

Уровень образованія рыбаковъ очень невысокъ. Въ Слободѣ есть школа, но мало мальчиковъ проходятъ полный трехлѣтній курсъ: большинство уходитъ послѣ второго года, чтобы помогать отцамъ при зимнемъ ловѣ. Читать и писать имъ не приходится, а потому, года черезъ три послѣ ученья, забывается почти все. Число неграмотныхъ взрослыхъ мужчинъ составляетъ приблизительно $\frac{1}{4}$ часть всего населенія; другіе умѣютъ только кое какъ написать свое имя. Предметомъ чтенія являются всегда книги религіознаго содержанія.

Отношеніе рыбаковъ къ образованію опредѣленно: учиться хорошо, но нѣтъ средствъ и времени на это.

Выше другихъ на ступени знанія стоятъ тѣ, кто, отбывая воинскую повинность, выказавъ способности и дошелъ до степени какого нибудь ефрейтора, кауценармуса или боцмана. Эти «образованные» рыбаки не прочь похвастать своими знаніями, умѣньемъ говорить мудренныя слова и пожаловаться на то, что имъ приходится жить съ простыми «непонимающими» мужиками. Прочіе обитатели Слободы относятся къ ихъ образованію или съ уваженіемъ или съ проніей, но на собраніяхъ легко отступаютъ передъ ихъ красной рѣчью.

Слобожане очень набожны, строго соблюдаютъ посты. Мужчины, отвлекаемые ловомъ, не такъ часто посѣщаютъ храмы, какъ женщины. Число церквей въ Слободѣ три. Представители «старой вѣры» теперь вымерли; послѣдніе изъ нихъ были живы 2—3 года тому назадъ и оставили наслѣдство въ видѣ книгъ, иконъ и т. п.

Въ семьѣ главою является мужъ. Его приказанія исполняются безпрекословно, прихоти и недостатки ему прощаются, ибо онъ кормилецъ всей семьи и за свою работу можетъ погулять и приказывать. Женщина-хозяйка, хотя и находится въ подчиненіи у мужа, все-же пользуется отъ него большимъ уваженіемъ, потому что она обращаетъ въ деньги его работу, готовитъ ему все орудія лова и завѣдуетъ хозяйствомъ. Раздѣленіе труда между членами семьи ведется изстари такимъ порядкомъ: жена вяжетъ сѣти, заготавливаетъ и продаетъ рыбу, слѣдитъ за огородами и домашнимъ хозяйствомъ съ помощію дочерей. Мужъ занятъ исключительно рыбной ловлей и только весною помогаетъ при работахъ на огородѣ. Мальчики съ ранняго дѣтства выказываютъ склонность къ промыслу отцовъ и помогаютъ имъ по мѣрѣ силъ. Нѣкоторое измѣненіе внесено въ работу мужчинъ закономъ о запретѣ лова съ 15 апрѣля по 15 іюля. Многимъ пришлось, по окончаніи весеннихъ работъ на огородахъ, измѣнить врожденной привычкѣ свободнаго лова на озерахъ и принесть заработокъ на сторонѣ, чтобы прокормить семью въ эти 2 остающіеся мѣсяца.

Вся жизнь рыбаковъ тѣсно связана съ ихъ промысломъ и большая часть занята или ловомъ, или приготовленіями къ нему.

Съ первыми признаками весны въ Слободѣ начинается приготовленіе къ весеннему лову: смолятъ и чинятъ лодки, насаживаютъ и спиваютъ различныя орудія лова: невода, сѣти, верени. Жен-

щины и дѣвушки цѣлыми днями сидятъ, довызывая послѣдніе куски сѣтей.

Въ первыхъ числахъ апрѣля рыбаки выѣзжаютъ на озеро. Раннимъ утромъ, забравъ съ собою снасти, «заводъ», какъ говорятъ рыбаки, одежду, чайникъ, котелокъ, топоръ и берестяную котомку съ хлѣбомъ, ловець отправляется въ дорогу. Одѣтый въ сѣрый «балахонъ», т. е. халатъ изъ грубой холстины, и высокіе сапоги, съ утра до вечера плаваетъ онъ, подпираясь шестомъ, по залитымъ луговинамъ, разставляетъ снаряды, бродитъ по колѣни въ холодной водѣ, отдыхаетъ на зеленѣющихъ островкахъ у костра, нерѣдко започуетъ здѣсь, чтобы съ зарею подстеречь хитрую рыбу на весенней игрѣ.

Великій постъ кладетъ отпечатокъ на жизнь Слободы: улицы тихи и пусты, всѣ заняты работой или молитвой. Но съ наступленіемъ Пасхи все принимаетъ торжественно-праздничный видъ: вечерами смѣхъ и пѣніе раздаются на улицахъ, днемъ видны повсюду кучки наряженной молодежи и нерѣдко отцы семействъ веселыми ногами держать путь изъ города домой.

Во второй половинѣ апрѣля начинается работа на Слободскихъ огородахъ. Увеличеніе населенія Слободы и недостатокъ рыбныхъ богатствъ озера, заставили слобожанъ обратить вниманіе на плодородность почвы береговъ озера, на его растительность и въ результатѣ появилось въ Слободѣ развитіе огородовъ и использование озерныхъ травъ на кормъ скоту. За послѣдніе 10 лѣтъ Слободскіе огороды развились очень сильно и теперь служатъ значительнымъ подспорьемъ въ бюджетѣ рыбака, особенно въ лѣтніе мѣсяцы, свободные отъ лова.

Каждый домъ, расположенный по Набережной улицѣ Слободы обладаетъ огородомъ-огуречникомъ оригинальнаго устройства. Оно таково: на нѣкоторомъ разстояніи отъ берега въ дно озера вбивается рядъ высокихъ свай; ихъ основанія переплетаются и обкладываются ельникомъ; такимъ образомъ, получается плотная и крѣпкая гать, которая нѣмного выдается своей верхушкой надъ весеннимъ уровнемъ озерной воды. Пространство отъ гати до берега и часть берега заваливаются хворостомъ, на который сверху накладывается слой чернозема около $\frac{1}{4}$ аршина толщиною; получается сооруженіе съ горизонтальной поверхностью, очень плодородной почвой и при-

существомъ воды подъ ней. На черноземѣ дѣлаются изъ навоза лунки, внутрь которыхъ насыпается «лыва» т. е. тонкій растительный перегной, добываемый со дна озера неподалеку отъ береговъ, куда его намываетъ волнами; въ лыву садится огуречная расада. Весь огуречникъ обносится плетнемъ изъ распустившихся березокъ, а молодая расада прикрывается первое время соломенными или стеклянными щитками отъ морозовъ и слишкомъ сильнаго солнечнаго жара.

Ежегодное возобновленіе огуречниковъ, разрушаемыхъ весною льдомъ и волнами, требуетъ около 2-хъ недѣль времени и даетъ тѣмъ рыбакамъ, кто работаетъ и на чужихъ огородахъ, заработокъ. Устройство гати, привозка чернозема, лывы, хвороста, навоза—составляетъ расходъ около 70 рублей, при площади огорода въ 100 кв. саженъ; въ эту же сумму входитъ расходъ по покупкѣ сѣмянъ, полотью и устройству лунокъ, при чемъ послѣдняя работа исполняется обычно деревенскими женщинами, специально являющимися для этого въ Слободу весною.

Обычнаго типа огорода располагаются на собственной или арендованой у города землѣ и служатъ для выращиванія другихъ овощей; здѣсь также употребляется для удобрения озерной перегной.

Присутствіе огородовъ на окраинахъ собственно города и потребность удобрения ихъ даютъ рыбакамъ весной нѣкоторый заработокъ: лодка чернозема или лывы, привезенная сюда, цѣнится въ 1½—2 руб.

Около 20 мая всѣ работы на огородахъ закончены; лова на озерѣ нѣтъ, а потому часть рыбаковъ отыскиваетъ заработокъ на сторонѣ, что не всегда легко.

Это время, т. е. конецъ мая и июнь, Слобода нѣсколько пустѣетъ днемъ и только вечерами видны возвращающіеся съ работъ рыбаки. Лѣтнія работы женщинъ заключаются въ уходѣ за огородами, торговлѣ овощами на городскомъ рынкѣ и обычномъ вязаньи сѣтей.

Нужно сказать, что всѣ орудія лова (здѣсь употребляются только сѣтяные снаряды, крючковыхъ нѣтъ совершенно) изготовляются самими слобожанами; лѣтъ 10 тому назадъ часть сѣтей привозилась изъ г. Котельнича (Вятск. губ.).

Сѣти вяжутся изъ пенковой или, рѣже, изъ льняной пряжи.

Пенька цѣнятся отъ 20 до 23 коп. фунтъ. Почти всѣ рыбаки пользуются работой своихъ женъ и дочерей и рѣдко покупаютъ сѣти. На продажу вяжутъ тѣ женщины, въ семьѣ которыхъ нѣтъ мужчинъ: вдовы, дѣвушки-сироты. Для нихъ это почти единственный заработокъ, только за послѣдніе годы нѣкоторыя стали заниматься шитьемъ. Плетеніе сѣтей даетъ очень малый доходъ: за цѣлый день работы хорошая мастерица едва заработаетъ 20 коп.

Лѣтними вечерами женщины собираются на улицахъ небольшими кучками вокругъ столовъ, вяжутъ сѣти, ведутъ разговоры, поютъ; работа идетъ до темна, когда глазъ перестанетъ видѣть сѣтку.

Въ прежніе годы, по праздничнымъ лѣтнимъ днямъ, на горѣ за Слободою собиралась молодежь, водили хороводы, затѣвали игры, пляски—словомъ, шло то веселье, о которомъ теперь остались только рассказы. Также въ область рассказовъ отошли древніе свадебные и похоронные обряды, пѣсни и обычаи. Всѣ они вытѣснены новыми, перенятыми въ городѣ, или привезенными небольшою кучкой интеллигентовъ изъ столицъ.

Съ перваго іюля начинается въ Слободѣ своеобразный сѣвко-сь. Такъ какъ рыбаки не имѣютъ своихъ луговъ, а откупать ихъ у города или у крестьянъ невыгодно, то на кормъ скоту употребляются озерныя травы, которыми слобожане имѣютъ право пользоваться согласно договору съ городомъ. Слѣдуетъ замѣтить, что съ конца іюня въ озерѣ развиваются многочисленныя травы, изъ которыхъ въ качествѣ сѣна берутъ хвощъ и камышъ. Такъ какъ хвощъ растетъ у самыхъ береговъ и стебель его почти одинаково травянистъ по всей длинѣ, то его жнутъ стоя по поясъ или по грудь въ водѣ и стараются срѣзать побѣги какъ можно ближе къ корневищу; у камыша срѣзаютъ серпомъ съ лодки только верхнюю болѣе мягкую часть стебля. Тотъ и другой сушатъ не въ жаркой поддень, а утромъ и вечеромъ, благодаря чему ихъ жесткіе стебли не высыхаютъ чрезмѣрно, а только провяливаются. Сушка происходитъ гдѣ нибудь на берегу озера или на улицахъ слободы. Продажа этого сѣна даетъ рыбакамъ нѣкоторый доходъ: лодка его цѣнится 2—3 руб., смотря по урожаю луговыхъ травъ.

Сѣвко-сь продолжается до половины іюля, послѣ чего начинаютъ приготовленія къ главному осеннему лову. Этотъ ловъ на-

чинается со второго августа и захватывает все население Слободы. Важное значеніе въ жизни слобожанъ подчеркивается исполненіемъ древняго обряда, который называется «молить калачи» и совершается въ Спасовъ день 1-го августа. Раннимъ утромъ въ этотъ день изъ города идутъ одна за другой пары рыбаковъ и несутъ на палкахъ корзины съ калачами, которые загодя заказываютъ въ городскихъ пекарняхъ каждая артель. Послѣ ранней обѣдни въ трехъ слободскихъ церквахъ, изъ Слободы въ городской соборъ направляется крестный ходъ; въ соборѣ служатъ позднюю обѣдню, а послѣ нея все духовенство, рыбаки и горожане идутъ къ Слободѣ на берегъ озера, гдѣ совершается молебень съ водосвятиемъ. Послѣ молебна рыбаки собираются по артельно со всѣми семейными по избамъ, и начинается самый обрядъ. На столъ ставятъ корзину съ калачами и вино, у стола на полъ кладутъ «кутець», т. е. матню невода, и всѣ разсаживаются по избѣ, при чемъ женщины помещаются въ кухнѣ, за перегородкой, а ребята садятся на «кутець» или на полъ. Всѣ мнуту сидятъ молча, потомъ первымъ встаетъ большакъ артели, за нимъ поднимаются остальные и молятся. Первая молитва—«Богородица». Помолвившись, снова садятся въ молчаніи и снова встаютъ на молитву. Вторая молитва—«Отче нашъ». Послѣ второй молитвы, всѣмъ раздають калачи, ѣдятъ, пьютъ вино, ведутъ разговоры; въ то же время подають калачи нищимъ, которые въ этотъ день посѣщаютъ Слободу въ большомъ числѣ. Когда всѣ наѣдятся и на вопросъ старшаго—«всѣ ли сыты?», отвѣтять—«всѣ», оставшіеся калачи убирають, опять присаживаются молча и встають, чтобы прочесть благодарственную молитву «за свою хлѣбъ-соль». Послѣ третьей молитвы въ избѣ остаются только артельные и семья хозяина избы, прочіе уходятъ. Читаетъ послѣднюю молитву-псаломъ «Помилуй мя, Боже», оканчивая его словами: «дай Богъ святой часъ». Этимъ обрядъ заканчивается и кутець, по обычаю, выносятся изъ избы. Въ прежніе годы обрядъ дополнялся еще тѣмъ, что крошили калачей въ кутець и съ крошками въ немъ ловили первый день; это было символомъ удачнаго лова и важности его для жизни рыбаковъ ¹⁾).

¹⁾ Таково объясненіе современныхъ рыбаковъ, но возможно предположить, что въ древности подъ этимъ подразумѣвалась жертва богу воды.

Остатокъ дня, послѣ окончанія обряда, употребляется на послѣднія приготовленія къ лову, а вечеромъ отправляются артелями въ городъ справлять наступленіе своего главнаго лова.

На слѣдующій день, съ восходомъ солнца отъ слободскихъ огуречниковъ отплываютъ одна за другой пары лодокъ съ неводами и разѣзжаются по всему пространству озера. Рыбаки одѣты въ свои «балахоны», сапоги, кожаные передники; на руки надѣты особые куски кожи—«наладонки», защищающіе ладонь и пальцы во время вытягиванія невода; при дождливой погодѣ надѣваются сверхъ того кожаный куртки—«рукава». Весь день проходитъ на озерѣ за ловомъ; здѣсь же рыбаки наскоро подкрѣпляются сухимъ хлѣбомъ, запивая его прямо водою изъ озера. Къ вечеру въ Слободѣ дымъ разстилается по улицамъ: это затопили печи для сушки рыбы. Передъ самымъ закатомъ рыбацкія лодки, отягощенные неводами и рыбой, подѣзжаютъ къ плотамъ, построеннымъ на сваяхъ за огуречниками каждой артелию. Здѣсь ихъ уже ожидаютъ женщины и ребята съ корзинами. Пока двое ловцовъ развѣшиваютъ неводъ по кольямъ надъ водою, четверо другихъ мѣряютъ рыбу ведрами, моютъ въ особыхъ корзинахъ съ длинными ручками и высыпаютъ по очереди въ корзины женщинамъ. Дѣлится только мелкая рыба, а крупная продается сообща и вырученныя деньги идутъ на покрытіе артельныхъ расходовъ по покупкѣ калачей, вина и т. д. Вымытая мелкая рыба поступаетъ въ распоряженіе женщинъ; се уносятъ къ вытопленнымъ печамъ, и засыпаютъ въ нихъ на ночь. Въ то же время рыбака встрѣчаютъ дома готовымъ ужинкомъ и чашемъ, послѣ чего онъ засыпаетъ до солнечнаго восхода, когда снова начинается работа.

Прерывается она только въ праздники или тогда, какъ всѣ захотятъ отдохнуть денекъ и дать успокоиться рыбѣ. Это рѣшается обычно молодыми рыбаками, и они рассказываютъ всѣмъ, что у одной артели унесло вѣтромъ лодку, и завтра она выѣхать на ловъ не можетъ. Слухъ этотъ, конечно, выдуманъ, и это извѣстно всѣмъ; но разъ сказано это, то всѣ остаются, такъ какъ, согласно старому обычаю, артели выѣзжаютъ на ловъ непременно всѣ и, если одна не можетъ ѣхать, то должны остаться и другія. День отдыха посвящается всеобщему пьянству ловцовъ.

Осенній ловъ продолжается до начала октября, когда озеро замерзаетъ. Доходъ, приносимый имъ рыбакамъ, является самымъ крупнымъ заработкомъ въ году и позволяетъ справиться съ нѣкоторыми нуждами: вылатить долги, сыграть свадьбу и т. п.

Съ появленіемъ льда, начинается новая работа на озерѣ. Рыбаки объединяются въ большія артели, по 26 человекъ, и вскорѣ приступаютъ къ зимнему неводному лову. Въ то же время на одномъ изъ общихъ собраній происходитъ дѣлежъ нѣкоторыхъ участковъ озера по артелямъ. Каждый артельный староста бросаетъ въ шапку свою монету, затѣмъ называютъ опредѣленный участокъ озера, а мальчикъ вынимаетъ одну изъ монетъ. Чья вынулась монета, той артели принадлежитъ названное мѣсто на все время зимняго лова. Въ теченіе всей зимы, до марта мѣсяца, ловъ идетъ почти безъ перемѣнъ.

Жизнь женщинъ въ эту пору идетъ своимъ порядкомъ: такъ же вяжутъ сѣти, продаютъ рыбу, управляютъ по хозяйству. Чтобы скоротать вечера, дѣвицы нерѣдко собираются небольшими кружками и съ пѣснями просиживаютъ за работой за полночь. На Введенъевъ день (21 ноября) и на Рождество собираются большія бесѣды; устраивается складчина, нанимаютъ избу и веселятся. Всего въ Слободѣ собирается въ разныхъ мѣстахъ одновременно три бесѣды. Въ ноябрѣ онѣ продолжаютъ недѣлю, на Рождествѣ—двѣ.

Конецъ зимы—февраль и начало весны—мартъ знаменуются для рыбаковъ снова усиленнымъ ловомъ, который прекращается съ появленіемъ первыхъ весеннихъ ручьевъ, чтобы уступить мѣсто уже упомянутому подготовленію къ весеннему лову.

Такъ годъ за годомъ протекаетъ всецѣло связанная съ озеромъ жизнь Слободы, измѣняясь согласно временамъ года.

Годичныя измѣненія жизни озера и промысла.

Континентальный климатъ мѣстности и мелководье озера создаютъ рѣзкія различія условій жизни въ немъ въ разные времена года. Холодная зима, покрывающая озеро толстымъ льдомъ; быстрое наступленіе весны; жаркое лѣто, когда при малой глубинѣ вся вода хорошо прогревается; осень, заражающая воду гніеніемъ обильныхъ

травь—всѣ эти рѣзкіе переходы соотвѣтственно отражаются на жизни рыбы, а, слѣдовательно, и на ловѣ.

Я ставлю себѣ задачей очертить возможно полно годовой кругъ жизни рыбы въ связи съ ходомъ рыбацкаго промысла и постараюсь прослѣдить тѣсную связь этой жизни со всѣми измѣненіями состояній озера. Для этой цѣли, мнѣ кажется, всего удобнѣе слѣдовать въ изложеніи естественному пути годовыхъ измѣненій. Начну очерчивать его съ весны.

Въ силу того, что настоящая работа представляетъ результатъ не долгодѣльныхъ наблюденій, а только собранныхъ въ теченіе весны и лѣта одного года, считаю долгомъ сказать, что ея данныя ближе всего стоятъ именно къ 1913 году, тогда какъ всѣ общія свѣдѣнія историческаго характера добыты путемъ распросовъ мѣстныхъ жителей, главнымъ образомъ, рыбаковъ, жизнь которыхъ, какъ мы видѣли, нераздѣльна съ жизнью озера.

В е с н а.

Въ первой половинѣ марта озеро еще покрыто сплошь льдомъ, во многихъ мѣстахъ крѣпко примерзшимъ къ мелямъ, берегамъ и прибрежнымъ зарослямъ. Но скоро положеніе измѣняется: снѣга окрестныхъ холмовъ таютъ, сбѣгаютъ ручьями въ овраги, поднимаютъ рѣчной ледъ и уносятся въ озеро. Близость крутыхъ склоновъ ускоряетъ эту работу; вода въ озерѣ начинаетъ прибывать, ледъ оттаиваетъ понемногу отъ земли, образуются небольшія закраины. Въ концѣ марта или въ началѣ апрѣля рѣки освобождаются отъ льда. Въ это время озерныя закраины совершенно отдѣляютъ ледъ отъ суши, луговины при устьѣ восточныхъ рѣкъ, на полуостровѣ св. Фрола и на Вексѣ заливаются прибывающей водой. Черезъ недѣлю послѣ вскрытія рѣкъ, неподвижный доселѣ озерный ледъ начинаетъ плавать, подгоняемый вѣтромъ, ломается, напираетъ на берега, набрасываетъ, на вихрь цѣлыя кучи хрупкихъ ледяныхъ глыбъ, наконецъ, останавливается у одной стороны озера и совершенно растаиваетъ въ теченіе недѣли. Во многихъ мѣстахъ на берегу можно видѣть слѣды напиравшаго когда-то сюда льда: сломанные кусты, камыши, исцарапанные стволы деревьевъ и т. п. Иногда сѣверо-западный вѣтеръ пригоняетъ ледяныя поляны къ затопляемымъ слободскимъ огуречникамъ, тогда трещать свая и

плетни, стирается чуть не вся прошлогодняя работа рыбаковъ. Случалось, что при большихъ разливахъ ледъ вторгался даже на Набережную улицу Слободы, угрожая ся домамъ.

Благодаря тому, что рѣки, впадающія въ озеро, незначительны по длинѣ, при дружной веснѣ поднятіе и паденіе озернаго уровня совершается очень рѣзко. Къ сожалѣнію, я не могу представить цифрами прибыли воды, насколько же быстро происходитъ ся паденіе, ясно изъ прилагаемой діаграммы.

Обиліе вблизи озера поемныхъ луговъ, на которыхъ вода при незначительной глубинѣ спокойна, скоро нагрѣвается и обогащается животной пищей, привлекаетъ сюда множество рыбы для нереста. Она поднимается изъ глубей озера, идетъ изъ Вексы, изъ впадающихъ рѣкъ, разбѣгается по залитымъ луговинамъ, кустамъ, по прошлогоднему камышу и мечетъ икру; вслѣдъ за ней появляются здѣсь и рыбаки.

Первыми пришельцами изъ рѣкъ и глубей озера являются щуки. Въ концѣ марта, когда ледъ еще неподвижно стоитъ на озерѣ, но уже отдѣленъ отъ береговъ закраинами и вода начинаетъ заливать луга, щуки выходятъ въ закраины къ зарослямъ кустовъ и камыша и бродятъ здѣсь, выбирая мѣста для нереста. Но словамъ рыбаковъ, сначала, вмѣстѣ съ самками выходятъ молодые самцы, а за ними слѣдуютъ и болѣе взрослые. Едва вода вступитъ на луга, щуки устремляются туда, и вскорѣ начинаютъ нерестъ. Это бываетъ, при ранней веснѣ, въ первыхъ числахъ апрѣля, при самой поздневей—не дальше 12 апрѣля. Нерестъ происходитъ на всемъ пространствѣ залитыхъ луговъ по утреннимъ и вечернимъ зорямъ, ослабѣвая днемъ. Продолжается онъ, при теплой погодѣ, 2—3 дня; послѣ этого срока, встрѣчаются только одиночныя икринныя особи. Икринныя самки очень осторожны, ходятъ не быстро, тщательно осматривая свой путь и рѣдко попадають въ сѣти. Наоборотъ, самцы, особенно молодые, стремительно носятся около самокъ, не показываютъ никакой осторожности и часто прорываютъ сѣть, понавъ въ нее. Икра выметывается на прошлогоднюю траву и здѣсь, въ быстро нагрѣвающейся водѣ, развивается очень скоро.

Температура воды луговъ значительно выше озерной: на озерѣ еще много льда, вода не теплѣе 5°, тогда какъ на лугахъ уже 7—8°.

Весь весенній ходъ щуки на луга и нерестъ занимають около 10 дней; наступающіе заморозки могутъ внезапно приостановить прибыль воды и нагрѣваніе ея, тогда щука уходитъ съ чистыхъ луговъ въ заросли, нерестуетъ медленнѣе, такъ что время нереста растягивается на лишнюю недѣлю. По окончаніи нереста щуки еще бродятъ въ некоторое время по лугамъ въ поискахъ добычи и скатываются отсюда вмѣстѣ съ убывающей водой.

Вмѣстѣ со щукой, или запаздывая всего дня на 2, нерестуетъ язь. Онъ зимуетъ всегда въ рѣкахъ, главнымъ образомъ въ восточныхъ, и выходитъ въ озеро немного позднѣе щуки. Мѣстами нереста онъ избираетъ заросли камыша и кустовъ, забирается въ самую чащу ихъ и здѣсь выметываетъ икру. Нереста его продолжаютъ всего 1—2 дня непрерывно съ утра до вечера. Тотчасъ по окончаніи икрометанія, язь уходитъ съ луговъ въ озеро и въ рѣки.

Вслѣдъ за яземъ или вмѣстѣ съ нимъ начинаютъ нерестовать ершъ и окунь. Оба они въ большомъ количествѣ населяють озеро, и тогда какъ ершъ является его кореннымъ жителемъ, значительная часть окуней зимуетъ въ рѣкахъ. Черезъ недѣлю послѣ освобожденія рѣкъ отъ льда, большія стада окуней направляются отсюда въ озеро, при чемъ болѣе старыя особи уходятъ для нереста къ глубямъ озера, а молодыя мечутъ не подалеку отъ береговъ.

Издавна рыбаками было замѣчено, что окуни откладываютъ свою икру на различные предметы, возвышающіеся со дна озера: пучки хвороста, корневища, вымытыя водой, старыя свая и т. п. Съ цѣлью предоставить рыбѣ подобныя нерестилища, весною въ озеро вдаль отъ береговъ опускались связки хвороста, которыя осенью употреблялись для лова. За послѣдніе годы строгое запрещеніе засорять озеро подобнымъ образомъ, заставило рыбаковъ оставить этотъ обычай. Ерши нерестуютъ поблизости отъ песчаныхъ береговъ, гдѣ дно покрыто не очень толстымъ слоемъ ила.

Благодаря многочисленности окуня и ерша, ихъ нерестъ продолжается около недѣли, напр. съ 6 по 13 апрѣля или позднѣе, смотря по погодѣ, отъ которой мѣняется и время другихъ нерестовъ. Продолжительность нереста окуня объясняется еще тѣмъ, что озерный окунь раньше рѣчного выходитъ на озерныя нерестилища и раньше начинаетъ нерестъ.

Если, послѣ описанныхъ нерестовъ, погода не измѣняется къ холоду, (а это часто случается, по замѣчанію рыбаковъ), то начинаютъ, около 13—15 апрѣля, нерестовать сорога и густера ¹⁾. Сорога, какъ и ершъ, постоянно живетъ въ озерѣ и не уступаетъ почти ему по количеству; густера встрѣчается много рѣже, но весною для метанія икры является въ озеро большими стаями изъ Вексы. Появленіе ея бываетъ иногда такъ внезапно, что обманываетъ даже опытныхъ рыбаковъ. Приливная стая разбивается на нѣсколько меньшихъ, которыя избираютъ мѣста для нереста залитыя заросли прошлогодняго хвоща и травъ. Въ теченіе 1—2 дней, по утрамъ при ясной погодѣ здѣсь все кишитъ рыбой, которая, окончивъ нерестъ, уходитъ также быстро, какъ появилась.

Сорога также нерестуетъ большими стаями и съ большимъ шумомъ, избирая для своей игры заросли стараго ситника около устья восточныхъ рѣкъ, у мыса Зимника и полуострова св. Фрота. Ея нерестъ также непродолжителенъ, какъ и густеры, но случается иногда, что собравшаяся и начинающая «ходить» рыба пугается внезапной непогоды, снова скрывается въ глубь и выходитъ на нереста небольшими стайками; въ такомъ случаѣ нерестъ идетъ съ перерывами недѣлю или больше.

Сорога, какъ и окунь, охотно мечетъ икру на подводные предметы, но въ отличіе отъ послѣдняго предпочитаетъ нереститься на пучкахъ хвоя. Съ цѣлью лова ея во время нереста и для предоставленія ей выгодныхъ нерестилищъ, въ озеро опускаются небольшія связки ельника или можжевела. Онѣ привязываются къ шестамъ, втыкаемымъ въ дно недалеко отъ зарослей камыша; благодаря короткой привязкѣ, пучокъ не опускается въ спокойные глубокіе слои воды, а остается у поверхности, и выметанная на хвою икра постоянно омывается волнами. Вынимаются изъ воды пучки только послѣ развитія икры въ молодъ. За послѣдніе годы класть ельникъ какъ и хворостъ запрещено, и рыбаки жалуются на малые урожаи молодн сороги. Это легко объясняется тѣмъ, что за отсутствіемъ пучковъ, сорога откладываетъ икру въ заросляхъ камыша, гдѣ множество сору на поверхности воды, и рано начинающееся гніеніе препятствуютъ успѣшному ея развитію.

¹⁾ Подъ именемъ сороги здѣсь извѣстна красноперка—*Scardinius erythrophthalmus*.

Во второй половинѣ апрѣля или въ концѣ его и въ началѣ мая идутъ нереста уклейки и леща. Уклейка перестуетъ повсюду около береговъ въ скопленіяхъ старыхъ ломаныхъ стеблей; ея нерестъ продолжается 3—6 дней. Лещъ приходитъ изъ Челсмы и Вексы и мечетъ икру въ разныхъ мѣстахъ по зарослямъ.

Въ продолженіи мая и части іюня медленно идетъ нерестъ карася. Онъ водится въ озерѣ въ небольшомъ количествѣ и перестуетъ въ заросляхъ около береговъ небольшими стайками по 5—10 особей.

Изъ другихъ озерныхъ рыбъ слѣдуетъ отмѣтить рѣдко встрѣчающихся пискаря и выюна; ихъ нереста совершенно незамѣтны. Какъ большая рѣдкость заходятъ изъ Вексы разъ въ нѣсколько лѣтъ судакъ и сомъ.

Такимъ образомъ, главные нереста въ озерѣ проходятъ все въ теченіе апрѣля, при чемъ первая половина мѣсяца отличается большимъ числомъ нерестующихъ видовъ и особей. Причиной сравнительно раннихъ нерестовъ и скученности ихъ является быстрая смѣна прибыли и убыли воды, а также то обстоятельство, что на залитыхъ лугахъ благодаря мелководью, а у береговъ озера благодаря обилію органическихъ остатковъ, вода нагрѣвается быстро и развиваетъ массу пищи для выдупляющейся молоди.

Быстрота поднятія и паденія весенняго уровня играетъ важную роль въ развитіи икры. При дружной веснѣ, когда таяніе снѣговъ и прибыль воды идутъ быстро, заливаются большія пространства луговъ. Рыба широко разбѣгается по этому раздолью и выметываетъ икру далеко отъ коренныхъ береговъ озера. Но быстрая прибыль воды, обусловленная скорымъ таяніемъ, влечетъ за собою и рѣзкое паденіе, вслѣдствіе чего луга быстро осушаются и множество не успѣвшей развиться икры обсыхаетъ здѣсь, дѣлаясь добычей многочисленныхъ чаекъ, утокъ, куликовъ и др. птицъ.

Медленный ходъ весны, вызываетъ постепенное таяніе снѣговъ; меньшій по высотѣ уровень воды отличается большею продолжительностью стоянія.

Хотя при этомъ заливаются небольшія пространства луговъ и рыба, скученная на нихъ, въ большемъ количествѣ вылавливается, но зато выметанная икра успѣетъ развиться въ молодъ, уходящую съ луговъ вмѣстѣ съ водою.

Эта связь и заставляет рыбу при быстро текущей веснѣ снѣшить съ перестами, чтобы молодь вывелась возможно раньше и избѣгла опасности обсыхания.

Весенній ловъ.

Движеніе рыбы по рѣкамъ въ озеро на переста и скопленіе ея въ озерѣ побуждаетъ крестьянъ ближайшихъ деревень и слободскихъ рыбаковъ къ энергичному лову. Крестьяне, владѣющіе берегами восточныхъ рѣкъ и Вексы, приготовляются къ лову за долго до начала хода рыбы.

На Вексѣ по всему ея протяженію ставятся еще съ осени, по первому льду многочисленныя заколы: въ теченіе зимы и весною послѣ ледохода ихъ тщательно укрѣпляютъ, оставляя только отверстія для сѣтей. При разливѣ, рыба обходитъ заколы дугами; въ предупрежденіе этого, иногда и дуга перегораживаются заборами изъ сльника. Безусловно, что кромѣ крупныхъ улововъ, главный вредъ подобныхъ загражденій состоитъ въ томъ, что они не допускаютъ рыбу на мѣста переста. Уже одно существованіе такихъ незаконныхъ способовъ лова указываетъ на недостатокъ наблюденія за ловами.

На восточныхъ рѣкахъ тоже существуетъ нѣчто подобное; на р. Средней, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она мало выступаетъ изъ береговъ весною, русло перегораживается съ боковъ двумя заборами, а между ними ставится «ванда», т. е. огромный мѣшокъ изъ частой сѣти; нижняя сторона его грузится ко дну большими камнями, а верхняя держится поплавками или на веревкѣ, натянута отъ одного забора къ другому надъ водой.

Во время хода язи и сороги въ р. Шокинѣ ловятъ такъ называемыми стуликами, перегораживая ими рѣку поперекъ. Стуликъ представляетъ прямоугольникъ съ ребрами изъ пвовыхъ стеблей и гранями изъ сѣтки; въ одной грани дѣлается горло. Величина ихъ: длина 9—14 вершковъ, ширина 10—14 в., высота 7—10 в., ячекъ сѣтки $\frac{1}{4}$ — $\frac{1}{2}$ в.

Верстахъ въ $1\frac{1}{2}$ отъ озера долина восточныхъ рѣкъ пересѣкается дамбой Чухломской дороги; въ дамбѣ для стока весеннихъ водъ сдѣланы 4 протока, крытые мостами. На востокъ и на западъ отъ дамбы рѣки широко разливаются по крестьянскимъ лугамъ.

Въ восточной ихъ части ловятъ крестьяне, въ западной слободскіе рыбаки. Окунь, стремящійся въ озеро, долженъ пройти чрезъ одинъ изъ протоковъ въ дамбѣ, здѣсь то его и ловятъ, разставляя около протока множество трехъстѣнныхъ мережекъ. По залитымъ лугамъ, поросшимъ вблизи дамбы камышемъ и кустами, мечетъ пкру щука; здѣсь ее ловятъ въ верени и крылены. Вереней, или веренькой, зовется снарядъ, извѣстный въ другихъ мѣстахъ подъ именемъ верши, вентера, фитила, и др. Онъ состоитъ изъ конуса сѣтки, натянутого на 5 обручахъ и имѣющаго внутри 2—3 горла. Крылена отличается только присутствіемъ двухъ крыльевъ, отходящихъ отъ передняго обруча. Сама веренька длины $2\frac{1}{2}$ —3 арш., діаметръ 1-го обруча 16—18 верш., послѣдняго 12—14 в., крылья длиною $3\frac{1}{2}$ арш., высоты 17 вер. Ячей сѣтки у вершины конуса $\frac{1}{2}$ в., у основанія и въ крыльяхъ $\frac{3}{4}$ в. Цѣна такого снаряда 2— $2\frac{1}{2}$ руб.

Количество рыбы, вылавливаемой въ восточныхъ рѣкахъ и въ Вексѣ, не поддается учету, но ясно по самымъ способамъ лова, что оно очень велико.

Весенній ловъ въ самомъ озерѣ много уступаетъ рѣчному по богатству добычи; онъ ведется по залитымъ лугамъ и по зарослямъ.

Еще въ концѣ марта, съ появленіемъ въ закраинахъ первыхъ щукъ, рыбаки съ веренями, крыленами и неводами выѣзжаютъ на озеро. Крылены ставятся на границѣ заливаемыхъ луговъ п-ва св. Фрола, устья восточныхъ рѣкъ и начала Вексы, среди зарослей камыша и кустовъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыми рыба проходитъ на луговины. Такъ какъ икрыныя самки щукъ очень осторожны, то попадають въ гораздо меньшемъ числѣ, нежели самцы. Нѣсколько позднѣе щуки начинается ловъ язя, нерестующаго въ чащѣ кустовъ и отличающагося болшею хитростью, вслѣдствіе чего уловъ его много уступаетъ такому щуки и только при мутной водѣ можетъ усилиться.

Икрыныя щуки перевязываются поперекъ тѣла бичевкой, чтобы не вытекала икра, и въ такомъ видѣ продаются на городскомъ рынкѣ по цѣнѣ болѣе высокой, нежели самцы или «холостыя» самки. Вынутая икра солится. Ежегодно добывается 6—10 пуд. ся.

Болѣе или менѣе удачный ловъ на нерестахъ зависитъ отъ величины разлива; при высокой водѣ рыба разбѣгается по большому пространству, а потому труднѣе ловится. Это относится и къ неводному лову.

Число веревъ и крыленъ, раскидываемыхъ одновременно въ разныхъ мѣстахъ, озера достигаетъ до 4000. Каждый изъ 80 слободскихъ веревщикововъ имѣетъ 30—100 веревъ. Ловъ ими продолжается недѣли двѣ и даетъ ежедневно отъ 2 до 5 рублей на участника.

Одновременно съ веревщиками на поймахъ начинаютъ ловить небольшими, въ 15—40 сажень, неводами изъ мѣлкой сѣтки (ячей $\frac{1}{4}$ в.) артели по четыре человека съ 2 лодокъ. И здѣсь главною добычей является щука, въ меньшемъ числѣ попадають сорога язь и окунь. Число артелей незначительно и зависитъ отъ удачи лова. Этотъ способъ менѣе выгоденъ: даетъ по 50 коп.—2 руб. въ день на ловца.

Особаго искусства требуютъ, а потому мало распространены, дневная и ночная охота съ острогой. Днем на полояхъ рыбаки ѣздятъ въ лодкѣ и замѣчаютъ по всплескамъ воды переступящую щуку: высмотрѣвъ «наростокъ», онъ тихо вылѣзаетъ изъ лодки въ воду, подкрадывается съ острогой въ рукѣ и бросаетъ ее въ рыбу. Ночная охота на лодкахъ съ огнемъ—«лучомъ» ведется въ болѣе глубокихъ мѣстахъ около зарослей, куда рыба уходитъ на ночь.

Ловъ переступящихъ окуней и ершей очень слабъ. Окунь ловятся только случайно, вмѣстѣ съ другой рыбой, а на ершей выѣзжаютъ иногда съ мелкоючейными мережками.

Гораздо большее значеніе имѣютъ нереста сороги и густеры. Ловъ сороги идетъ почти повсюду кругомъ озера вблизи прибрежныхъ камышей. Ловятъ мережками «со стуканьемъ». Связываются вмѣстѣ нѣсколько мережекъ, каждая длиной 3—4 сажени и высотой 1—1 $\frac{1}{2}$ арш.; ихъ сѣтка изъ тонкихъ льняныхъ нитокъ, грузила—шарики изъ глины, полавки изъ береста—«дудки». Ловятъ по двое съ лодки: одинъ гребетъ, другой выбрасываетъ сѣть; она ложится по прямой линіи, немного загибаясь концами въ одну сторону, и держится вертикально, благодаря полавкамъ. Объѣзжая ее вогнутость, рыбаки пугаютъ рыбу стукомъ колотушки по звонкой сосновой дощечкѣ. Этотъ ловъ весьма распространенъ въ теченіе всего апрѣля и мая. ¹⁾ но, привлекая многихъ рыбаковъ своей про-

---

¹⁾ Оговариваюсь, что съ 1913 года ловъ послѣ 15 апр. запрещенъ и не ведется, а потому способы лѣтняго лова будутъ описаны мною такъ, какъ велись они въ прежніе годы.

стотой, онъ въ то же время неприбыленъ: въ разгаръ нереста сороги, пара ловцовъ добудетъ 1—3 р. въ день. Число участниковъ этого лова непостоянно и зависитъ отъ общаго состоянія рыбацкихъ финансовъ послѣ зимы.

Въ крылены сорога попадаетъ рѣдко, и нарочно для нея ихъ почти не ставятъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ значительное количество сороги вылавливалось въ пучкахъ ельника и можжевела. Способъ постановки ихъ уже былъ описанъ, поэтому скажу лишь о самомъ ловѣ. На лодкѣ подъѣзжаютъ къ шесту съ пучкомъ двое рыбаковъ: одинъ поднимаетъ багромъ пучекъ, другой подводитъ подъ него большой, въ сажень діаметромъ, сакъ—рыба высыпается туда изъ пучка. Этимъ способомъ ловились главнымъ образомъ самцы сороги, ибо они скоплялись въ пучкахъ въ большомъ количествѣ. Въ настоящее время лова пучками почти не существуетъ.

Ловъ густеры на нерестахъ затрудненъ, какъ говорилось, тѣмъ, что она приходитъ и уходитъ очень быстро и зачастую внезапно. Однако, кучность ея на нерестѣ заставляетъ рыбаковъ тщательно подстергать ее и нерѣдко они почуютъ на озере, чтобы замѣтить ея ходъ. Орудіями лова являются крылены, разставляемые въ камышахъ и хвоцѣ. Но случается, что прѣхавъ на мѣсто, рыбаки застаютъ нерестъ въ полномъ разгарѣ, о чемъ легко судить по плеску воды и движенію хвоца. Тогда нѣсколько ловцовъ быстро соединяютъ нѣсколько мережекъ, ставятъ ихъ по возможности большимъ кругомъ около играющей рыбы, а затѣмъ, въѣзжая внутрь его, раскидываютъ тамъ другія мережки и начинаютъ ударять въ воду ботами. Если весь маневръ продѣланъ удачно, достается богатая добыча.

Нерестъ уклейки совершенно не вызываетъ лова, а лещъ ловится мережками случайно вмѣстѣ съ сорогой; число пойманныхъ въ теченіе весны лещей обычно не превышаетъ 2—3 десятковъ.

По окончаніи главныхъ нерестовъ, въ теченіе мая продолжается ловъ мережками, но значительно ослабѣваетъ, ибо большая часть рыбаковъ занята въ эту пору устройствомъ своихъ огородовъ.

Цѣны на рыбу въ городѣ весною нельзя назвать низкими, ибо нерестъ всегда почти совпадаетъ съ Великимъ постомъ, когда многіе горожане чаще берутъ рыбу, нежели мясо. Щука цѣнится 12—20 к.

фунтъ, ея икра—25—30 к. изъ 10—15 к., окунь, густера и сорога 8—12 коп.

Такимъ образомъ, богатые рыбою, а потому важнѣйшіе для рыбаковъ нереста проходятъ въ теченіе конца марта и первой половины апрѣля, и ловъ, существовавшій въ прежніе годы во второй половинѣ апрѣля и въ маѣ, не могъ приносить существеннаго ущерба представителямъ мѣстной ихтиофауны. На это заключеніе я обращаю особое вниманіе потому, что законъ, желающій оградить отъ лова перестующую рыбу, дѣйствуетъ отъ 15 апрѣля до 15 іюля, т. е. уже послѣ конца главнаго лова нерестующей щуки, а въ раннія весны не вполнѣ сохраняетъ и нереста сороги и густеры.

Л ъ т о.

Въ теченіе лѣтнихъ мѣсяцевъ озерный уровень продолжаетъ понижаться, хотя наденіе его идетъ много медленнѣе, нежели въ апрѣлѣ и маѣ (см. діаграмму). Сильное нагрѣваніе воды за весну, позволяетъ уже въ іюнѣ развиваться обильной водной растительности. Прежде всего, еще въ маѣ, поднимаются травы на обсыхающихъ лугахъ, затѣмъ зарастаетъ прибрежная полоса озера, а въ концѣ іюня и все пространство его, кромѣ глубей, покрывается многочисленными островками травъ. У береговъ поднимаются густыя заросли камыша, ситника и хвоща; наибольшаго развитія достигаютъ они около устьевъ восточныхъ рѣкъ, у полуострова св. Фрола и мыса Зимника. Совершенно не заросшими остаются только берега съ песчанымъ дномъ и пространство отъ п-ва Глинника до устьевъ восточныхъ рѣкъ. У м. Зимника и п-ва св. Фрола заросли длинными мысами выдаются далеко вглубь озера. Изъ водныхъ растеній преобладаетъ рдестъ—*Potamogeton*. Одна изъ разновидностей его—*Potamogeton graminifolius* Tr. достигаетъ громаднаго развитія и раскидывается по всему пространству озера отдѣльными островками. У рыбаковъ она пзвѣстна подъ именемъ «пахмы». Ближе къ берегамъ, на меляхъ, покрывая воду сплошными полянами бѣлыхъ цвѣтовъ, растетъ водяной лютикъ—*Ranunculus aquatilis* L. Значительно меньшаго развитія достигаютъ многочисленные виды осоки, стрѣлолистъ, водяныя лиліи и др. Изъ плавающихъ растеній первое мѣсто по развитію принадлежитъ ряскѣ—*Lemna trisulca* L. затѣмъ слѣдуютъ многочисленныя и разнообразныя водоросли, развивающіяся

среди травъ до такой степени, что перевитыя ими стебли соединяются въ одинъ сплошной зеленый покровъ ¹⁾.

Въ концѣ іюня появленіе травъ дѣлается замѣтнымъ, въ іюлѣ онѣ достигаютъ наибольшаго развитія, а съ августа въ стоячей водѣ густыхъ зарослей травы загниваютъ, бурбуютъ и выдѣляютъ массу газовъ. На меляхъ около береговъ скопляется множество отмирающей ряски, выброшенной сюда волнами и перемѣшавшейся съ иломъ. У самаго берега этими скопленіями образуется полоса трясины, насчетъ которой растутъ берега. Еще лѣтъ 30—40 тому назадъ количество озерныхъ травъ было очень невелико: насчитывали всего 3—4 острова «шахмы»; по съ тѣхъ поръ заростаніе, которому не ставится никакихъ препятствій, идетъ съ каждымъ годомъ сильнѣе и сильнѣе.

Раннее нагрѣваніе воды, богатство растительнаго царства и обиліе выдѣляемаго кислорода позволяютъ рано развиться животной жизни—планктону. Появляясь сперва на залитыхъ лугахъ, потомъ въ прибрежныхъ травахъ, онъ распространяется по всему озеру и сосредоточивается въ островахъ травъ.

Жизнь молодъ, развившейся изъ икры, соответствуетъ постепенному развитію травъ и животной нищи въ нихъ. Съ весны мальки держатся въ теплой водѣ около береговъ, а затѣмъ, вмѣстѣ съ развивающимися травами, уходятъ все дальше и дальше къ среднѣмъ озера. Въ концѣ іюня молодъ встрѣчается уже по всему озеру въ островкахъ травъ. Въ теченіе лѣта жизнь ея однообразна и соответствуетъ погодѣ: въ ясные теплые дни мальки держатся у поверхности въ травахъ, съ приближеніемъ холода и ненастья заранѣе скрываются въ болѣе глубокіе слои.

Въ августѣ уходятъ на новыя мѣста молодые окупкы и щучки. Окунь послѣ 15 августа скрывается въ глубь и рѣдко появляются оттуда наверхъ, развѣ лишь при установившейся ясной погодѣ. Щучки, значительно подкормившіяся среди стай мальковъ, также уходятъ въ глубь и отчасти въ прибрежныя заросли, куда забѣгаютъ науганныя ловомъ стайки молодн. Изобиліе животной

---

¹⁾ Многія травы имѣютъ своеобразныя мѣстныя названія: рдестъ—«шахма», ситникъ—«городокъ», лютикъ—«головачъ», стрѣлолистъ—«костыль», ряска—«рыса», камышь—«треста» и т. д.

и растительной пищи способствуетъ быстрому росту мальковъ, а потому уже съ августа начинается ловъ ихъ.

Жизнь взрослой рыбы въ теченіе лѣта однообразна: послѣ окончанія нерестовъ часть ея уходитъ въ рѣчки, другая остается и расходится по всему озеру. Щука и окунь слѣдуютъ за стадами молоди; сорога по прежнему держится вблизи зарослей; ершь на глубинѣ; изъ почти не замѣтенъ.

Лѣтній ловъ.

Разрозненная въ теченіе лѣта рыба ловится плохо, а потому и самый ловъ лишень регулярности и слабъ по числу одновременно ловащихся рыбаковъ. Я напомию еще разъ, что въ настоящее время до 15 іюля лова вѣтъ и описаніе мое лѣтнихъ способовъ лова относится къ прошлымъ годамъ.

Въ теченіе іюня и іюля способы лова немногимъ отличаются отъ майскихъ.

Въ молодыхъ, поднимающихся въ іюнѣ заросляхъ камышей ловятъ небольшими мережками. Въѣзжая въ заросли на лодкѣ, рыбакъ по всплескамъ воды и движенію стеблей замѣчаетъ рыбу, опредѣляетъ ея породу, величину и направленіе, по которому она стала головою; затѣмъ, беретъ сообразно росту рыбы, одну изъ своихъ мережекъ, раскидываетъ ее дугой впереди рыбы и старается, сзади ударя въ воду ботомъ или простымъ шестомъ, загнать рыбу въ сѣть. Если замѣчена крупная добыча и одинъ рыбакъ не надѣется перехитрить ее, онъ приглашаетъ товарища, знаками даетъ ему понять о положеніи рыбы; тогда двѣ мережки раскидываются спереди и сзади рыбы почти полнымъ кругомъ, изъ котораго уйти трудно.

Ловкость и знаніе, обязательныя при этомъ ловѣ, присущи далеко не каждому, а потому большинство предпочитаетъ ему ловъ мережкой со стуканьемъ. Последній, какъ и весной, захватываетъ б. ч. сорогу, но такъ какъ послѣ нерестовъ она становится много смѣлѣе и разумнѣе и не бѣжитъ такъ скоро отъ стука, особенно днемъ, то ловъ переносится на ночное время и ведется связанной изъ отдѣльныхъ небольшихъ мережекъ сѣтью до 60 саж. длины.

Неводной лѣткѣй ловъ ведется вблизи береговъ тѣми-же неводами съ мелкой ячеей, что и весной. Онъ продолжается только до Петрова дня (29 іюня), ибо къ этому времени молодь ерша, окуни и сорогги успеютъ подрасти настолько, что попадаютъ въ невода; но она не настолько еще крупна, чтобы можно было приниматься за ловъ ея, и съ цѣлью охранить ее отъ преждевременнаго вылавливанія, неводной ловъ приостанавливается до августа. Это запрещеніе—одинъ изъ рыбацкихъ законовъ, указывающій на ихъ заботу о сохраненіи рыбныхъ богатствъ озера.

Съ іюня начинается ловъ волоковыми сѣтями или волоками. Волокъ представляетъ трехстѣнную сѣть, составленную, какъ и другія крупныя орудія лова, изъ отдѣльныхъ кусковъ сѣти—«провязовъ». Каждый провязъ имѣетъ въ длину 12 саж., въ вышину 65 ячей, т. е. около 5 арш.; ячей $\frac{3}{4}$ в. «на три перста», какъ говорятъ рыбаки; ячей ряжа $2\frac{3}{4}$ в. При посадкѣ на веревки длина провяза уменьшается до 5—6 саж., благодаря чему средняя стѣнка—«хоботъ» легко провисаетъ въ ячей ряжа. Для лова соединяются четыре рыбака; каждый даетъ по 3—5 провязовъ, такъ что общая длина ихъ достигаетъ 60—100 сажень. Грузила—въ видѣ шариковъ изъ глины и изъ продолбленнаго известковаго камня—«опоки»; поплавки изъ береста.

Въ іюлѣ, пока озерныя травы не развились сильно, ловъ идетъ по нимъ, а потомъ переносится на свободныя отъ травъ глубы. Порядокъ лова таковъ: съ двухъ лодокъ сѣть раскидываютъ дугой, почти полукругомъ, затѣмъ лодки отъѣзжаютъ отъ концовъ ея, выбрасывая сажень по 20—40 веревки-слаби, привязанной за верхнюю тетиву сѣти. Выкидавъ слаби, лодки съѣзжаются, укрѣпляются за колья, воткнутые въ дно, и начпаютъ подтягивать сѣть. Такъ какъ веревки привязаны только за концы верхней тетивы сѣти, то вся сѣть движется не вертикальной стѣной, а большимъ наклономъ впередъ; нижняя тетива волочется сзади, удерживаясь у два тяжелыми грузилами изъ опоки. Рыба, попадающая подъ наклоненную сѣть, завидѣвъ ее впереди себя, бросается прежде всего вверхъ, здѣсь запутывается въ свободный «хоботъ» и вытаскивается вмѣстѣ съ сѣтью въ лодку. Добычей этого лова являются большей частью щуки и окуни.

Съ конца іюня, когда выступавшіи, до поверхности острова травы привлекаютъ къ себѣ крупную рыбу за добычей-молодь, начинается ловъ «воротницами». Воротница тоже трехстѣнная сѣть и отличается отъ волоковой немногимъ: ея провязы высотой 42 ячен (около 1 саж.), грузила изъ извести отсутствуютъ; къ одному концу ся пришивается мѣшокъ изъ сѣтки—«кутчикъ».

Ловятъ четверо изъ одной лодки. Сначала выбрасывается конецъ сѣти съ кутчикамъ, къ которому привязанъ поплавокъ, а затѣмъ лодка описываетъ кругъ около островка травы, при чемъ сѣть располагается почти замкнутымъ кругомъ; лодка цѣпляется за поплавокъ кутчика, и сѣть начинаютъ вытягивать. Двое рыбаковъ тянутъ сѣть, третій ударяетъ въ воду ботомъ около лодки, чтобы рыба не пробѣжала здѣсь, четвертый съ кормы управляетъ движеніями лодки. Понемногу кругъ сѣти дѣлается все меньше и меньше и рыба, не успѣвшая попасть въ самую сеть, загоняется въ кутчикъ. Добычей здѣсь, какъ и при ловѣ волокомъ, являются б. ч хищники—щука и окунь.

Ловъ волокомъ и воротницей продолжается до августа, когда большинство рыбаковъ начинаютъ ловить неводами. Но неводная ловля оказывается неподсилу старикамъ-рыбакамъ; а потому они, съ позволенія своего общества, продолжаютъ и въ августѣ ловъ воротницами и волоками на особыхъ, отведенныхъ имъ мѣстахъ. Добычливость этихъ способовъ лова зависитъ отъ погоды и степени развитія озерныхъ травъ. Ловъ волоками дѣлается прибыльнымъ только при холодной или вѣтренной погодѣ, когда молодь, а вслѣдъ за ней и крупная рыба спускается ко дну. Сильное развитіе травъ мѣшаетъ тому и другому лову: по густымъ травамъ ловъ волоками невозможенъ, ибо ихъ нижняя тетива поднимается отъ дна, а воротница не можетъ быть сведена въ малый кругъ. Число ловцовъ, пользующихся этими способами въ іюнѣ и іюлѣ, невелико (не болѣе 100 ч.).

При всѣхъ описанныхъ до сихъ поръ ловахъ употребляются рыбаками б. ч. небольшія лодки, тогда какъ для неводнаго лова въ августѣ и сентябрѣ служатъ крупныя, особо приспособленныя лодки. Тѣ и другія покупаются на р. Нолѣ (притокъ Вексы) въ видѣ долбленыхъ ботниковъ, и сами рыбаки обшиваютъ ихъ досками. Цѣна ботниковъ, зависимо отъ величины и качества, колеблет-

ся отъ 5 до 15 рублей. Разлучаются два вида долбленокъ: «челнѣ» или «челникъ»—когда корма и носъ вытесаны одинаково остро, лодка—если корма тупая. Челны встрѣчаются только небольшіе, тогда какъ лодки достигаютъ значительной величины.

Неводныя лодки отличаются большимъ размѣромъ и прочностью; ихъ двѣ пары весель отнесены возможно дальше впередъ; посрединѣ, на укрѣпленныхъ къ бортамъ, невысокихъ стойкахъ—«нащочинахъ» лежитъ валъ—«воротокъ», служащій для наматыванія веревокъ невода; на кормѣ прибита стоячая $\frac{1}{2}$ арш. высоты доска, въ которой сдѣлана вырѣзка для неводной веревки; сзади корма обведена полукруглымъ «лучкомъ» изъ ивоваго толстаго прута, который не позволяетъ полотну невода задѣвать за корму. Поперекъ лодки, кладется 2—4 перекладки, укрѣпляющихъ ее борта; вдоль—на перекладки положены 1—2 доски, чтобы легче было проходить съ носу на корму и обратно.

Передъ ловомъ всѣ рыбаки раздѣляются на артели по 6 человекъ и занимаются приготовленіями къ нему. Каждая артель строитъ на озерѣ за огуречникомъ на сваяхъ, вбитыхъ въ дно, плотъ въ 3—4 кв. сажени; рядомъ съ нимъ ставятся 5 высокихъ жердей съ блоками на верхушкахъ. Отъ нихъ вдаль отъ берега уходятъ два ряда кольевъ—«сохъ». Здѣсь развѣшиваютъ неводъ; его мати вѣшается на деревянные крючья, поднимаемые на блокахъ первыхъ пяти сохъ-жердей, а крылья развѣшиваются по двумъ рядамъ кольевъ надъ водою.

Невода спиваются изъ кусковъ сѣти съ различными размѣрами ячей. Крылья состояются изъ такъ наз. «пятковъ», т. е. кусковъ сѣти длиною въ 7 саж. и вышиною по 65 ячей (20 вершковъ); ячей ихъ $\frac{1}{4}$ вершка. На каждый пятокъ уходитъ 4 фунта пеньковой пряжи; цѣна его 2—2 р. 50 к. Каждый изъ шести ловцовъ даетъ по 18 такихъ пятковъ, при чемъ 16 изъ нихъ связываются по 4 другъ надъ другомъ и даютъ стѣнку въ 28 саж. длины и 5 аршинъ высоты; при посадкѣ ее длина уменьшается до 16—18 сажень. Остальные 2 пятка (изъ 18) разрѣзаются каждый вдоль на двое на такъ называемые «пояски» и служатъ прибавками крыла въ высоту въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно подходитъ къ мати. Такимъ образомъ, общая длина крыльевъ достигаетъ 96—108 саж.

Матри или «кутецъ» невода спивается изъ мелкоячейныхъ кусковъ такъ называемой «чащи»; каждый кусокъ чащи имѣеть въ длину 4 саж., въ вышину 80 ячей (около 20 верш.); ячей ихъ $\frac{1}{8}$ верш.; цѣна куска—4—5 руб. На кутецъ идетъ 10 кусковъ чащи; они спиваются въ двѣ стѣнки, каждая высотой въ 5 этажей и длиною по 4 саж.; стѣнки эти соединяются своими верхними и нижними сторонами на протяженіи двухъ сажень съ соответствующими веревками невода, передними боковыми сторонами съ крыльями, а на остальномъ протяженіи другъ съ другомъ. Такимъ образомъ получается цѣлый неводъ длиною въ 98—110 саж.; различіе въ длинѣ получается отъ большаго или меньшаго сокращенія длины стѣнки при посадкѣ.

Лыковыя веревки—«ужица», на которыя садится стѣтъ невода, приносятся каждымъ рыбакомъ на свою часть; общая стоимость ихъ около 6 рублей. Стѣтка привязывается къ веревкамъ посредствомъ особой бичевки—«онушка». Онушка сплетается въ два ряда крупныхъ ячей; въ одинъ рядъ продѣвается ужице, другой захватывается въ каждую свою клѣтку по 4 ячей стѣтки. Грузила изъ «опоки» привязываются къ нижней веревкѣ особыми пеньковыми «поводками» на разстояніи 2—4 саж. другъ отъ друга, смотря по вѣсу ихъ и по мѣсту лова. Поплавки—«кебася» дѣлаются изъ ели и садятся на 2—3 четверти одинъ отъ другого. На средину невода противъ кутца садится большой поплавокъ—«атаманъ»; онъ состоитъ изъ большой, $\frac{1}{2}$ арш. длины, горизонтальной и меньшей полукруглой вертикальной досокъ; послѣдняя служитъ мѣтой средины невода при ловѣ.

Новые куски стѣтей передъ употребленіемъ красятся въ отварѣ слуховой коры, что сохраняетъ ихъ отъ гниенія и дѣласть менѣе замѣтными въ водѣ.

Общая стоимость невода, включая сюда стѣтку, ужица, онушку и веревки—слаби, достигаетъ до 350 р.

Для лова рыбаки одѣваются, кромѣ обычныхъ балахона и сапоговъ, еще кожаные передникъ и задникъ, а при дождѣ еще кожаную куртку. Цѣнность этого одѣянія (безъ сапоговъ) 10 руб.; служить оно при хорошемъ уходѣ до 10 лѣтъ. При вытягиваніи невода на руки надѣваются небольшіе куски кожи—«надалонки», защищающіе пальцы и ладонь отъ стиранія.

Ловъ ведется съ двухъ лодокъ слѣдующимъ порядкомъ: выѣхавъ рано утромъ на озеро и выбравъ направленіе, по которому долженъ идти неводъ, лодки начинаютъ разъѣзжаться; въ это время кормщики, являющіеся главными лицами въ артели, выбрасываютъ съ лодокъ крылья невода. Раскинувъ ихъ полукругомъ, лодки продолжаютъ описывать кругъ, разматывая веревки съ воротковъ. Сойдясь, онѣ сбѣпляются другъ съ другомъ поперечной жердью— «перошвой», привязываются веревками къ длиннымъ шестамъ, втыкаемымъ въ дно гребцами, и начинаютъ воротками вытягивать слабя невода. Когда сѣтка невода подойдетъ къ лодкамъ, кормщики сбѣплиютъ ее за кормовую доску, а гребцы ослабляютъ веревки отъ колевъ, чтобы облегчить начало вытягиванія сѣти. Вытягиваютъ всѣ шестеро заразъ; каждое крыло тянуть двое за нижнюю и одинъ за верхнюю веревки. Вытянутая сѣть складывается на лодки у кормы. Когда кутецъ уже недалеко, сѣть вводятъ въ промежутокъ между кормами лодокъ и продолжаютъ тянуть только гребцы, а кормщики особыми шестами съ развилкой на концѣ грузятъ нижніи веревки, чтобы рыба не ушла подъ нихъ. Когда доберутся до кутца и выберутъ часть его на борта, остальную часть вѣшаютъ между лодками и начинаютъ очищать рыбу отъ травы. Этимъ дѣломъ занимаются кормщики и гребцы, изъ большихъ веселъ, тогда какъ двое другихъ гребцовъ отливаютъ воду изъ лодокъ, подтягиваются къ шестамъ, воткнутымъ въ дно, вытаскиваютъ ихъ и начинаютъ грести, чтобы переѣхать на слѣдующую тону.

Выбираніе сора-травы и ракушекъ изъ рыбы занимаетъ послѣ каждой тони около получаса времени. Изъ кутца черпаютъ рыбу вмѣстѣ съ соромъ особымъ сачкомъ— «чищалкой», кладутъ себѣ на колѣни и, выбирая соръ, выбрасываютъ его за бортъ а рыбу снова въ кутецъ. Когда соръ достаточно выбранъ, рыбу высыпаютъ изъ кутца на дно одной лодки, гдѣ для нея двумя кусками частой сѣтки отгорожено особое мѣсто.

Покончивъ съ рыбой, гребцы садятся на весла, кормщики встаютъ на кормы, и лодки рядомъ продолжаютъ двигаться на слѣдующую тону.

Ловъ продолжается весь день, почти до захода солнца и ведется зависимо отъ погоды, то по островамъ травъ, то по болѣе

чистымъ мѣстамъ на границахъ глубей, или по самымъ глубинамъ, смотря по тому, гдѣ находится молодая рыба.

Возвращающихся съ лова рыбаковъ встрѣчаютъ на плотяхъ женщины и ребята съ корзинами для рыбы. Гребцы изъ малыхъ весель развѣшиваютъ неводъ по сохамъ, а кормщики и двое другихъ гребцовъ дѣлятъ рыбу. Дѣлится только мелкая рыба, крупныя щуки, окуни и сороги продаются безъ дѣлежя и вырученные отъ нихъ деньги идутъ на покрытіе артельныхъ расходовъ, предшествующихъ лову—вино, калачи, чай и пр. Гребцы мѣряютъ мелкую рыбу деревяннымъ или желѣзнымъ ведромъ, насыпая въ него лопатой изъ лодки, и вываливаютъ ее для мытья въ корзины кормщикамъ. Эти корзины—«сѣтки» имѣютъ дно, плетеное рѣшеткою изъ лыка, и длинныя ручки; опуская корзину съ плота въ воду, а затѣмъ поднимая ее, поворачивая и потряхивая, кормщикъ достигаетъ того, что весь соръ изъ рыбы вымывается, послѣ чего высыпаютъ ее въ корзины женщинамъ. Здѣсь же на плоту, въ ожиданіи своей очереди получить еще ведро рыбы, женщины наскоро сортируютъ добычу, отдѣляя наиболѣе крупную. По окончаніи дѣлежя, корзины съ рыбой уносятся къ печамъ для сушки. Печи, или «пешни» кладутся изъ обычнаго кирпича сводомъ, сверху покрываются еще слоемъ песку, а затѣмъ крышей; ширина пешни—4 арш., высота—1½ арш. длина около 6 арш., площадь пода около 18 кв. арш.; подъ дѣлается изъ кирпича и гладко покрывается слоемъ глины; трубы нѣтъ; отверстіе пешни—чело или «ротокъ» высотой 12 верш., шириною 13 верш. Затопятъ пешни незадолго до пріѣзда рыбаковъ съ лова; послѣ топки угли загребаютъ особыми угольными граблями въ одинъ уголь и подъ прометается мокрымъ вѣнниками 6—7 разъ, пока на немъ совершенно не останется зола и пепла. Затѣмъ корзины съ рыбой вдвигаются въ печь, опрокидываются тамъ, и рыба равняется по поду обыкновенными граблями. Засыпаютъ всегда заразъ всю рыбу, ибо сохранять ее негдѣ. На слѣдующій день утромъ женщины лѣзутъ въ печь съ желѣзными скребками—«поднималками» въ рукахъ, отскребаютъ отъ пода присохшую рыбу и перебиваютъ ее. Послѣ этого рыба сохнетъ еще часовъ 6—8. Просыхаетъ она настолько хорошо, что не портится при очень долгомъ сохраненіи.

Сухая рыра раздѣляется на 4—5 сортовъ: 1) «ершовый вандышь»--крупный ершъ прошлогодняго и болѣе ранняго рода; къ этому же сорту можно отнести «безголоватаго ерша», т. е. такого, у котораго послѣ сушки отламываютъ голову, что повышаетъ его стоимость; цѣна 1-го сорта—5—6 руб. пуд., 2) «шашукъ»—окунь прошлогодняго и третьегодняго рода, 4—6 р. пуд., 3) «мелкій вандышь» смѣсь ерша и окуни нынѣшняго рода, 4—6 руб. пуд., 4) «бѣль»—т. е. сорога, густера, 3—4 руб. пуд. Иногда раздѣляютъ послѣдній сортъ на два: крупный и мелкій. Окунь и сороги покрупнѣе не сушатся, а идутъ въ продажу свѣжими.

Описанный ловъ продолжается безъ существенныхъ измѣненій въ теченіе августа, сентября и части октября до заморозковъ, покрывающихъ озеро льдомъ, и ведется б. ч. днемъ. Измѣненія вносятся въ него тѣми или иными перемѣнами въ жизни молодежи.

Главнѣйшія изъ нихъ таковы: при ясной и теплой погодѣ, молодежь держится въ островахъ травъ—ловъ идетъ по нимъ. Изобиліе травъ, столь благопріятное для жизни рыбы, затрудняетъ ловъ: длинные и крѣпкіе стебли задерживаютъ неводъ, поднимаютъ его отъ земли, а отрываясь, попадаютъ въ него и засоряютъ рыбу. Массы лежащей на днѣ ряски попадаютъ въ невода огромными кучами и болѣе, чѣмъ что-либо иное, затрудняютъ ловъ. Ненастье загоняетъ молодежь къ глубямъ—ловъ переносится сюда. Приближеніе осеннихъ холодовъ сказывается за нѣсколько дней: крупная рыба убирается въ глубь и въ рѣки, молодежь плотнѣе ложится на дно—уловъ уменьшается. Кромѣ того вліяютъ на уловъ величина «урожая» молодежи и разнообразіе жизни различныхъ видовъ. Окуневая молодежь скрывается изъ травъ въ глубь уже въ половинѣ августа, слѣдовательно общее количество рыбы въ травахъ уменьшается и, чтобы добыть окуневаго малька, приходится ловить около глубей и по нимъ. Ершовая молодежь днемъ скрывается въ глубинахъ и выходитъ къ поверхности только ночью и вечерами, поэтому дневной уловъ ея меньше, нежели окуня, и, чтобы добыть побольше ерша, приходится выѣзжать на ловъ ночами. Крупная рыба днемъ легко видитъ медленно двигающійся неводъ и успѣваетъ избѣжать его: чтобы добыть ее, выѣзжаютъ ночью и ловятъ по травамъ.

Болѣе или менѣе удачное слѣдованіе лова всѣмъ описаннымъ измѣненіямъ жизни рыбъ даетъ соответственно богатую добычу.

Въ теченіе $2\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, которые заняты этимъ ловомъ, онъ идетъ не ежедневно, а съ промежутками въ 1—3 дня. Эти перерывы служатъ съ одной стороны отдыхомъ отъ тяжелой работы рыбакамъ, съ другой—позволяютъ успокоиться рыбѣ, сильно напуганной энергичнымъ и всегда очень скученнымъ ловомъ. Всего за указанный срокъ ловъ занимаетъ 25—40 дней, смотря по улову.

Ежедневно каждая артель добываетъ 60—100 ведеръ мелкой рыбы, что даетъ каждому ловцу по 3— $5\frac{1}{2}$ рублей. Всѣ 28 неводовъ за $2\frac{1}{2}$ мѣсяца вылавливаютъ 16—20,000 пудовъ сырой молодки; изъ нея получится 4—5,000 сушеной. Количество крупной рыбы очень незначительно: за день артель наловитъ ся рублей на 3—6 и то развѣ лишь въ августѣ, когда она еще не очень напугана ловомъ и не начала уходить въ рѣки; въ сентябрѣ этотъ уловъ еще болѣе падаетъ.

Заработокъ каждого рыбака за время неводного лова достигнетъ 75—150 руб., что составляетъ не менѣе какъ третью часть его годового дохода.

О с е н ь .

Въ сентябрѣ и октябрѣ, какъ показывасть діаграмма за осень 1912 года, уровень озера продолжаетъ понижаться. Слѣдуетъ полагать, что это пониженіе продолжается и на ноябрь, ибо, если и бывають незначительные (не болѣе $\frac{1}{2}$ арш., по словамъ рыбаковъ) осенніе паводки, то вода скатывается быстро и кривая паденія принимаетъ прежній уклонъ.

Съ приближеніемъ ледостава, что бываетъ приблизительно въ половинѣ октября, паденіе усиливается, такъ какъ ключи и болотины, питающіе восточныя рѣки, замерзають и уменьшаютъ притокъ воды. Мелководье способствуетъ быстрому охлажденію озера, что въ свою очередь приводитъ къ скорому образованію льда.

Подтверженіемъ паденія озернаго уровня послѣ ледостава служитъ образованіе трещинъ во льду, появляющихся при осѣданіи его. Нерѣдко случается при этомъ, что одинъ край трещины налегаетъ на другой, образуя такъ называемый «заломъ». Въ снѣжную осень, ледъ, угнетаемый тяжестью снѣга, прогибается, вода выступаетъ изъ трещинъ поверхъ его, смачиваетъ снѣгъ и замерзаетъ:

слѣдствіемъ этого и дальнѣйшей убыли воды является продолжающееся осѣданіе льда, которое часто приводитъ къ тому, что заломы, прошедшіе не по глубямъ, достигаютъ до дна и какъ бы отдѣляютъ одну часть озера отъ другой.

Богатія озерныя травы, начинающія загнивать въ августѣ, въ сентябрѣ продолжаютъ гибнуть, а съ наступленіемъ морозовъ и съ появленіемъ льда гніеніе идетъ особенно сильно. Вода у береговыхъ зарослей бурѣетъ и пріобрѣтаетъ запахъ гнили; въ дальнѣйшемъ процессы гніенія продвигаются все дальше и дальше вглубь озера.

Мы уже видѣли, что не вся взрослая рыба, забѣгающая въ озеро весною на нереста изъ рѣкъ, проводитъ въ немъ лѣто: густера, отчасти язь и щука уходятъ вскорѣ послѣ нерестовъ обратно въ рѣки, но рѣчной окунь и значительная часть щуки и язя остаются до осени.

Съ августа мѣсяца, когда эта рыба почуветъ приближеніе осени, она начинаетъ уходить въ рѣки. Язь и окунь идутъ въ восточныя рѣки, лещъ въ Челсму и Вексу, щука въ Вексу. Ходъ этотъ значительно усиливается въ сентябрѣ, прекращаясь съ наступленіемъ морозовъ.

О жизни «коренной» озерной рыбы можно лишь сказать, что тѣмъ болѣе холодаютъ дни, тѣмъ глубже уходитъ она, а передъ ледоставомъ прячется въ самыя глубины и, быть можетъ, даже зарывается въ илистое дно, такъ какъ за 1—2 дня до появленія льда ни въ глубинахъ, ни на меляхъ не попадаетъ ни въ какіе снаряды. Однако, едва установится первый ледъ, рыба, кромѣ щуки, снова выходитъ изъ глубей и бродитъ неподалеку отъ береговъ, до тѣхъ поръ, пока не ударятъ крѣпкіе морозы или не нанесетъ снѣгу. Этотъ выходъ послѣ ледостава рыбаки объясняютъ стремленіемъ рыбы подышать свѣжей водой рѣкъ и береговыхъ протоковъ—кававъ.

Жизнь молодежи въ эту пору отличается только тѣмъ, что она дольше взрослой рыбы задерживается на мелкихъ мѣстахъ послѣ ледостава; даже окуньки выходятъ изъ глубей и бродятъ «рунами», стадами около береговъ. Это обстоятельство служитъ иногда причиной гибели молодежи, ибо заломы могутъ преградить путь ея въ глубины, а на меляхъ она скоро задыхается отъ недостатка свѣжей воды.

Замедленіе въ ходѣ пришлої рыбы въ рѣки, а озерной въ глубн вызывается иногда осенними паводками: для первой неблагопріятна появляющаяся въ рѣкахъ муть, а для второй—паводокъ приноситъ свѣжую воду.

Такъ какъ осенній ловъ рѣзко раздѣляется на двѣ части—до ледостава и послѣ него, то я опишу сейчасъ только первый, а послѣдній соединю съ зимнимъ подледнымъ ловомъ.

Въ сентябрѣ, когда число дней, свободныхъ отъ неводного лова, увеличивается, часть рыбаковъ употребляетъ ихъ на ловъ крупной рыбы воротницами по травамъ. Число воротницъ въ это время доходитъ до 25. Ловъ идетъ попережку съ неводнымъ до ледостава и также, какъ неводной, затрудняется обиліемъ ряски.

Въ прежніе годы процвѣталъ, запрещенный сперва самими рыбаками, а потомъ закономъ, ловъ «кпями», т. е. пучками хвороста. Пучки клались въ озеро рано весною и, какъ упоминалось, играли нѣкоторую роль при нерестѣ окуня. Въ сентябрѣ и октябрѣ, когда вода начинаетъ холодѣть, рыба въ большомъ количествѣ собиралась въ пучкахъ. По увѣренію рыбаковъ, ее привлекало сюда тепло получающееся при гніеніи прутьевъ пучка. Ловъ кпами весьма простъ и сходенъ съ весеннимъ ловомъ сороги въ вязанкахъ ельника. Двое рыбаковъ подъѣзжаютъ на лодкѣ къ пучку, одинъ поднимаетъ его багромъ, другой подводитъ снизу большой сакъ, въ который попадаетъ рыба. Каждый рыбакъ разставлялъ по нѣскольку десятковъ пучковъ и поднималъ ихъ по мѣрѣ надобности; чѣмъ дольше лежитъ пучокъ, тѣмъ больше рыбы наберется въ него. Этимъ способомъ ловили окуня, сорогу, ерша и язя.

Въ рѣкахъ Средней, Едомскѣ и Челемскѣ осенью этотъ ловъ давалъ богатую добычу, да и теперь еще не совсѣмъ вывелся. Такъ какъ крестьяне часто не имѣютъ лодокъ, то пучки ставятся и вынимаются прямо съ берега. При осеннемъ ходѣ рыбы въ рѣки, множество ея останавливается въ кпахъ; здѣсь ее ловятъ на удочки горожане и крестьянскіе ребята.

З и м а.

Въ теченіе зимы вода продолжаетъ убывать, озеро сильно мельѣетъ, а потому ледъ садится все больше и больше и на меляхъ часто ложится прямо на дно, смерзаясь съ нимъ. Гніеніе травъ съ

морозами усиливается и распространяется на все озеро, такъ что къ веснѣ всѣ травы петлѣваютъ безъ слѣда.

Въ концѣ зимы вода, зараженная гніеніемъ, проникаетъ съ желей въ глубин, заставляя всю рыбу уходить отсюда на поиски свѣжей воды къ береговымъ ключевымъ канавамъ и устьямъ рѣчки.

Чѣмъ больше осенніе паводки, тѣмъ дольше не мелѣютъ рѣчки, тѣмъ свѣжѣе вода въ озерѣ; чѣмъ меньше зимніе холода и снѣга, тѣмъ меньше «усыхаютъ» озеро и болотины, питающія рѣчки, тѣмъ медленнѣе идетъ гніеніе травъ, и рыба дольше лежитъ въ глубинахъ.

Въ морозныя. «жаркія», какъ говорятъ рыбаки. зимы обмелѣвшія рѣчки не даютъ достаточнаго количества свѣжей воды, а «усыханіе» озера и быстрое гніеніе травъ обуславливаютъ раннее прониканіе испорченной воды въ глубин и раннее начало хода рыбы. Вѣрнымъ признакомъ наступленія «духовой», т. е. порчи воды въ глубинахъ, считается массовое движеніе рыбы по Вексѣ отъ озера, что является слѣдствіемъ прониканія сюда большого количества испорченной озерной воды.

Чувствительнѣе прочихъ рыбъ къ «дурной» водѣ оказывается ершь: онъ всегда первый поднимается изъ глубей. За нимъ слѣдуютъ сорога, язь и окунь; терпѣливѣе всѣхъ — щука, которая остается въ глубинахъ до конца февраля, а въ очень темныя зимы и до свѣжей весенней воды. Несмотря на усиленный ловъ, которымъ встрѣчаютъ идущую въ рѣчки рыбу, значительное количество ея успѣваетъ туда проникнуть и дѣлается добычей крестьянъ.

Зимній ходъ рыбы продолжается до того времени, какъ первые весенніе ручьи принесутъ въ озеро свѣжую воду; съ этого момента рыба снова уходитъ въ глубин и остается тамъ до нерестовъ.

Подледный ловъ.

Какъ только озерный ледъ окрѣпнетъ настолько, что можно по нему ходить, начинается ловъ мережками. Рыбаки въ одиночку расходятся по озеру, рубя въ заросляхъ камыша или около нихъ небольшія проруби, черезъ которыя подъ ледъ съ помощью шеста ставятъ мережки. Черезъ ту же прорубь по обѣимъ сторонамъ эти рыбаки ударяетъ въ воду шестомъ, стараясь напугать рыбу. Въ одну прорубь ставятъ мережку 2 — 4 раза въ различныхъ направ-

леніяхъ. Этотъ ловъ даетъ небогатую добычу, преимущественно окуней и сорогъ.

Немного позднѣе начинается неводной ловъ, для котораго рыбаки объединяются въ артели по 26—27 человекъ. Всего въ Слободѣ собирается 9 такихъ артелей. Первое время, когда рыба еще держится вблизи береговъ, каждая артель раздѣляется на двѣ по 13 человекъ и ловить рѣдкими неводами. Каждый изъ 13 ловцовъ даетъ по 2 провяза сѣтки съ ячеею «на одинъ перстъ», т. е. $\frac{1}{2}$ вершка, длиною по 4 сажени на саду, высотой около 5 арш. Общая длина невода достигаетъ 104 сажель; иногда составляются меньшіе невода въ 52 саж., по одному провязу съ ловца. Поплавки и грузила какъ и у лѣтнихъ неводовъ. Ловъ идетъ неподалеку отъ берега, отступая при утолщеніи льда и смерзаніи его съ дномъ. Направленіе тони, смотря по мѣсту, параллельно берегу или перпендикулярно ему. Планъ тони таковъ. Сначала рубятъ прорубь для опусканія невода; она зовется «подпускъ» и имѣетъ $2\frac{1}{2}$ арш. длины, 1 арш. ширины. Направо и налево отъ нея, въ то же время немного впередъ, рубятся 5 малыхъ прорубей на разстояніи 15 арш. другъ отъ друга. Средняя изъ нихъ носитъ имя «выманья» и служитъ для вытягиванія веревки отъ невода, а послѣдняя называется «ушная». Отъ ушной по направленію тони дѣлаются на прежнемъ разстояніи другъ отъ друга 15 прорубей, изъ которыхъ каждая пятая служитъ выманьей, а послѣдняя, гдѣ крылья невода поворачиваютъ навстрѣчу другъ другу, называется «бережное ухо». Такъ какъ линіи 30 боковыхъ прорубей идутъ не параллельно, а сходятся немного другъ съ другомъ по направленію къ концу тони, то разстояніе отъ бережного уха до «вытаска» или «матишны», гдѣ вытягиваютъ неводъ, заключаетъ всего 3 проруби, не считая самого «уха». «Вытаскъ» отличается отъ «подпуска» большей шириной—2 арш., и тѣмъ, что задній край его скошенъ, чтобы удобнѣе было вытягивать неводъ. Вся длина тони отъ подпуска до вытаска около 75 саж., ширина около 25 саж. Шесты, съ помощью которыхъ протягиваются подо льдомъ неводныя веревки, длиною до 20 арш., плоски, гибки и продвигаются отъ одной проруби къ другой особыми «вилами», т. е. кольями съ развилкомъ на концѣ; принимаются они въ прорубяхъ деревянными «крюками», а на поворотахъ подхватываются «воротилами»—пестами съ сучками

на концѣ. Веревки—слаби длиною по 12 саж., ту же длину имѣеть канатъ, идущій подо льдомъ.

Одежда рыбаковъ на зимнемъ ловѣ отличается отъ лѣтней только тѣмъ, что подъ балахонъ надѣвается короткое пальто, а на руки рукавицы изъ конской кожи. Значительно затрудняется ловъ выступающей изъ заломовъ поверхъ льда водой, которая смачиваетъ свѣтъ и образуетъ такъ называемый «наслудокъ» или «отопель».

Въ день артель успѣваетъ проловить 6—10 тоннъ. Добыча состоитъ изъ окуней, сороги и ерша; щука лежитъ въ глубяхъ и при береговомъ ловѣ не попадаетъ.

Выловленная рыба вываливается на свѣтъ, перемѣшивается съ нимъ, замораживается и очищается отъ приставшей ряски энергичнымъ потряхиваньемъ въ корзинахъ съ дномъ, сплетеннымъ изъ опухки. Уловъ не дѣлится между участниками, а продается по базарнымъ днямъ на городскомъ рынкѣ; дѣлежъ деньгами даетъ по 1½—3 руб. на ловца въ каждый базаръ (2 раза въ недѣлю).

Съ наступленіемъ большихъ морозовъ рыба уходитъ въ глубь и ловъ переносится сюда; онъ ведется уже цѣлыми артелями по 26 человекъ.

Невода составляютъ изъ рѣдкой и частой сѣтки. Каждый ловецъ даетъ по полупривязу рѣдкой сѣти съ ячеею «на три перста» (¾ верш.) и по 3 пятка. Рѣдкая сѣтка идетъ на переднія части крыльевъ, при чемъ на одно крыло идетъ 6, на другое 7 привязовъ ея. Другія половины крыльевъ составляютъ, какъ и въ лѣтнихъ неводахъ, изъ пятковъ вышиною въ 4 этажа, у мати въ 4½. Кутецъ спивается изъ десяти кусковъ—5 пятковъ и 5 «частыхъ» съ ячеей въ ¼ в. Весь неводъ длиною около 120 саж.

При ловѣ артель раздѣляется на двѣ равныя по числу ловцовъ и по силѣ половины и каждая изъ нихъ ведетъ свое крыло. По работѣ различаютъ: «задавальщиковъ», спускающихъ неводъ въ прорубь, ихъ четверо; «пѣшельниковъ», рубящихъ проруби, 3—4 челов.; «лямочниковъ», которые тянутъ неводной канатъ съ помощью лямокъ (двое изъ нихъ—«саковники» морозятъ рыбу), и «жердниковъ», продвигающихъ шесты подо льдомъ.

Плагъ лова этими неводами таковъ-же, какъ и для рѣдкихъ неводовъ, только тона нѣсколько длиннѣе—до 90 саж.

Такъ какъ при этомъ ловѣ важно угадать хорошее мѣсто, гдѣ

залегло много рыбы, то артельные старосты устраиваютъ нѣкоторое состояніе.

Въ первый день лова, послѣ общаго собранія, староста каждой артели садится на лошадь и спѣшитъ къ тому мѣсту, гдѣ по его мнѣнію ловъ будетъ удаченъ и, въ знакъ того, что мѣсто занято, втыкаетъ здѣсь въ снѣгъ шесть. Вся артель выѣзжаетъ къ мѣсту на 4 лошадахъ: на первой ѣдутъ пѣшники и жердники со своими орудіями—пѣшнями, жердями и впламъ, на второй и третьей—лямочники, на послѣдней задавальщики съ неводомъ.

Этотъ ловъ по глубямъ продолжается до февраля и ведется не ежедневно, а только передъ базарными днями; базары бываютъ по четвергамъ и поведѣльникамъ, ловъ—по вторникамъ, средамъ, пятницамъ и субботамъ. Добычей его является та-же рыба, что и при ловѣ рѣдкими неводами, т. е. сорога, окунь и ершъ взрослые и молодъ ихъ; гораздо рѣже поладаетъ щука. Съ февраля, когда рыба изгоняемая изъ глубей бурной водой, двигается къ рѣкамъ, ловъ слѣдуетъ за ней.

Гніеніе травъ и порча воды, приводящія въ холодныя зимы массу рыбы къ гибели и заставляющія ее искать спасенія въ рѣкахъ и у береговыхъ ключей, создали особый зимній ходъ рыбы, который рыбаки издавна замѣтили и использовали.

Естественно, что изъ большой глубины рыба движется къ устью восточныхъ рѣкъ и къ немногочисленнымъ ключевымъ канавамъ сѣверо-восточнаго побережья, а изъ южной глубины къ устью Челсмы, а также къ канавамъ юго-западнаго и западной половины сѣвернаго береговъ. Но въ южной глубины, какъ упоминалось, существуетъ одинъ крупный и нѣсколько мелкихъ ключей, которые доставляютъ свѣжую воду, что даетъ возможность рыбѣ, зазимовавшей здѣсь, дольше не выходить изъ глубинъ.

Очевидно, если-бы устье восточныхъ рѣкъ не было въ теченіе зимы заграждаемо и искусственно измѣняемо, то рыба могла-бы свободно уйти изъ озера, но, съ одной стороны бѣдность рыбаковъ и цѣнность легко дающейся добычи, съ другой—то, что ушедшая въ рѣки рыба не минуетъ рукъ рыбаковъ-крестьянъ, заставили коренныхъ озерныхъ ловцовъ пользоваться способами лова неблагопріятными для рыбныхъ богатствъ озера.

Отъ двухъ рукавовъ, которыми вливаются въ озеро восточныя рѣки, вѣеромъ отходятъ прорытыя въ землѣ каналы числомъ до 20. На общемъ рыбацкомъ собраніи, тотчасъ послѣ ледостава, всѣ каналы дѣлятся между неводными артелями жеребьевкой; дѣлежъ подтверждается письменнымъ приговоромъ, нарушеніе котораго влечетъ за собою штрафъ. Каждая артель получаетъ по 2 каналы и тотчасъ начинаетъ работать на нихъ. Работа ведется всю зиму въ дни свободныя отъ неводного лова и состоитъ въ слѣдующемъ. Отъ каналы, прорѣзающей берегъ, во льду въ направленіи перпендикулярномъ берегу рубится узкая, $\frac{1}{2}$ арш. шириною, прорубь, недалеко отъ берега она развѣтвляется на двѣ такихъ-же узкихъ расходящихся подъ угломъ проруби—«борозды», которыя продолжаются въ озеро иногда почти на версту длиною. Разстояніе между вѣтшними концами бороздъ, въ зависимости отъ ихъ длины и отъ болѣе или менѣе частаго расположенія каналъ, бываетъ 50—100 саж.

Каналы и борозды въ теченіе всей зимы очищаются отъ льда, а при убыли воды, когда ледъ около устья рѣкъ ложится на дно, вычерпывается и часть доннаго ила, чтобы углубить каналу. Вся рѣчная вода растекается по каналамъ и бороздамъ и, съ наступленіемъ «духовой», привлекаетъ сюда рыбу изъ глубей.

Для лова въ самыхъ бороздахъ ставятся одинъ за другимъ небольшіе зимніе «стулки», а подо льдомъ въ «промежкахъ» между бороздами ловятъ большими (26 челов.) и малыми (13 челов.) неводами.

Ловъ начинается недѣли за двѣ до масляницы. Въ теплыя зимы въ эту пору ходъ рыбы еще очень слабъ, но ловъ все-таки идетъ, ибо на масляной бываетъ большой спросъ на рыбу и нуженъ значительный запасъ ея.

Количество рыбы, добываемой въ каналахъ, зависитъ отъ интенсивности и продолжительности ея хода, который регулируется сложными условіями какъ—количество травъ, осенніе паводки, обиліе снѣговъ и сила морозовъ, болѣе или менѣе раннее наступленіе весны и т. п.

Добычей этого лова является при началѣ хода ершь, сорога и окунь взрослые и молодъ, позднѣе щука. Вся рыба продается въ мороженомъ видѣ на городскомъ рынкѣ по такимъ цѣнамъ: окунь 3—4 р. пудъ, сорога крупная $1\frac{1}{2}$ —2 р., мелкая 1— $1\frac{1}{2}$ р., ершь

1,8—2 р. Дѣлѣжь деньгами. За все время зимняго хода каждая артель выручаетъ не меньше 200 рублей; изъ послѣднихъ 40 лѣтъ двѣ зимы дали очень крупный заработокъ при ловѣ на канавахъ: артели выручили до 1000 р. каждая.

Этимъ ловомъ заканчивается годовою кругъ работы свободскихъ рыбаковъ; съ первыми весенними водами ходъ рыбы въ рѣки прекращается и ловцы начинаютъ готовиться къ весеннему лову.

Заработокъ каждаго изъ нихъ за время подледнаго лова колеблется отъ 35 до 100 рублей, а за весь годъ отъ 250 до 350 р. Годовая выручка слободы 75—100,000 руб.

Сбытъ рыбы, добываемой на озерѣ въ теченіе года, всегда происходитъ на городскомъ рынкѣ и, смотря по возможности сохранять се, покупателями являются только мѣстные жители, или, кромѣ нихъ, и пріѣзжіе скупщики. Весною и лѣтомъ рыбой пользуется исключительно мѣстное населеніе—горожане и крестьяне ближнихъ селеній; осенью и зимою за сушеною и мороженою рыбой пріѣзжаютъ скупщики изъ Вятки, Вологды, Костромы и Петербурга.

Зимнимъ ходомъ рыбы къ канавамъ сѣвернаго и юго-западнаго побережья пользуются для лова крестьяне, по землѣ которыхъ проведены канавы; собственно говоря, цѣль послѣднихъ не осушеніе береговой низины, а привлеченіе сюда рыбы зимою. Здѣсь ведется такой же ловъ, какъ и на бороздахъ у восточныхъ рѣкъ; также быють въ озеро длинныя проруби и преграждаютъ ихъ стулками. Отличіе только въ томъ, что крестьяне не ловятъ неводами и берегутъ свѣжую воду. По временамъ они запружаютъ канавы, чтобы собравшаяся въ ней, а потомъ сразу спущенная вода проникла дальше въ озеро и приманила больше рыбы; когда замѣтятъ, что рыба двинулась по бороздамъ къ берегу встрѣчу водѣ, канавы снова зашпаютъ дна на 3.

Каждая деревня ловить на своихъ канавахъ сообща и добыча, нерѣдко богатая, дѣлится по числу душъ. Такъ какъ число канавъ на крестьянскихъ берегахъ много больше, нежели у рыбаковъ въ устьи восточныхъ рѣкъ, то и добыча крестьянъ много богаче. Рыба, добываемая ими, идетъ для собственнаго потребленія, а при изобиліи, и на продажу въ Галичъ. То и другое значительно подрываетъ торговлю свободскихъ рыбаковъ, но прекратить ловъ крестьянъ, которые не имѣють права пользоваться озерной рыбой, они не въ

силахъ. Въ грамотахъ, о которыхъ упоминалось во второй части настоящей статьи, можно очень часто встрѣтить указанія на ссоры галичскихъ ловцовъ съ сосѣдними крестьянами изъ-за лова; ссоры эти продолжаются и теперь. Когда рыбаки прѣзжаютъ на неводную ловлю къ бороздамъ крестьянъ, послѣдніе спѣшатъ убраться съ озера, а рыбаки забираютъ въ видѣ наказанія все ихъ снаряды. Преслѣдовать крестьянъ судебнымъ порядкомъ рыбаки не могутъ, ибо у нихъ нѣтъ повѣреннаго, который былъ бы въ состояніи вести подобныя дѣла. Нѣсколько разъ въ прошлые годы дѣлались попытки учредить надзоръ за крестьянской ловлей, но избираемые для этой цѣли объѣздки всегда входили въ сдѣлку съ крестьянами въ ущербъ рыбацкому обществу.

Подледный ловъ въ рѣкахъ начинается съ осени. По первому льду на Шокшѣ ловятъ заходящаго сюда язя. Рѣка перегородивается на разстояніи 10—15 саж. двумя заборами—«заясками» изъ щитковъ соломы или ситника, въ которыхъ ставятся по 7—10 «прутянокъ»—верень, обращенныхъ горлами въ огороженное пространство. Рыба занугивается въ прутявки ботаньемъ между заборами.

На Вексѣ въ теченіе всей зимы идетъ ловъ въ заколахъ, уставленныхъ съ осени. Богатою становится добыча здѣсь только съ приближеніемъ въ озерѣ «духовой», когда рыба гонится отъ озера по Вексѣ дурной водой.

На восточныхъ рѣкахъ заколы дѣлаются на зиму не изъ ельника, какъ на Вексѣ, а какъ и заяски изъ щитовъ ситника или соломы.

Учесть весь уловъ крестьянъ по капавамъ и рѣкамъ совершенно не представляется возможнымъ, но нѣтъ сомнѣній, что онъ далеко превосходитъ добычу слободскихъ рыбаковъ.

З а к л ю ч е н і е.

Какъ можно видѣть по изложенному, главнѣйшія черты описаннаго водоема—мелководье и заростаніе травами создаютъ въ немъ особыя условія для жизни рыбы, вызывающія, въ свою очередь, своеобразные способы лова.

Богатство животной и растительной жизни, вызванное мелководьемъ и быстрымъ нагрѣваніемъ воды послѣ зимы, привлекаетъ въ озеро весною множество рыбы для нереста, а въ теченіе лѣта даетъ возможность хорошо расти и скрываться молодежи; но тѣ же условія зимою служатъ причиною гибели рыбы. Коротко говоря, озеро обладаетъ очень хорошими данными для разведенія рыбы, но совершенно непригодно для сохраненія ея на долгое время. Количество рыбы постоянно регулируется здѣсь естественными условіями, независимо отъ лова. Примѣромъ того, что даже самые обильные урожаи молодежи могутъ погибнуть безъ пользы для слѣдующихъ лѣтъ, служитъ 1890 годъ; онъ отличался громаднымъ урожаемъ ерша: при неводномъ ловѣ лѣтомъ и осенью рыбаки въ полдня наполняли рыбою свои лодки. Но слѣдующая зима 1890—1891 года случилась очень морозная и вся масса ерша погибла. Урожайность одного года можетъ отразиться на уловѣ другихъ, только въ томъ случаѣ, если зимы, раздѣляющія ихъ, будутъ не очень морозны. Благодаря такимъ ограниченіямъ, лишь очень незначительная часть коренной озерной рыбы достигаетъ зрѣлаго состоянія и можетъ дать потомство, большая часть послѣдняго обязана своимъ происхожденіемъ пришлой рѣчной рыбѣ, которая, какъ мы видѣли, должна избѣгнуть многочисленныхъ загражденій прежде чѣмъ проникнетъ въ озеро.

Опираясь на указанные обстоятельства, я хочу сказать нѣсколько словъ о приложеніи закона 29 декабря 1911 г. къ данному водоему. Въ первой части его устанавливается абсолютное запрещеніе лова съ 15 апрѣля по 15 іюля въ цѣляхъ сохраненія

нерестующей рыбы. Мнѣ уже приходилось отмѣчать, что это положеніе не исчерпываетъ мѣстныхъ условій жизни рыбъ, потому что, во первыхъ, въ самыя позднія весны нереста здѣсь начинаются не позднѣе 12 апрѣля, а въ раннія 2—4 апрѣля, ловъ же пкряной рыбы начинается за нѣсколько дней до нереста—при ранней веснѣ съ Благовѣщенія. Если припомнить теперь кучность и недолговременность главнѣйшихъ нерестовъ, обусловленные быстрымъ ходомъ весны, то ясно, что большая часть ихъ будетъ совершенно не защищена отъ лова. Во вторыхъ, даже въ позднія холодныя весны всѣ нереста, кромѣ карасевого, не имѣющаго значенія для лова, кончаются въ половинѣ мая, слѣдовательно съ этого времени и до 15 іюля запрещеніе лова является не охраненіемъ нерестующей рыбы, а только стѣсненіемъ для рыбаковъ, добыча которыхъ въ эту пору и безъ того была очень небогата.

Другая часть закона опредѣляетъ размѣръ ячей въ сѣтяхъ и неводахъ; онѣ должны быть не мельче $\frac{1}{2}$ вершка. Это положеніе имѣетъ большое значеніе для рыбаковъ, ибо ловъ мелкоючейными неводами лѣтомъ (въ августѣ), осенью и зимою составляетъ главную статью ихъ дохода. Однако, разбирая причины появленія и существованія этого лова, можно сдѣлать заключеніе скорѣе въ пользу рыбаковъ, нежели противъ нихъ.

Всѣ условія жизни озера, какъ указывалось, совершенно не благоприятствуютъ долговременному сохраненію въ немъ рыбы. Погибаетъ главнымъ образомъ молодь. Количество рыбы, остающейся въ озерѣ на зиму, хотя и уменьшается ловомъ, но всегда превосходитъ то число, которое можетъ перезимовать въ силу ограничивающихъ его естественныхъ условій. Остатокъ погибаетъ. Рыбаки за время лова частыми неводами все же не успѣваютъ выловить всей обреченной на гибель молодежи, а потому этотъ ловъ для рыбныхъ богатствъ озера, при полнотѣ современныхъ условій, не вредитъ.

Но, если усматривать причину гибели рыбы въ томъ, что зимній ловъ на канавахъ и зимнихъ рѣчныхъ загражденіяхъ прекращаютъ ей доступъ въ чистую рѣчную воду, гдѣ она могла бы перезимовать, то слѣдуетъ заключить, что одновременное уничтоженіе этихъ способовъ лова дастъ возможность рыбѣ избѣгнуть гибели. Такимъ образомъ окажется возможнымъ парализовать, если не волюнѣ, то до нѣкоторой степени, главное неблагоприятное условіе

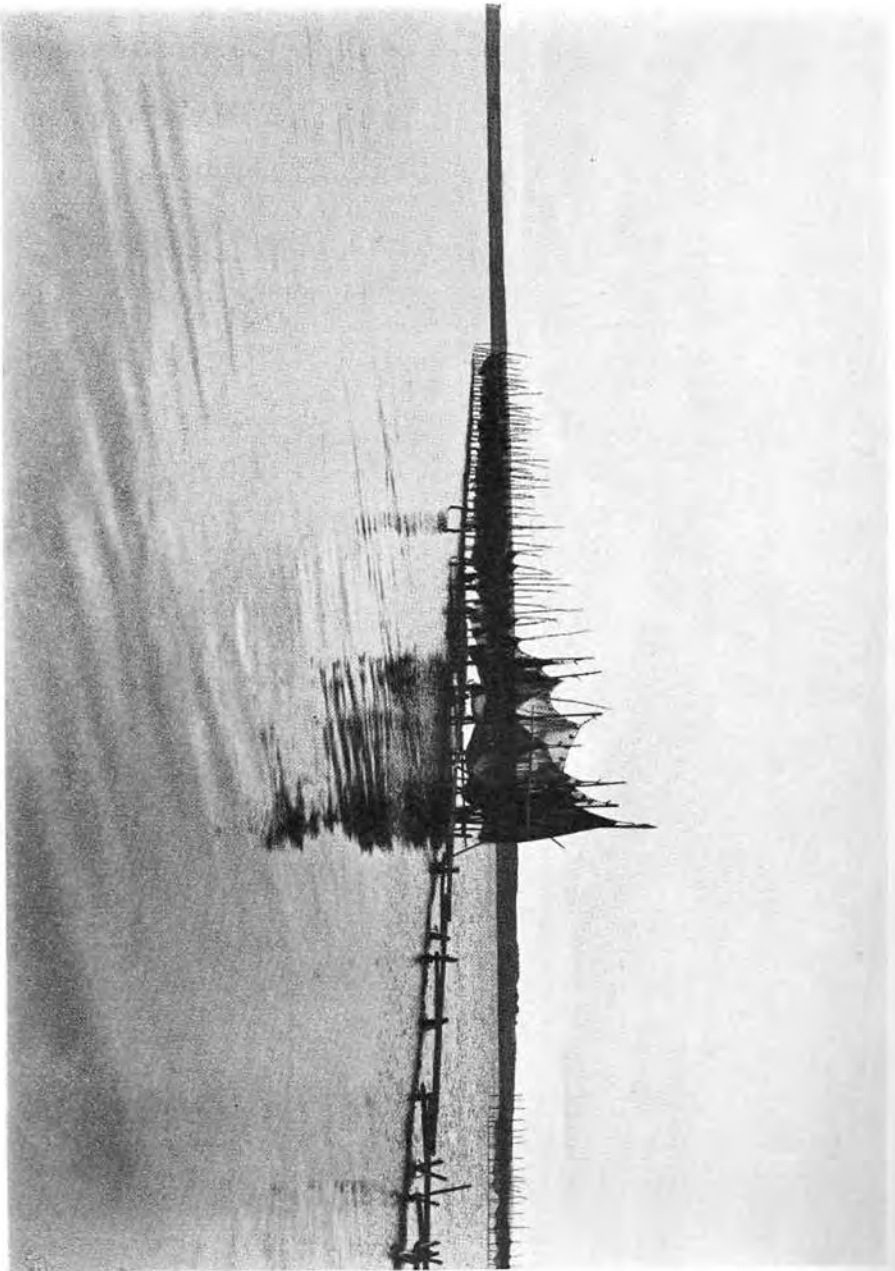
даннаго водоема. Осуществленіе этой возможности постепенно отразится и на всемъ рыбномъ промыслѣ, ибо необходимость вылавливанія мелкой рыбы исчезнетъ, когда количество крупной сможетъ замѣстить ее.

Добавляя къ этому еще точное, по мѣстнымъ условіямъ, установленіе запрещеній хищническихъ лововъ въ весеннее время идущей на нереста и нерестующей рыбы, возможно продлить и увеличить значеніе описаннаго водоема для мѣстнаго населенія.

М. Виноградовъ.

«Чашевый» док. Неводь сохнеть.—Съ фотограф. В. Кларкъ.

Три галичанскѣ рыбаковъ.—Съ фот. В. Капустъ.

В. К.

«Чашевий» довг. Вытпиваніє невода.

Добываніе «лывы».

Огуречникъ. Женщины за вязаньемъ сѣтей.

Юго-восточный берегъ въ апрѣлѣ.

Рыбачья семья.

«Щащевый» ловъ. Выбирание сорныхъ травъ изъ невода.

«Пешня» (печь для сушки рыбы).

Основные черты въ развитіи крупной промышленности въ Костромской губ. въ дореформенное время.

I.

Возникновеніе крупной промышленности въ послѣ-Петровское время. — Расцвѣтъ полотнянаго производства въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. — Крѣпостная фабрика. — Развитие домашняго полотнянаго ткачества. — Кризисъ 20-хъ гг. и гибель полотняной промышленности.

Свѣдѣнія о крупной промышленности въ Костромской губ. до начала XIX столѣтія отличаются скудостью; однако изъ тѣхъ немногихъ данныхъ, какія имѣются, можно заключить, что *исторія фабричной промышленности за этотъ періодъ въ сущности сводится къ исторіи полотнянаго и, частью, кожевнянаго производства.*

Возникновеніе крупной промышленности въ послѣ-Петровское время.

Другія отрасли промышленности въ формѣ крупнаго производства встрѣчаются только въ видѣ единичныхъ явленій. Таковъ, напр., металлическій заводъ Марселеса, существовавшій, по словамъ Рожкова, въ XVII-мъ столѣтіи въ Костромѣ, и посессионная писчебумажная фабрика Свѣчина, учрежденная въ 1778 г. въ с. Адисевѣ, Кинешемскаго уѣзда ¹⁾.

¹⁾ Рожковъ, «Городъ и деревня въ Русской исторіи», стр. 59, Соловьевъ въ «Исторіи Россіи съ древѣйшихъ временъ» (книга 2-я, стр. 1344. Изд. «Обществен. пользы») говоритъ, что «въ 1644 г. государь (Михаилъ Сеодоровичъ) пожаловалъ иноземца, Амбурскаго города гостя, Петра Марселеса съ дѣтми Гаврилою и Леонтіемъ, да Голландской земли торговаго человека, Филимона Акему, велѣлъ имъ желѣзныя заводы заводить на трехъ мѣстахъ: на Вагѣ, Костромѣ и Шексѣи, или гдѣ они принудятъ другое мѣсто, къ желѣзному дѣлу годное, на порожнихъ земляхъ, на 20 лѣтъ, безъ оброчно и безошлинно: вольны они мельницы ставить и желѣзо на всякія статьи плавить». Очевидно, къ заводу же Марселеса относится и глухое указаніе князя Козловскаго на учрежденіе въ началѣ XVII-го ст. во многихъ городкахъ горныхъ заводовъ, м. пр., и въ Костромѣ («Взглядъ на исторію Костромы». Москва. 1840 г. стр. 102). О фабрикѣ Свѣчина упоминается у Крживоблоцкаго (см. его «Описаніе Костромской губ. Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба». СПб. 1861). Впослѣдствіи эта фабрика перешла въ собственность Вишневаго.

Возникновеніе полотняныхъ фабрикъ и кожевенныхъ заводовъ относится ко времени, непосредственно слѣдовавшему за Петровской эпохой.

Усиленное покровительство, оказывавшееся Петромъ фабричной промышленности, въ частности установленіе тарифомъ 1724 г. высокой пошлины на иностранные товары (въ 50—75% цѣнности на такіе товары, какъ скатерти, салфетки, полотно, парусина, и въ 25% на писчую бумагу и кожаный товаръ) дало сильный толчекъ развитію крупной промышленности.

У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о времени возникновенія первыхъ фабрикъ въ Костромской губ., но, повидимому, этимъ временемъ была середина XVIII ст. Князь Козловскій указываетъ, что Кострома начала славиться мануфактурами въ царствованіе Елизаветы. «Первую полотняную фабрику въ городѣ на 500 становъ—говоритъ онъ—завелъ Иванъ Дмитріевичъ Угличаниновъ и получилъ на оную привиллегію. Вслѣдъ за нимъ Иванъ Пименовъ Стригалева, Семенъ Ивановичъ Ашастинъ и Дмитрій Ѳедоровъ Волковъ ¹⁾ построили значительныя фабрики, на коихъ работали равендуки, фламскія полотна, каламенки и отиравали сѣн издѣлія въ С.-Петербургѣ». (Цитир. соч. стр. 173).

Одной изъ первыхъ фабрикъ въ Костромской губ. была также вотчинная фабрика въ сельцѣ Апалихахъ (подъ Костромой), основанная въ 1752 г. ²⁾ Нѣсколько позднѣе, въ 1761 г., близъ Нерехты была построена каменная полотняная фабрика Петербургскимъ купцомъ и директоромъ Императорскаго двора Михайлой Грязновскимъ Лапшинымъ вмѣстѣ съ директоромъ Михайлой Большимъ-Пастуховымъ. О фабриктъ этой, между прочимъ, упоминалось въ статистической вѣдомости, доставленной въ 1767 г. въ Комиссію для составленія Новаго Уложенія ³⁾. По свѣдѣніямъ В. И. Семевского ⁴⁾, относящимся къ тому же періоду и взятымъ, повидимому, изъ той же вѣдомости, на Пастуховской фабриктъ въ Нерехтѣ счита-

¹⁾ Дѣдъ основателя русскаго театра.

²⁾ Владѣльцемъ этой фабрики былъ, какъ кажется, графъ Воронцовъ. См. Пироговъ. «Очерки промышленности Костромской губ.», стр. 75 въ выш. III «Матеріаловъ для ст-ки Костр. губ.». Изд. Костр. губ. Ст. К-та 1875 г.

³⁾ См. А. Ф. Васильковъ. «Нерехтскій уѣздъ въ 1857 г.», Костр. Губ. Вѣд. 1872 г. № 25.

⁴⁾ «Крестьяне въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й», т. I, изд. 2-е, стр. 486.

лось 299 рабочихъ, на полотняной фабрикѣ Стригалева въ Костромѣ было занято 235 рабочихъ. Въ 1778 году въ Нерехтѣ же возникла полотняная фабрика купца Суворова ¹⁾).

Названныя фабрики не были единственными. Изъ позднѣйшихъ данныхъ, а именно изъ «Описанія Костромскаго намѣстничества», составленнаго въ 1792 г. ²⁾, видно, что въ концѣ XVIII в. въ предѣлахъ нынѣшней Костромской губ. существовало 25 фабрикъ и 73 завода. По словамъ составителя указаннаго «Описанія», изъ фабрикъ въ намѣстничествѣ *наибольшимъ процвѣтаніемъ пользовались полотняныя фабрики*, которыхъ насчитывалось 22, а изъ заводовъ *«наиболѣе примѣчания» заслуживали кожевенныя заводы*, которыхъ было 16 ³⁾.

По словамъ Крживоблоцкаго, какъ полотняныя фабрики, такъ и кожевенныя заводы, находившіяся въ это время въ губерніи, «были извѣстны цѣлой Россіи, и имена Углечаниновыхъ, Дурыгинныхъ, Волковыхъ и Колодкиныхъ были хорошо знакомы не только Москвѣ и Петербургу, но и за границей. Георги, посѣтившій въ половинѣ 18-го вѣка Кострому, отзывался о костромскихъ кожахъ, какъ о лучшихъ въ Россіи и особенно хвалилъ юфть черную и красную» ⁴⁾.

Было бы ошибкой думать, что такое блестящее состояніе промышленности явилось плодомъ однихъ искусственныхъ правительственныхъ мѣропріятій. Туганъ-Барановскій въ своей работѣ,

¹⁾ См. ст. Голованчикова. «Семисотлѣтіе г. Нерехты» въ «Костромской Жизни» 1914 г. № 1.

²⁾ Костр. Губ. Вѣд. 1859 г., № 22.

³⁾ Остальныя фабрики были: одна писчебумажная и двѣ суконныхъ. Въ числѣ заводовъ, помимо 16 кожевенныхъ, значились: 26 солодовенныхъ, 5 винныхъ, 2 стеклянныхъ, 3 гончарныхъ, 1 колокольный, 3 красочныхъ «для дѣла лазори», 4 салотопенныхъ, 2 клейныхъ, 1 сѣрной, 1 сырейной и 9 масляныхъ. Повидимому, въ большинствѣ это были мелкія заведенія. Интересно также отмѣтить отсутствіе мыловаренныхъ заводовъ, а между тѣмъ лѣтъ за 200 до того Кострома славилась своимъ мыломъ. Въ «Исторіи о великомъ княжествѣ Московскомъ», напечатанной въ Лейпцигѣ въ 1620 г. Петромъ де-Ерлезунда (см. «Чтенія въ Имп. Общ. Исторіи и древностей Россійскихъ при Моск. Университетѣ», 1865 г., книга IV, стр. 40), о Костромѣ говорится, что въ ней «варится лучшее во всей странѣ мыло».

⁴⁾ Указанное сочиненіе, стр. 322. Отмѣтимъ кстати, что упоминаемому въ текстѣ Колодкину принадлежала полотняная фабрика въ Костромѣ, основанная, по свѣдѣніямъ Крживоблоцкаго, въ 1775 году. Другой источникъ—«Памятная книжка Костр. губ. на 1862 годъ», устройство Колодкинымъ фабрики относится не къ 1775 г., а къ 1755 г., но, по всей вѣроятности, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ опечаткой, такъ какъ во всемъ остальномъ составители «Памятной книжки» почти безъ измѣненій слѣдуютъ за Крживоблоцкимъ.

посвященной «Русской фабрикъ», прекрасно выслнилъ всю естественность процесса народненія крупнаго фабричнаго производства въ Петровское и послѣ-Петровское время. *Базисомъ, на которомъ оно выросло, были: съ одной стороны, крестьянское домашнее ткачество, съ другой—торговый капиталъ.*

Обработка льна изстаря была домашнимъ крестьянскимъ промысломъ. Первоначально она служила цблямъ натурального хозяйства, но затѣмъ крестьянскія льняныя издѣлія (гл. обр., грубые холсты) становятся рыночнымъ продуктомъ. Въ описываемую нами эпоху на сторону сбывался не только излишки противъ потребностей семьи, но, повидимому, и большая часть производства. Туганъ-Барановскій указываетъ, что «этотъ старинный крестьянскій промыселъ достигъ значительнаго развитія еще въ Московской Руси» и что уже въ XVII ст. русскій холстъ въ большомъ количествѣ вывозился за границу» ¹⁾.

Въ этомъ экспортѣ крупное участіе принимала и Костромская губ. По свидѣтельству рижскаго купца де-Родеса, составившаго въ XVII в. для Шведскаго правительства отчетъ о промышленности и торговлѣ Россіи, большая часть парусныи и разнаго холста, отправлявшіеся черезъ Архангельскъ въ Голландію шла изъ *Костромы, Ярославля и Вологды* ²⁾.

Сильное развитіе заграничнаго вывоза крестьянскихъ льняныхъ издѣлій въ XVIII в. отмѣчается, между прочимъ, въ наказахъ жителей Костромы въ Екатерининскую комиссію по составленію Уложенія, указывавшихъ, что крестьяне большими партіями скупаютъ по деревнямъ холстъ и отправляютъ его для продажи въ портовые города ³⁾.

О крупныхъ размѣровъ этой торговли, производившейся «по большей части съ *английскими* купцами», свидѣлствуетъ цифра вывоза, приводимая въ уже цитированномъ «Описаніи Костромскаго намѣстничества». По свѣдѣніямъ этого источника, цѣнность годичнаго вывоза изъ губерніи фламекскихъ полотенецъ, каломенки и равен-

¹⁾ «Русская фабрика въ прошломъ и настоящемъ», т. I. С.-ПВ. 1898 г., стр. 67.

²⁾ Крживоблоцкій, 322.

³⁾ Туганъ-Барановскій, 38.

дуковъ, отправлявшихся по Волгѣ къ Петербургскому порту, превышала 500 тыс. руб. 1).

Мы видимъ такимъ образомъ, что и въ Костромской губ. зарожденію крупной промышленности предшествовала длительная циркуляція въ сѣбѣ обращенія. Не будь этой предварительной циркуляціи, какъ результата ея, накопленія крупныхъ торговыхъ состояній, всѣ мѣры покровительства были бы безсильны вызвать къ жизни крупное производство.

Главнымъ центромъ полотнянаго фабричнаго производства въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. была Кострома. Существовали также полотняныя фабрики въ Кинешмѣ и ея окрестностяхъ, въ Нерехтѣ, Плесѣ, с. Писцовѣ. Въ послѣднемъ, по сообщенію Васькова 2), насчитывалось до 10 фабрикъ, занимавшихся ткачествомъ пестрядокъ и фламезаго полотна. Въ разныхъ источникахъ упоминаются слѣдующія изъ существовавшихъ въ эту эпоху полотняныхъ фабрикъ: Угличанинова, Дурыгина, Волкова, Колодкина, Ашастина, Б. Стригалева (всѣ фабрики въ Костромѣ), Грязнова (въ Кинешмѣ), Таланова (тамъ же), Темерина (въ Нерехтѣ), Пастухова (тамъ же), Суворова (тамъ же), Зубарева (въ Плесѣ), Ермолина (тамъ же), вотчинная фабрика въ Аналихѣ. Изъ остальныхъ производствъ намъ извѣстны: кожевенный заводъ Кожевникова, писчебумажная фабрика Свѣчипа (въ Адищевѣ) и ситценабивная и красильная фабрика купца Флягина (въ Писцовѣ).

Расцвѣтъ полотнянаго производства въ концѣ XVIII и началѣ XIX в.

Повидимому, все это были фабрики сравнительно крупныхъ размѣровъ. Выше мы уже указывали, что на Пастуховской фабрикѣ въ Нерехтѣ было 299 раб. и на Стригалеваевой фабрикѣ въ Костромѣ 235 чел. «Описаніе Костромскаго намѣстничества» свидѣтельствуетъ, что на разныхъ фабрикахъ и заводахъ губерніи работало «не малое число людей». Косвенными указаніями на крупный характеръ произ-

1) Также, какъ и холстъ, была предметомъ заграничнаго вывоза кожа. Любопытно при этомъ отмѣтить, что главную роль въ этомъ вывозѣ играла лишь классически захолустная Чухлома. По словамъ Кржииволецкаго «въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., торговая дѣятельность Чухломы была довольно значительной». Два купеческихъ дома, Симановскихъ и Гудныхъ, «вели обширную торговлю черезъ Архангельскъ съ Амстердамомъ, отправляли корабли, нагруженные саломъ, пенькою, льнянымъ сѣменемъ и кожами и получая иностранныя вина и французскія водки, которые отправляли въ Кострому и другіе соседніе губернскіе города» (стр. 606).

2) Костр. Губ. Вѣд. 1872 г. № 41.

водства можетъ служить и то, что изъ 22 полотняныхъ фабрикъ 11 помѣщались въ каменныхъ зданіяхъ, а также, что костромскіе и кинешемскіе купцы-фабриканты «во множествѣ» покупали на городскихъ и сельскихъ базарахъ ленъ и пряжу для своихъ фабрикъ.

Въ началѣ XIX ст. фабричная промышленность сильно возрастаетъ. Первые статистическія свѣдѣнія за XIX-е столѣтіе, относящаяся къ 1810 году, насчитываютъ въ одной Костромѣ 11 полотняныхъ и 10 кожевенныхъ заведеній. На полотняныхъ фабрикахъ вырабатывалось фламскихъ полотенъ, равендука и коломенки до 70 тыс. кусковъ въ годъ, на сумму болѣе милліона рублей ассигнаціями. На кожевенныхъ заводахъ перерабатывалось до 40 тыс. кожъ на 150 тыс. руб. ассигнаціями. «Памятная книжка» ¹⁾, откуда мы заимствуемъ эти данныя, въ числѣ владѣльцевъ полотняныхъ фабрикъ, пользовавшихся въ то время «широкой извѣстностью во всей Россіи», кромѣ уже называвшихся Угличанинова, Волкова, Дурьгина, Стригалевыхъ, Ашастина и Колодкина, называетъ также Озобихина, Солодовникова и Пыпина ²⁾.

Приведенныя цифры свидѣтельствуютъ о весьма значительномъ развитіи полотнянаго производства. Средній годовой изъ всей Россіи вывозъ за границу фламскихъ и парусныхъ полотенъ и равендуковъ въ періодъ 1880—1813 гг. составлялъ 212 тыс. кусковъ ³⁾. Такимъ образомъ, производство одной Костромы достигало 1/3 всего общерусскаго полотнянаго вывоза. Повидимому, этотъ періодъ былъ време-

¹⁾ «Памятная книжка Костр. губ. на 1862 г.», составленная Костр. Губ. Ст. К-мъ, стр. 365.

²⁾ По окончаніи отечественной войны въ Костромѣ собиравсь пожертвованіи въ пользу разоренной Смоленской губ. Князь Козловскій (стр. 195—197) приводитъ списокъ жертвователей, въ числѣ которыхъ находимъ многихъ фабрикантовъ, жертвовавшихъ равендуки и фламское полотно. Это были отъ Костромскаго купечества: 1) первостатейный купецъ и фабрикантъ Петръ Угличаниновъ, 2) первостатейный купецъ Петръ Дурьгинъ. 3) первой гильдіи купецъ Дмитрій Солодовниковъ, 4) первой гильдіи купецъ Александръ Ильинъ, сынъ Стригалова, 5) Алексѣй Михайловъ, сынъ Дурьгина, съ братьями, 6) Николай Стригаловъ съ братьями и племянниками, 7) Осдоръ Ашастинъ съ братомъ; отъ плесскаго гражданства, 8) градской голова 1-й гильдіи купцы Иванъ и братъ его Дмитрій Андреевы, дѣти Зубарева, 9) второй гильдіи купцы Андрей и Иванъ Яковлевы, дѣти Ермолина; отъ Кинешемскаго купечества: 10) купецъ и фабрикантъ Александръ Грязновъ съ братьями, 11) фабрикантъ Александръ Талаповъ, 12) купеческій сынъ Иванъ Грязновъ. Въ числѣ жертвователей находимъ также Галичскаго купца второй гильдіи Ивана Вакорина, пожертвовавшего 100 кожъ бѣлыхъ.

³⁾ Туганъ-Барановскій, 68.

немъ наивысшаго расцвѣта полотняной промышленности, ставшей «золотымъ дномъ» для фабрикантовъ и торговцевъ. Именно въ этотъ періодъ, въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст., по свидѣтельству Васькова (Костр. Губ. Вѣд. 1872 г. № 25), «многіе купеческіе дома въ Нерехтѣ начали богатѣть отъ выгодной торговли пряжей и холстами». «Это они-то —добавляетъ историкъ Нерехтскаго края— во время своего благоденствія обстроили Нерехту каменными домами».

Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію дальнѣйшей исторіи фабричнаго производства, уместно будетъ хотя бы вкратцѣ остановиться на томъ, что представляла собою фабрика того времени.

Крѣпостная
фабрика.

Въ XVIII в. существовали двѣ основныя разновидности фабрики: фабрика *вотчинная* и фабрика *поссессионная*.

Владѣльцами первыхъ были дворяне, работа на этихъ фабрикахъ производилась трудомъ крѣпостныхъ вотчинника. Въ отличіе отъ вотчинныхъ владѣльцами поссессионныхъ фабрикъ могли быть и не дворяне. Контингентъ рабочихъ этихъ фабрикъ составлялся изъ прикупленныхъ владѣльцами или принсанныхъ правительствомъ крестьянъ. Рабочіе вотчинной фабрики были «крѣпки» ея владѣльцу, рабочіе поссессионной фабрики или завода «крѣпки» заведенію, въ которомъ работали. Существовалъ еще третій типъ фабрикъ—*фабрика, основанная на волнонаемномъ трудѣ*.

Примѣромъ вотчинной фабрики можетъ служить уже упоминавшаяся полотняная фабрика въ Аналихахъ. По свѣдѣніямъ Пирогова, «сельцо это принадлежало одному крупному вотчиннику и было ссыльнымъ поселеніемъ, куда свозились изъ разныхъ его имѣній крестьяне, не платившіе оброка, для работъ на полотняной фабрикѣ» ¹⁾.

Къ числу вотчинныхъ фабрикъ должна быть отнесена также салфеточная фабрика генерала фонъ-Менгенъ въ с. Никольскомъ Кинешемскаго уѣзда (въ 10 верстахъ отъ с. Вичуги), устроенная приблизительно около 1808 г. Фабрика эта выросла изъ помѣщичьей

¹⁾ «Матеріалъ для статистики Костр. губ.» Вып. IV. Изд. Костр. Губ. Ст. К-та Кострома 1881 г., стр. 227. Статья В. Пирогова. «Ткацкія свѣтелки подъ Костромой». Фабрика эта была основана, какъ мы уже указывали, въ 1752 г. и существовала лѣтъ 40, а затѣмъ фабричныя постройки стали сдаваться въ аренду. Въ настоящее время возлѣ Аналихъ выстроено новое фабричное зданіе, въ которомъ два года назадъ помѣщалась льно-ткацкая фабрика Кудривцева.

мастерской, первоначально удовлетворявшей лишь нужды самих владѣльцевъ, и пользовалось почти исключительно крѣпостнымъ трудомъ ¹⁾.

Больше свѣдѣній о вотчинныхъ фабрикахъ у насъ не имѣется, между тѣмъ, судя по нѣкоторымъ косвеннымъ даннмъ (напр., по просьбамъ купеческихъ наказовъ въ Екатерининскую комиссію отъ Костромы и Буя о запрещеніи дворянству содержать фабрики), число дворянскихъ фабрикъ, особенно въ XVIII в., было значительно.

Наряду съ вотчинной фабрикой возникаютъ и посессионныя фабрики. Владѣльцы ихъ усиленно скупаютъ крѣпостныхъ для цѣлей фабричнаго производства. Обезпокоенное этимъ, Луховское дворянство въ своемъ наказѣ жалуется, что «фабриканты, кои содержатъ въ разныхъ уѣздахъ фабрики, накупили великія деревни и пользуются, яко сущіе дворяне, непринадлежащими имъ преимуществами» ²⁾.

Нужно отмѣтить, что вообще пріобрѣтенію недворянами крѣпостныхъ ставились всяческія преграды. Указъ 1721 г., дававшій «купецкимъ людямъ» право покупать къ заводамъ населенныя деревни, очень скоро подвергается ограниченіямъ. Такъ, указомъ 1752 г. устанавливается максимальное число крестьянъ, которыхъ разрѣшалось имѣть при каждой недворянской фабрикт. Еще дальше въ этомъ отношеніи пошелъ указъ 1762 г., предписывавшій всѣмъ фабрикантамъ и заводчикамъ впредь деревень къ фабрикамъ и заводамъ не покупать. Но, очевидно, жизнь прекрасно умѣла обходить всѣ эти преграды, потому что понадобился спеціальнй по Костромскому намѣстничеству приказъ Сената (въ 1786 г.) о томъ, чтобы изъ числа состоящихъ за купечествомъ при фабрикахъ мастеровыхъ и рабочихъ оставить только тѣхъ, которые куплены ихъ владѣльцами до изданія указа 1762 г., а остальныхъ отобрать и приписать въ казенное вѣдомство, куда они сами пожелаютъ ³⁾.

Съ своей стороны *купечество энергично домогалось права держать крѣпостныхъ для фабричныхъ работъ*. Въ Комиссіи для со-

¹⁾ Крживоблоцкій, 348. Подробнѣе о фабриктъ Мендгенъ см. ниже.

²⁾ Туганъ-Барановскій, 29. Возможно, что наказъ Луховскихъ дворянъ имѣлъ въ виду фабрикантовъ не одной Костр. губ., но также и ближайшихъ уѣздовъ соседней Владимірской губ.

³⁾ Семеновскій, 462.

ставленія Уложенія фабриканты г. Костромы настойчиво заявляли, что «фабриканамъ и заводчикамъ безъ своихъ собственныхъ крестьянъ фабрикъ и заводовъ размножать и приводить въ лучшее состояніе никакъ не можно» и просили дозволить покушать крестьянъ къ фабрикамъ, хотя бы и въ меньшемъ количествѣ, чѣмъ это разрѣшалось прежде, такъ, напр., къ полотняному стану не по 12 душъ, какъ это было при Елизаветѣ Петровнѣ, а по 3 души муж. пола и «сколько при нихъ обрѣтаться будетъ женскаго пола»¹⁾.

Въ основѣ всѣхъ этихъ домогательствъ несомненно лежалъ недостатокъ свободныхъ рабочихъ рукъ. «Вольныхъ рабочихъ—говоритъ одинъ изслѣдователь—въ тогдашней Руси была такая жалкая горсть, что нечего было и думать съ ихъ помощью оборудовать крупное производство; необходимо было въ той или иной формѣ широко использовать для промышленныхъ цѣлей крѣпостной трудъ. Но для этого буржуазія должна была получить принадлежавшую лишь дворянамъ привилегію—владѣть крѣпостными»²⁾. Къ сказанному надо добавить, что и наличный небольшой контингентъ вольныхъ рабочихъ не могъ быть использованъ полностью въ фабричномъ производствѣ, такъ какъ большая часть рабочихъ была связана съ землей и отвлекалась на лѣтнее время въ деревню. Нерѣдки были случаи, когда производство на лѣто сокращалось или даже вовсе останавливалось изъ-за недостатка рабочихъ. Въ той же комиссіи костромскіе фабриканты указывали, что въ лѣтнее время, вслѣдствіе ухода рабочихъ на свои крестьянскія работы, производство на фабрикахъ уменьшается болѣе, чѣмъ вдвое³⁾.

---

¹⁾ Тамъ же, 461.

²⁾ П. Берлинъ. «Дворянская буржуазія». «Совр. Міръ» 1910 г. № 7.

³⁾ Семевскій, 485. Интересны также и другіе мотивы, приводившіеся костромскими фабрикантами въ защиту необходимости имѣть при фабрикахъ собственныхъ крѣпостныхъ. «Вольные люди—говорили они—не могутъ быть въ такомъ послушаніи, какъ собственный приписной или крѣпостной, и работа, отъ нихъ производимая, не можетъ быть дѣйствительна: если фабрикантъ сдѣластъ въ своемъ производствѣ какія либо нововведенія ради «государственной пользы и славы», то вольные рабочіе, «по непривычкѣ ихъ» къ новымъ способамъ производства, «окажутся противными», и ихъ ни за какую плату принудить нельзя по ихъ лѣности». О связи рабочихъ съ землей свидѣтельствуетъ также указаніе Семевского (стр. 571), что на полотняной фабрикѣ Ашастина въ Костромѣ посесіонные крестьяне работали только половину года, а въ остальное время занимались въ деревнѣ хлѣбопашествомъ.

Къ числу посессіонныхъ фабрикъ относятся полотняныя фабрики: В. и Н. Стригалевыхъ, Ашастина, Грязнова, Таланова, Б. Стригалева, Угличанинова и Темерина, а также кожевенный заводъ Кожевникова. Одной изъ крупныхъ посессій была упомянутая выше фабрика Свѣчина. По 9-й ревизіи приписанныхъ къ ней посессіонныхъ крестьянъ числилось 261 д. м. п. и 243 ж. п. 1).

И вотчинныя и посессіонныя фабрики держались принудительнымъ трудомъ. Но рядомъ съ послѣднимъ *постепенно развивалось примѣненіе и вольнонаемнаго труда*. На отдѣльныхъ фабрикахъ вольный трудъ примѣнялся еще въ концѣ 60-хъ гг. 18 ст. Напр., на фабрику Стригалева въ Костромѣ работало вольныхъ 206 мужч. и 29 женщ.; на фабрику Пастухова въ Нерехтѣ всѣ 299 рабочихъ были вольными. Однако все это были исключенія, а не общее правило. Но чѣмъ ближе подвигаемся мы къ половинѣ 19-го вѣка, тѣмъ все большее и большее значеніе, какъ увидимъ ниже, приобретаетъ трудъ вольный. *Съ развитіемъ оброчной системы, съ ростомъ отхожихъ промысловъ свободный трудъ получаетъ непрерывно растущее распространеніе*, такъ что въ канунъ крестьянской реформы, въ концѣ 50-хъ гг., пользованіе для фабричныхъ работъ трудомъ крепостныхъ представляетъ собою уже весьма рѣдкое исключеніе.

О внутренней жизни фабрики конца 18 и начала 19 столѣтія мы знаемъ очень мало. Условія труда, какъ можно предполагать, были тягостны. Рабочій день отличался чрезмѣрной длиною. Такъ, напр., по свѣдѣніямъ, собраннымъ мануфактуръ-коллегіей въ 1803 г. и приводимымъ Семевскимъ въ его книгѣ, на фабрику Стригалева работали «по мѣрѣ необходимости иногда въ день часовъ утреннихъ отъ 4-го и 5-го и попоудни не далѣе 10-го». «Если — замѣчаетъ Семевскій (стр. 570)—и давался тутъ 2-хъ-часовой отдыхъ, то лучшимъ всетаки 16-часовой рабочій трудъ» 2). Тяжелы были,

1) Крживоблонкій, 384. Слѣдуетъ отмѣтить, что не всѣ приписанные къ фабрику рабочіе занимались именно фабричнымъ трудомъ. На ф-ку Свѣчина, напр., въ концѣ 50-хъ гг. работало всего лишь 200 съ небольшимъ рабочихъ.

2) Свѣдѣнія о длинѣ рабочаго дня на нѣкоторыхъ другихъ фабрикахъ приведены у Тугачъ-Варановскаго (стр. 116—117). Рабочій день продолжался: на ф-ку Грязнова 10 ч., Ашастина—съ утра до 10 ч. веч. Таланова—14 час. О зараб. платѣ данныхъ не имѣется. Известно лишь, что рабочіе ф-къ В. и Н. Стригалевыхъ и Б. Стригалева, а также завода Кожевникова были на полномъ иждивеніи фабрикантовъ. Точно также рабочіе Апалихинской фабрики получали паекъ отъ владѣльца.

вфронтно, и другія условія. Недаромъ вотчинная фабрика въ Апа-
лихахъ служила мѣстомъ ссылки для провинившихся крестьянъ ¹⁾.

*Отличіе крупной льняной промышленности конца XVIII и начала XIX в. отъ изстари существовавшей крестьянской обработки льна заключалось въ томъ, что ея вырабатывались болѣе тонкіе сорта полотенъ (глав. обр., фламское полотно и равендукъ), тогда какъ предметомъ крестьянской промышленности была выработка грубаго холста. Такое по-предметное раздѣленіе труда исключало конкуренцію между фабрикой и кустаремъ. Въ тѣ времена начального развитія крупной промышленности фабрика не только не сживала кустаря со свѣти, какъ происходитъ это въ настоящее время въ цѣломъ рядѣ пров-
водствъ, а, наоборотъ, сама была условіемъ размноженія кустарей. Разгадку такого страннаго на современный взглядъ соотношенія между фабрикой и кустарной промышленностью далъ Туганъ-Барановскій. «Успѣхи кустарнаго производства во второй половинѣ XVIII в.—говоритъ онъ (стр. 51)—находились въ извѣстной связи съ увеличеніемъ числа фабрикъ и фабричныхъ рабочихъ. Фабрика въ XVIII в. была единственной школой промышленнаго искусства,*

**Развитіе
домашняго
полотнянаго
ткачества.**

¹⁾ На почвѣ тяжелыхъ условій труда происходили волненія. Разсказъ объ одномъ изъ нихъ находимъ въ матеріалахъ Костромской Архивной Коммиссіи въ отвѣтѣ учителя Середскаго начального народнаго училища А. А. Тихонова на этнографическую анкету 1900 года. «Въ концѣ XVIII и началѣ XIX ст. — разсказываетъ г. Тихоновъ—с. Середя входила въ составъ Шухомонской волости и село Шухомошъ (въ 4-хъ вв. отъ Середы къ юго-востоку) было не меньше Середы. Села эти со многими окрестными деревнями принадлежали князю Барятинскому, бывшему поставщикомъ сукна на русскую армію, и въ с. Шухомошъ была суконная фабрика (мѣсто ея и теперь замѣтно), на которой работали крѣпостные крестьяне поурочно. Фабрика эта, говорить была жестокой тираніей для населенія, страшно терпѣвшаго отъ тяжести налагаемыхъ на пародъ уроковъ. Страдавшее подъ бременемъ работы населеніе долго придумывало, какъ бы отъ этихъ работъ избавиться, и, когда владѣльцемъ ф-ки (въ началѣ XIX ст.) сталъ нѣкто Темеринъ, купивъ или заарендовавъ ее у князя Барятинскаго, Шухомяне придумали сжечь фабрику и этимъ избавиться отъ работы (середяне избавились отъ работъ почему-то раньше). Чтобы удачѣе привести свой замыселъ въ исполненіе, надо было сначала украсть съ фабрики крестъ, бывшій въ корнусахъ фабрики вмѣсто иконы, а иначе, какъ думали они, поджогъ не удастся, да и будетъ большимъ грѣхомъ. Крестъ украли. Началась порка, искали виновныхъ, перепороли почти всѣхъ рабочихъ, но виновника кражи креста съ фабрики не нашли. Вскорѣ фабрику сожгли, и работы прекратились. Украденный съ фабрики 8-ми конечный крестъ цѣлъ и находится въ церкви села Шухомони. Бывшій на фабрикѣ вмѣсто свѣтка колоколь виситъ на колокольнѣ Середской церкви, какъ вечерній (набатный) колоколь. Кромѣ креста и колокола, свидѣтелей минувшихъ дней, осталось и несомнѣнное доказательство: въ с. Середѣ жилъ мастеръ суконной фабрики, въ Середѣ же и дер. Вошнякахъ были конторы, и, какъ память объ этомъ, въ с. Середѣ и Вошнякахъ существуютъ фамиліи Мастеро-
выхъ и Конторщиковыхъ».

новыхъ пріемовъ производства, техническихъ усовершенствованій. Въ XVIII ст. всѣ новыя отрасли промышленности возникали первоначально въ видѣ крупныхъ фабрикъ, въ которыхъ иноземные мастера научали русскихъ рабочихъ. Но... фабрики эти были въ сущности только мануфактурами—работа на нихъ производилась почти исключительно руками при самомъ ничтожномъ употребленіи машинъ. При такихъ условіяхъ многія новыя производства могли съ такимъ же успѣхомъ, какъ и на фабрикахъ, исполняться самими крестьянами, въ ихъ собственныхъ избахъ. Крестьянамъ не хватало только технического знанія, и вотъ фабрики сыграли огромную роль въ развитіи крестьянской промышленности, являясь распространителями этихъ знаній, практической школой для кустарей».

Такими же школами явились и *полотняныя фабрики* конца XVIII ст. Научивъ крестьянъ тканью, эти фабрики дали толчекъ развитію ткачества тонкаго полотна на домахъ.

Уже въ концѣ XVIII и началѣ XIX в. рядомъ съ полотняными фабриками возникаетъ ткачество въ особо устроенныхъ свѣтелкахъ. «Во многихъ мѣстахъ Нерехтскаго у.—читаемъ въ рукописномъ «Описаніи Нерехтскаго у.», относящемся къ 1805 г. и хранящемся въ архивѣ И. В. Эк. Общ. ¹⁾—находятся въ селеніяхъ построенныя обывателями оныхъ ткацкія свѣтлицы, коимъ поселяне берутъ съ заводовъ пряжу и ткуть оную». По даннымъ того же источника, плесскіе полотняные фабриканты Зубаревъ и Ермолинъ отдавали «дѣлать фламекія полотна и равендуки сельскимъ жителямъ, которые въ домахъ своихъ имѣютъ собственные свои станы и тамъ оно ткуть и тканье доставляютъ на фабрики».

Данными «Трудовъ кустарной комиссіи» для цѣлаго ряда мѣстностей Костромскаго, Нерехтскаго, Кинешемскаго и Юрьеveckаго уу. установлено, что домашнее полотняное ткачество развивалось подъ непосредственнымъ вліяніемъ фабрикъ. Такъ, напр., основаніе ткачеству въ Шунгенской в., Костромскаго у., владеть устройство полотняныхъ фабрикъ Угличанинова, Стригалева и др. въ г. Костромѣ. Въ Вичугской в., Кинешемскаго у., тканье полотна и сальфетокъ развили мѣстные фабриканты. Отъ фабрикъ Кинешемскаго же уѣзда

---

¹⁾ Цитируемъ по Туганъ-Барановскому, 228—229.

получаетъ начало полотняный промыселъ Семеновской в., Юрьевецкаго у. Въ Дюнихскую в. ткань полотна и салфетокъ заносятъ петербургскіе рабочіе. Въ Новинской и Одѣлевской вв., Перехтскаго уѣзда, ткачество полотна развивается благодаря сосѣдству фабрикъ и т. д.

Главнымъ предметомъ производства какъ вотчинныхъ, такъ и посессионныхъ фабрикъ въ началѣ XIX-го вѣка были, какъ это уже указывалось выше, фламскія полотна и равендукъ. Оба эти товара выработывались преимущественно для вышлага вывоза.

**Кризисъ 20 г.
и гибель круп-
ной полотняной
промышленно-
сти.**

Обстоятельство это имѣло немаловажное значеніе въ дальнѣйшей судьбѣ льняной промышленности, такъ какъ непосредственно втягивало ее въ водоворотъ мірового товарообмѣна и тѣмъ самымъ ставило въ зависимость отъ условій міровой конкуренціи.

Между тѣмъ условія этой конкуренціи для русской промышленности складывались крайне неблагоприятно. Русская фабрика покоилась исключительно на ручномъ трудѣ. *Широкое примѣненіе механическихъ двигателей, составляющее душу современнаго фабричнаго способа производства, было чуждо фабрикѣ, основанной на принудительномъ трудѣ.* Въ техническомъ отношеніи крѣпостная фабрика, не смотря на свои каменные корпуса и ввѣшную импозантность, въ сущности была, какъ уже указывалось выше, мануфактурой, едва ушедшей впередъ по пути самаго примитивнаго раздѣленія труда. *Тѣ способы обработки матеріала, какіе примѣнялись на тогдашнихъ фабрикахъ, могли безъ ущерба примѣняться и подъ соломенной крышей простаго кустаря.* Между тѣмъ за границей, особенно въ Англіи, машинная обработка льна къ тому времени сдѣлала уже значительные успѣхи. Наряду съ этимъ—и за границей и у насъ, въ той же Костромской губ., подъ бокомъ льнообдѣлочной промышленности, начался быстрый ростъ бумажнаго ткачества и пряденія. Въ результатъ бумажныя ткани быстро дешевѣютъ и, въ качествѣ общедоступнаго по дешевизнѣ товара, получаютъ возрастающее распространеніе на міровомъ рынкѣ, успѣшно конкурируя съ льняными издѣліями, что въ свою очередь приводитъ къ паденію цѣнъ на полотно и къ замѣтному сокращенію сбыта полотняныхъ издѣлій.

По даннымъ Небольсина ¹⁾, средній годовой вывозъ изъ Россіи за границу фламскихъ и парусныхъ полотентъ и равендука составлялъ:

Годы.	Тыс. кусковъ.	Годы.	Тыс. кусковъ.
1758—1762	77	1824—1833	196
1793—1795	251	1834—1843	195
1800—1813	212	1844—1846	121
1814—1823	203	—	—

Изъ приведенныхъ данныхъ видно, что *съ начала XIX-го ст. нашъ вывозъ явно идетъ на убыль. Параллельно съ сокращеніемъ экспорта падаютъ и цѣны на льняныя издѣлія.* Особенно рѣзко упадокъ этотъ обнаруживается въ 1823 г., когда цѣна фламскаго полотна понижается съ 52 на 40 р. и на равендукъ съ 25 на 20 р. На этомъ однако паденіе цѣнъ не останавливается; непрерывно понижаясь, цѣны доходятъ въ 1843 году до 26 и 17 р. ²⁾. Тотчасъ по окончаніи Отечественной войны кусокъ равендука цѣнился въ 30 р. ³⁾. Такимъ образомъ, къ 1843 г. цѣны упали на 43%.
Такое рѣзкое паденіе цѣнъ вызвало настоящее опустошеніе въ полотняной промышленности. Производство сразу стало убыточнымъ, и цѣлый рядъ старинныхъ фабрикъ, пользовавшихся широкой извѣстностью, оказался буквально стертымъ съ лица земли. «Вслѣдствіе этого кризиса—шпигель Крживоблоцкій—пострадали всея владѣльцы полотняныхъ фабрикъ, въ особенности упали Костромскіе фабриканты» ⁴⁾.

О силѣ кризиса можно судить по тому, что изъ 11 полотняныхъ фабрикъ, бывшихъ въ Костромѣ въ 1810 г. съ общей суммой производства до 70 тыс. кусковъ и общей цѣнностью издѣлій свыше милліона рублей ассигн., къ концу 50-хъ гг. уцѣлѣла только одна

¹⁾ Стат. обзор. вѣшной торговли Россіи. Цитируемъ по Туганъ-Барановскому, 68.

²⁾ См. Крживоблоцкій, 345.

³⁾ Кн. Козловскій, 195—197.

⁴⁾ См. также статью «Фабричная ст-ка г. Костромы» (Костр. Губ. Вѣд. 1853. № 44). «Фабрикація равендуковъ и фламскихъ полотентъ—говорится въ этой статьѣ—не выдержавъ соперничества машиннаго производства въ Англіи, пала; огромный фабрики закрылись, стросеніи эти нынѣ или заняты войсками... или вовсе развалились». Крживоблоцкій совершенно правильно связывалъ гибель полотнянаго производства съ уменьшеніемъ экскорта и ростомъ заграничной конкуренціи. «Причины этой жалкой участи—писалъ онъ—есть, безъ сомнѣнія, уменьшившееся въ послѣднее время требованіе на эти издѣлія въ Англію и Америку, куда онѣ преимущественно вывозились. Теперь не только въ Англію, но уже въ самой Америкѣ выдѣлывается значительное количество подобныхъ издѣлій, вывозимыхъ прежде исключительно изъ Россіи» (стр. 345).

фабрика Колодкина съ суммой производства около 4900 кусковъ п общей цѣнностью издѣлій въ 36 тыс. руб. 1).

Не въ одной Костромѣ кризисъ цѣнъ вызвалъ такія опустошенія. Аналогична судьба другого крупнаго центра полотнянаго ткачества—с. Писцово, Нерехтскаго у. Существовавшіи здѣсь 10 полотняныхъ фабрикъ послѣ 1812 г. съ развитіемъ хлопчато-бумажныхъ издѣлій пали 2). Точно также пришла въ запустѣніе полотняная промышленность въ Кинешмѣ и ея округѣ 3). Крахъ фабричнаго производства не замедлилъ отразиться на состояніи льняной торговли. Васковъ въ уже цитированныхъ очеркахъ (Костр. Губ. Вѣд. 1872, № 25) сообщаетъ, что, когда «около 1817 г. начали размножаться хлопчато-бумажныя фабрики, а полотняныя закрываться,—торговля пряжей упала, и большая часть нерехтскихъ кунцовъ объявила себя несостоятельными». Сравнительно меньше пострадало отъ кризиса кустарное ткачество, благодаря тому, что, не неся въ которыхъ накладныхъ расходовъ по производству, кустари могли довольствоваться меньшимъ заработкомъ 4).

Теперь, оставивъ на время полотняное производство, прослѣдимъ судьбу другой важной отрасли производства, а именно: хлопчато-бумажной промышленности.

---

1) По свѣдѣніямъ Туганъ-Барановскаго (стр. 71), въ Костр. губ. въ концѣ 20-хъ гг. выдѣлялось до 70 тыс. кусковъ фламскаго полотна, а въ концѣ 40-хъ гг.—только 20 тыс. кусковъ.

2) Памятная книжка Костр. губ. на 1862 г., стр. 306.

3) Крживоблоцкій, 592.

4) Въ этомъ отношеніи весьма любопытны указанія (въ 1835 г. въ отвѣтъ на циркуляръ Министерства Финансовъ) костромскихъ кунцовъ и фабрикантовъ на причины упадка полотняныхъ фабрикъ. Главной причиной этого упадка, по ихъ мнѣнію, было «распространеніе фабричныхъ заведеній въ маломъ видѣ между крестьянами *безъ всякаго платежа и браковки выработанныхъ тамъ издѣлій*, почему издѣлія тѣхъ заведеній, хотя и далеко отстали въ качествѣ отъ таковыхъ же, вырабатываемыхъ на обширныхъ фабрикахъ, но *имѣютъ на своей сторонѣ преимущественна дешевизны*, которая увлекаетъ большую часть покупателей. Издѣлія мелочныхъ заводчиковъ по причинѣ дешевизны сходятъ съ рукъ безъ затрудненія». Туганъ-Барановскій, стр. 231. Курсивъ нашъ—Е. Д.

II.

Возникновение хлопчатобумажного производства.—Первые фабрики и их основатели.—Эволюция формъ и основныя черты въ развитіи хлопчатобумажной промышленности въ первую половину XIX-го ст.—Ростъ бумажнаго рынка.

Возникновение хлопчатобумажного производства.

Если въ текстильной промышленности XVIII-й вѣкъ характеризуется исключительнымъ развитіемъ обработки льна, въ частности полотнянаго производства, то въ XIX в. на авансцену экономической жизни силой вещей выдвигается хлопчатобумажная промышленность.

Достаточно извѣстны общія условія возникновенія и энергическаго роста бумаготкацкаго производства въ Россіи въ первую половину XIX-го вѣка. Основнымъ факторомъ этого роста явился *техническій прогрессъ бумаготряденія въ Англій, вызвавшій сильное удешевленіе пряжи и бумажныхъ матерій, что въ свою очередь способствовало быстрому расширенію рынка на эти издѣлія. Вотъ эти-то два обстоятельства: ростъ рынка на бумажныя матеріи и дешевизна бумажной пряжи и создали чрезвычайно благоприятныя условія для развитія хлопчатобумажнаго ткачества.*

Первой по времени бумажной фабрикой, основанной въ Костромской губ., была повидимому, фабрика для ручной набивки и крашенія ситцовъ, открытая въ 1798 г. въ с. Писцовѣ купцомъ Флягинымъ (впослѣдствіе эта фабрика перешла: въ 1820 г.—къ Рыскину и въ 1868 г.—къ Павлову) ¹⁾.

Къ числу первыхъ бумажныхъ фабрикъ надо отнести также фабрику т-ва м-рѣ Ивана Коновалова съ сыномъ въ с. Бонячкахъ, Кинешемскаго у., недавно справляющую столѣтній юбилей своего существованія. Основателемъ этой фабрики былъ крѣпостной помѣщика Хрущева—Петръ Кузьмичъ Коноваловъ ²⁾. Предпріятіе его, впослѣдствіе выросшее въ крупнѣйшую фабрику,

¹⁾ См. В. Пироговъ. «Очерки фабрикъ Костромской губ. Производства по обработкѣ волокнистыхъ веществъ. Матеріалы для статистики Костр. губ.» Вып. VI. Изд. Костр. Губ. Ст. Б-та. 1884, стр. 125.

²⁾ См. «Краткій Историческій Очеркъ т-ва м-рѣ Иванъ Коноваловъ съ сыномъ. 1812—1912 г.» Выкупился на волю, по преданію за 2400 р., Петръ Кузьмичъ только между 1823 и 1827 г.г. Въ 1827 г. онъ уже именовался Кинешемскимъ 2-й гильдіи купцомъ.

возникло, повидимому, въ самомъ началѣ 1800 гг.; по крайней мѣрѣ въ 1806 и 1807 гг. Коноваловъ уже раздавалъ основы (и въ довольно обширныхъ размѣрахъ) въ работу окрестнымъ крестьянамъ. Неизвѣстно, было ли его заведеніе—сновальней или же исключительно раздаточной конторой, скупавшей готовыя основы и затѣмъ раздававшей ихъ кустарямъ для тканья. «Краткій очеркъ» склоняется къ первому предположенію, т. е. что въ началѣ XIX-го вѣка при заведеніи Коновалова была своя сновальня. «Во всякомъ случаѣ—говорится тамъ (стр. 7)—къ 1812 г. сновальное заведеніе у Петра Кузьмича уже существовало, а вмѣстѣ съ нимъ и небольшое красильное заведеніе, въ которомъ производилась окраска тканн-китайки».

Затѣмъ цѣлый рядъ хлопчато-бумажныхъ заведеній возникаетъ послѣ «*французскаго*» 12 года. *Событія этого года, главнымъ образомъ, разрушь Москву, имѣли, какъ это констатируется многими источниками, крупное вліяніе на развитіе хлопчато-бумажной промышленности съ провинціи.*

Вліяніе это станетъ понятнымъ, если вспомнить что нашествіе Наполеона захватило въ свой районъ главные центры русской фабричной промышленности ¹⁾. Вся хозяйственная жизнь этихъ областей оказалось дезорганизованной; населеніе въ паникѣ бѣжало, бросивъ на произволъ судьбы имущество, торговля и промышленность замерли, и въ самой Москвѣ и по пути движенія непріятельской арміи погибло множество фабрикъ. Въ частности было разгромлено почти все подстоличное хлопчато-бумажное производство, достигшее къ тому времени довольно высокой степени развитія. Это былъ ударъ, отъ котораго Москва оправилась не скоро. Но если это было ударомъ для Москвы, то тоже обстоятельство въ сильнѣйшей степени благопріятствовало подъему и расцвѣту промышленности въ тѣхъ районахъ, въ которыхъ фабричное производство существовало и раньше, но которыхъ нашествіе Наполеона непосредственно не коснулось. Такими районами были губерніи: Владимирская, Ярославская, Костромская. *Съ разрушеніемъ Москвы весь обширный провинціальный спросъ, до того обслуживавшійся московскими*

¹⁾ Туганъ-Барановскій. «Война 1812 г. и промышленное развитіе Россіи», стр. 107—108 въ VII томѣ изданія «Отечественная война и русское общество»

и подмосковными фабриками, стали покрываться продуктами промышленности перечисленных губерний. Этот спрос на провинциальные фабрикаты еще усилился, когда Москва с уходом Наполеона начала возрождаться из пепла, а центральныя и западныя области оправляться отъ нанесенныхъ имъ войною ущербовъ. Все это дало толчекъ къ мощному расцвѣту хлопчато-бумажной промышленности въ такихъ губерніяхъ, какъ Владимирская, Костромская и пр.

Къ этому же времени относятся первыя сношенія костромскихъ фабрикантовъ съ московскимъ рынкомъ. «Въ 1812 г. зимой—разсказывается въ «Краткомъ очеркѣ» (стр. 13)—Петромъ Кузьмичемъ была совершена одна изъ первыхъ, а, можетъ быть, и дѣйствительно первая поѣздка въ Москву. Повезъ онъ туда армянскую сальфетку на одномъ возу. Въ это время столица только что стала оправляться отъ разгрома, нанесеннаго ей Наполеономъ, спросъ на всякаго рода ткани былъ огромный, и Петръ Кузьмичъ, быстро распродавъ свой товаръ по высокимъ цѣнамъ, вернулся домой съ хорошимъ барышемъ и уже на двухъ лошадахъ. Немедленно имъ была совершена другая поѣздка въ Москву съ товаромъ, имѣвшая столь же блестящій результатъ, какъ и первая».

Косвенно пожаръ Москвы содѣйствовалъ росту провинціальныхъ фабрикъ еще и тѣмъ, что разсыявъ по провинціи оставшихся безъ заработка искусныхъ московскихъ ткачей, въ которыхъ такъ нуждалась зарождавшаяся провинціальная промышленность.

«Въ 1812 году—говоритъ Пироговъ (тамъ же, стр. 8)—русскіе бѣглецы изъ подъ Москвы привезли сюда (въ Вичугскій край—Е. Д.) бумагу вмѣстѣ съ способомъ ея обработки. Сперва завелись клепальни (производившія заклеюку бумаги) съ раздачей бумажныхъ основъ на дома; суровый товаръ вывозился въ Москву и Иваново-Вознесенскъ, гдѣ имѣлись уже красильныя и набивныя фабрики. Съ 20-хъ гг. новые представители бумажныхъ издѣлій стали устраивать собственныя красильни и отдѣлочныя, затѣмъ ручныя ткацкія и наконецъ механическія».

Первыя фабрики и ихъ основатели. *Центромъ развитія бумажнаго производства въ Костромской губ. послѣ 1812 г. явился Вичугскій край. По Крживоблоцкому (стр. 338), возникновеніе бумажнаго ткачества въ Вичугскомъ районѣ шло въ такой постепенности: «Первая бумажная фабрика была устроена Ив. Ив. Миндовскимъ*

въ Старой Гольчихѣ; вслѣдъ затѣмъ возникли фабрики въ 1816 г. купцовъ Коноваловыхъ, въ 1820 г. — Клементьевой и Морокиныхъ, въ 1823 г. — Разореновыхъ, въ 1825 г. — Кочетова, Чеснокова и Кормилищныхъ около того же времени и только одного Мочалова въ 1855 г.».

Почти одновременно съ Вычугскимъ, въ 1820 г., возникаетъ бумажное производство въ другомъ крупномъ, Родниковскомъ, районѣ. Въ 1826 г. въ селѣцѣ Киселевѣ, Нерехтскаго уѣзда, открывается миткальная фабричка Осипа Аванасьевича Горбунова—въ настоящее время одна изъ крупнѣйшихъ бумажныхъ фабрикъ въ губерніи ¹⁾.

Въ противоположность вотчиннымъ и посессионнымъ полотнянымъ фабрикамъ, основатели которыхъ въ большинствѣ случаевъ были представителями родового дворянства или первостатейнаго купечества, *устроителями бумажныхъ фабрикъ являются крестьяне. «Основателями всѣхъ этихъ (бумажныхъ—Е. Д.) фабрикъ—писалъ Крживоблоцкій—за весьма небольшими исключеніями, какъ, напр., Мочаловы, были помѣщичьи крестьяне, которые, получивъ послѣдствіе свободу, приписались къ купеческимъ обществамъ». Начинали они производство обыкновенно съ небольшимъ капиталомъ, устранивая на первыхъ порахъ лишь весьма небольшія фабрички.*

Интересна генеалогія нѣкоторыхъ изъ нихъ. Родоначальникъ извѣстной въ настоящее время фабрикантской фамиліи, Млх. Григ. Красильщиковъ былъ сначала небогатымъ красильщикомъ, занимавшимся окраской миткалей и холста въ прудѣ с. Родниковъ. Первоначально все его заведеніе состояло изъ раздаточной конторы и небольшихъ, помѣщавшихся въ деревянныхъ зданіяхъ красильной и отдѣлочной. Одинъ изъ основателей Вычугскаго фабричнаго района, уже упоминавшейся Петръ Кузьмичъ Коноваловъ, какъ это указываетъ и его фамилія, былъ сначала простымъ коноваломъ ²⁾. Мельниковъ-Печерскій въ своемъ романѣ «Въ лѣсахъ» характеризуетъ его какъ «смышленнаго» «съ хорошимъ достаткомъ» человека «древняго благочестія». Учредителемъ Горбуновской фабрики въ Середѣ былъ простой крестьянинъ села Широкова, Нерехтскаго у-

¹⁾ «Г-во бумаго-ткацкой м-ры бр. Т. и А. Горбуновыхъ. Краткій историческій очеркъ 1826—1913 г.». Москва 1913 г., стр. 5.

²⁾ Широковъ, 78. Подробности о Коноваловѣ и его фабрицѣ см. ниже.

Въ начальный періодъ существованія дѣятельность его предпріятія сводилась къ производству на нѣсколькихъ ручныхъ станкахъ у себя дома средствами своей семьи и нѣсколькихъ наемныхъ людей обыкновеннаго суроваго миткаля ¹⁾. Наконецъ, Разореновы, положившіе начало ряду фабрикъ въ Тезинской вол., Кинешемскаго у., были крѣпостными князя Куракина, получившими свободу только около 1840 г. ²⁾.

И не только въ хлопчато-бумажномъ, а и въ другихъ производствахъ въ XIX в. на сцену въ качествѣ фабриканта и заводчика выдвигается крестьянинъ. Такъ, напр., писчебумажная фабрика, возникшая въ 1849 г. въ селѣ Александровскомъ, Кинешемскаго уѣзда, на р. Медозѣ, была устроена крѣпостнымъ владимірскаго помѣщика князя Голицына Ив. Распопинымъ. Одно оборудованіе этой фабрики, на которой въ концѣ 50-хъ гг. работало 130 рабочихъ, стоило около 20 тыс. руб. Основатель известной Костромской табачной фабрики Чумаковыхъ происходилъ также изъ крѣпостныхъ (изъ вольноотпущенныхъ Макарьевского уѣзда) и къ костромскому купечеству припсался въ 20-хъ гг. ³⁾.

Это былъ новый общественный слой не только по своему социальному положенію, по непосредственной связи съ крестьянствомъ, откуда вышли эти люди, но и по своему психическому облику ⁴⁾.

¹⁾ См. «Краткій историч. очеркъ т-ва м-ръ Бр. Горбуновыхъ», стр. 5.

²⁾ Полученіе этой свободы «Историко-стат. очеркъ Большой Кинешемской м-ры» (Москва, 1913 г., стр. 8) описываетъ такъ: «Около 1840 г. вотчина кв. Куракина была приобретена генераломъ Павленковымъ. При этой покупке Дм. Андр. Разореновъ оказалъ генералу денежную помощь, за что новый владѣлецъ вотчины далъ вольную всей семьѣ Разореновыхъ и около 30 дес. земли, на которой находились фабрики Герасима и Алексѣя Дмитриевича Разореновыхъ.

³⁾ См. Крживоблоцкій, 383.

⁴⁾ Особенно характерными черточками въ психическомъ складѣ этихъ новыхъ людей, черточками, отмѣчавшимися внимательными наблюдателями, были предпримчивость и заносчивость, такъ рѣзко отличавшія этихъ людей отъ традиціонно-купеческаго типа «добраго» стараго времени. Любопытна характеристика, какую даетъ этому новому слою Крживоблоцкій (стр. 195): «Купечество — писалъ онъ — раздѣляется на старинное, образовавшееся изъ мѣщанъ и крестьянъ, поселившихся въ городахъ и ведущихъ правильную торговлю уже нѣсколько поколѣній, какъ, напр., купечество Костромское и Галицкое, и на купечество, вышедшее въ продолженіе послѣднихъ 25 лѣтъ изъ крестьянъ прямо въ миллионеры, какъ, напр., вичугскіе купцы, живущіе въ селахъ и деревняхъ при своихъ фабрикахъ.... Первые торгуютъ всегда на вѣрный капиталъ, довольствуются умѣреннымъ % и ведутъ скромную жизнь.... Вторые, обязанные своимъ богатствомъ исключительно счастливому случаю и предпримчивости, чрезвычайно заносчивы и ведутъ жизнь роскошную, не обращая никакого вниманія на умственное образованіе своихъ дѣтей».

Если въ развитіи полотнянаго производства начальнoй ступенью была крупная фабрика, уже на почвѣ разложенія которой возникаетъ домашнее ткачество, то въ общемъ тѣ же черты повторяетъ и эволюція хлопчато-бумажнаго производства съ той лишь разницей, что для Костромской губ. разсадниками раздаточныхъ конторъ и домашней бумажной промышленности явились бумажныя фабрики не самой этой губерніи, а сосѣднихъ (Московской, Владимірской). Поэтому, оставаясь въ рамкахъ нашей губерніи, мы въ правѣ сказать, что *въ эволюціи формъ хлопчато-бумажнаго производства въ Костромской губ. значеніе перваго этапа принадлежитъ раздаточной конторѣ, лишь впоследствии разрастающейся въ фабрику.*

Эволюція формъ и основныя черты хлопчато-бумажной промышленности въ первую половину XIX-го ст.

Такимъ образомъ, въ случаѣ полотнянаго производства передъ нами схема развитія отъ ручной фабрики къ домашнему производству и уже отъ послѣдняго къ фабрикѣ паровой (объ этомъ см. ниже) и въ случаѣ бумажной промышленности—отъ раздаточной конторы и домашняго ткачества къ машинной индустріи.

При изученіи возникновенія и роста отдѣльныхъ хлопчато-бумажныхъ предприятий совершенно отчетливо вырисовывается и другая характерная черта, заключающаяся въ томъ, что *подъ дѣйствіе фабрики подпадаютъ сначала заключительныя и уже только послѣ нихъ начальныя фазы производства.* Какъ общее правило, вначалѣ возникаетъ раздаточная контора со сновальней, къ которой скоро присоединяется красильное и отдѣлочное отдѣленія, затѣмъ вырастаетъ ткацкая фабрика и уже въ самый позднѣйшій періодъ появляются бумаго-прядильни. И въ Писцовѣ (фабрика Флягина), и въ Вичугскомъ районѣ (фабрика Коновалова и друг.), и въ Родникахъ дѣло начинается съ крашенія и отдѣлки тканей, выработывавшихся крестьянами на домахъ изъ пряжи раздатчиковъ. Такая обратная послѣдовательность въ развитіи отдѣльныхъ стадій хлопчато-бумажнаго производства не заключаетъ въ себѣ, по мнѣнію Туганъ-Барановскаго, ничего страннаго. «Набойка по холету—говоритъ онъ (стр. 60)—была распространена у насъ задолго до начала ситцепечатанія, и переходъ къ набойкѣ по миткалю, ввозимому изъ-за Границы, не представлялъ никакихъ трудностей. Ткачество миткаля было почти совершенно незнакомо Московской Руси; но такъ какъ

ручное ткачество бумажной пряжи представляет собою операцію очень простую, которую можно свободно изучить въ нѣсколько мѣсяцевъ, то неудивительно, что по мѣрѣ развитія ситцепечатанія стало распространяться и бумаготкацкое производство. Бумагопряденіе появилось у насъ всего позже потому, что въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка ручное пряденіе было совершенно невыгодно влѣдствіе крайней дешевизны англійской машинной пряжи. Чтобы конкурировать съ англійской пряжей, нужно было изготовлять пряжу машинами... Но устройство бумаго-прядильной фабрики требовало огромныхъ затратъ капитала; прядильныя машины приходилось вывозить изъ-за границы, а это было тѣмъ затруднительнѣе, что вывозъ машинъ изъ Англии до 1842 г. былъ запрещенъ».

Въ началъ своего существованія бумажная промышленность была преимущественно мелкой; почти всѣ бумажныя фабрики представляли изъ себя, какъ уже указано, раздаточныя конторы, соединенныя съ сновальнями и красильнями. Въ самихъ заведеніяхъ производилась только разбивка бумаги на шули, заготовка основъ и затѣмъ окраска готовыхъ издѣлій. Основы для ткацкя сдавались на сторону. Тканье бумажныхъ матерій на самихъ фабричкахъ производилось лишь «въ весьма ограниченномъ числѣ» и далеко не всѣми фабрикантами (Крживоблоцкій. 339). Въ соотвѣтствіи съ этимъ и число рабочихъ, непосредственно занятыхъ въ такихъ заведеніяхъ, было не велико.

О томъ, что такое представляла собою фабрика того времени, каковы были ея размѣры и характеръ производства, можно судить по даннымъ, относящимся къ уже не разъ упоминавшейся фабрикѣ Коновалова. Въ 1827 г., для котораго въ архивѣ фабрики сохранились записи ¹⁾, въ означенномъ заведеніи работало 30 горячихъ и 18 холодныхъ красильныхъ кубовъ; большая часть основъ покупалась готовыми и раздавалась по крестьянамъ. Всего за годъ было окрашено 5200 тюней китайки (тюня = 10 отръзамъ по 9 арш.), изъ нихъ 4600 было продано въ Москвѣ, на Нижегородской и др. ярмаркахъ. Цѣна тюни китайки равнялась въ то время около 10 р.; такимъ образомъ, цѣнность производства достигала 52 тыс. руб.; въ самомъ заведеніи работало 5 мастеровъ и 30—50 рабочихъ. По сло-

¹⁾ См. «Краткій историческій очеркъ».

вамъ составителя цитируемаго очерка, въ этотъ періодъ предпріятіе Коновалова уже «было на пути къ превращенію изъ мелкаго предпріятія кустарнаго типа въ болѣе или менѣе обширное предпріятіе типа капиталистической мануфактуры» (стр. 11). Тѣмъ не менѣе по числу занятыхъ непосредственно въ заведеніи рабочихъ оно продолжало еще оставаться мелкимъ предпріятіемъ. Такой же характеръ имѣло производство и на другихъ бумажныхъ фабрикахъ того времени.

Итакъ, на изучаемой ступени развитія объединеніе производства подъ общей фабричной кровлей находится еще въ зародышѣ. Фабричные тонуть въ массу разбланныхъ по деревнямъ кустарей, и фабрикантъ является не столько организаторомъ фабричнаго производства, хозяиномъ въ современномъ значеніи этого слова, сколько торговцемъ-раздатчикомъ сырья и скрутичикомъ готовыхъ издѣлій. Зачатки концентрации бумаго-ткацкого производства складываются нѣсколько позднѣе, приблизительно со второй половины 40-хъ годовъ, и связаны съ развитіемъ русскаго бумагопряденія. Толчекъ послѣднему былъ данъ отмѣной въ 1842 г. въ Англій заперщенія вывозить бумагопрядильныя машины. Если до того времени русская пряжа была рѣдкостью и для производства пользовались преимущественно пряжей заграничнаго издѣлія, то съ этого момента ввозъ въ Россію готовой пряжи быстро сходитъ на нѣтъ, ввозъ же хлопка, а вмѣстѣ съ тѣмъ и русское бумагопряденіе быстро увеличиваются. Въ 1843 г. въ Россіи насчитывалось всего лишь 350 тыс. бумагопрядильныхъ веретенъ, тогда какъ въ 1855 г.—ихъ было уже 1 милліонъ. Такой быстрый ростъ русскаго бумагопряденія тотчасъ же отразился на цѣнѣ готовыхъ издѣлій; бумажныя ткани непрерывно дешевѣютъ, находятъ расширенный сбытъ, а въ связи съ послѣднимъ быстро развивается бумажное ткачество. «Ткачамъ во второй половинѣ 40-хъ годовъ—говоритъ составитель «Краткаго очерка»—предстояла втрое большая работа, чѣмъ въ 30-хъ годахъ; станки изъ крестьянскихъ избъ стали переноситься въ просторныя свѣтелки, въ которыхъ помещались уже 30—40 и болѣе становъ. Домашняя форма промышленности, организованная капиталистически, считалась болѣе совершенной формой производства—мануфактурой». (Курсивъ нашъ—Е. Д.).

Знакомая уже намъ фабрика П. К. Коновалова, которая вообще «нѣсколько опередила общій ходъ развитія ткацкого дѣла въ

Костромскомъ районѣ», пріобрѣтаетъ теперь иной видъ сравнительно съ 1827 годомъ. 1841 годъ, для котораго также сохранились архивныя дашныя, застаютъ на мѣстѣ прежняго мелкаго красильнаго заведенія уже цѣлую фабрику столоваго бѣлья и бумаго-красильную. На этой фабрикѣ вмѣсто прежнихъ 30—50 человекъ занято производствомъ уже 8 мастеровъ и 228 рабочихъ или вшестеро больше. Важно отмѣтить, что, помимо красильн. и сновальн., въ составѣ фабрики находятся 4 ткацкихъ мастерскихъ (одна въ Боячкахъ и три въ дер. Чекановой). Многія изъ мастерскихъ помещаются въ каменныхъ зданіяхъ. Всего на Коновалова, считая и ткачей, занятыхъ на самой фабрикѣ, работало въ 1841 г. 1695 ткацкихъ становъ.

Подобныя же ткацкія свѣтелки организуются въ 40-хъ годахъ и другими бумажными фабрикантами, при чемъ на свѣтелкахъ объединеніе хлопчато-бумажнаго производства не останавливается. Нѣсколько ниже статистическія дашныя покажутъ намъ, что къ концу 50-хъ годовъ, непосредственно передъ крестьянской реформой, бумажныя фабрики въ Костромской губ. достигали весьма значительныхъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ и даже очень крупныхъ размѣровъ.

Ростъ бумажнаго рыннка.

Расширеніе производства шло рука объ руку съ расширеніемъ рыннка для бумажныхъ издѣлій. Шагъ за шагомъ растущая бумажная промышленность завоевываетъ одинъ рынокъ за другимъ, пока, наконецъ, рынкомъ ея не становится вся Имперія и прилегающія къ ней азіатскія государства. Постепенность и послѣдовательность этого процесса можно проиллюстрировать на примѣрѣ Коноваловской фабрики 1). Въ началѣ своей дѣятельности основатель ея, Пётръ Кузьмичъ, продаетъ товаръ на ближайшихъ къ Боячкамъ ярмаркахъ и базарахъ, пзъ числа которыхъ существенную роль играла Ивановская ярмарка въ с. Парскомъ, Юрьевецкаго у., одна изъ самыхъ крупныхъ ярмарокъ Костромской губ. съ оборотомъ въ нѣсколько сотъ тысячъ рублей и Троицкая ярмарка въ с. Вичугѣ. Ыздилъ Коноваловъ также и въ Шую, гдѣ на ярмаркахъ велась оживленная торговля пряжей. Съ 1812 г., какъ уже указывалось, органи-

1) См. «Краткій Историческій очеркъ», стр. 13—15 и далѣе.

зуются связи съ Москвою, и во второй половинѣ 20-хъ гг. здѣсь открывается первый торговый складъ фирмы. Въ этотъ же періодъ организуются торговыя поѣздки на Нижегородскую и Украинскія ярмарки (на Крещенскую, Покровскую и Успенскую въ Харьковѣ, Введенскую и Сборную въ Сумахъ, Вознесенскую въ Ромнахъ, Всеѣдную въ Нѣжинѣ, Коренную въ Курскѣ и Крестовоздвиженскую въ Кролевцѣ). Въ центральной Россіи товары сбывались черезъ ярмарки Ростовскую, Холуйскую и Тамбовскую, въ нижнемъ Поволжьи и Донской области—черезъ Урюпинскую, въ среднемъ Поволжьи и Приуральи—черезъ Сибирскую. Въ началѣ 40-хъ гг. организуются и къ половинѣ 40-хъ г. приобретаютъ постоянный характеръ поѣздки на Ирбитскую ярмарку. Итакъ, въ 30-хъ и 40-хъ годахъ товары Коноваловской фабрики получаютъ почти повсемѣстное распространіе: въ центрѣ Россіи и на югѣ, въ Поволжьи и Уралѣ, въ Сибири и на Кавказѣ. Попадаютъ они также въ Среднюю Азію и Китай. Помимо того шли товары и въ Петербургъ, гдѣ имѣлся особый агентъ по сбыту салфетокъ за границу.

Вмѣстѣ съ развитіемъ дѣла, съ расширеніемъ торговыхъ связей на всю Россію измѣняется и самая торговая организація. Пока связи были не велики, П. К. ѣздитъ по ярмаркамъ самъ; затѣмъ съ ростомъ дѣла начинаетъ посылать сыновей и, наконецъ, около 30-хъ годовъ появляются особыя разъѣздныя приказчики. Наряду съ этимъ, съ упроченіемъ торговыхъ сношеній, возникаютъ постоянные торговые склады (въ Москвѣ, Харьковѣ и пр.).

Отрывочныя свѣдѣнія даютъ представленіе о размѣрахъ торговыхъ оборотовъ П. К. на отдѣльныхъ ярмаркахъ за отдѣльные годы. Обороты эти равнялись въ тыс. руб.: на Введенской ярмаркѣ въ Сумахъ въ 1841 г.—150, на Вознесенской въ Ромнахъ въ 1847 году—280, на Всеѣдной въ Нѣжинѣ въ 1840 г.—63 и 1843 г.—71, на Успенской въ Харьковѣ въ 1839 г.—50, на Урюпинской въ 1840 г.—100 и 1841 г.—80, на Нижегородской въ половинѣ 40-хъ годовъ около 280.

Общіе торговые обороты Коноваловской фабрики были достаточно внушительны. Въ 1841 г. продано было товара въ тыс. руб. на ярмаркахъ: Крещенской въ Харьковѣ на 150, Успенской тамъ же—90, Покровской тамъ же—39, Урюпинской—80, Крестовоздвиженской въ Кролевцѣ—44, а всего на перечисленныхъ ярмаркахъ

на 403 тыс. руб. Опредѣляя по даннымъ ближайшихъ къ 1841 г. лѣтъ оборотъ на Нижегородской ярмаркѣ минимумъ въ 200 тыс. руб., а на ярмаркахъ Коревой, Сборной въ Сумахъ, Холуѣ, Ромнахъ, Нѣжинѣ и пр. не ниже 200—300 тыс. руб., «Краткій очеркъ» приходитъ къ выводу, что общій годовой оборотъ фирмы составлялъ около 800—900 тыс. руб.

Расширеніе торговыхъ связей на пространство всей обширной Имперіи отражается не только на размѣрахъ производства, которое непрерывно возрастаетъ, но и на ассортиментѣ вырабатывавшихся фабрикой товаровъ, который съ теченіемъ времени становится все болѣе и болѣе разнообразнымъ.

Пока фабрика работала на ближайшіе рынки, ею вырабатывался почти исключительно одинъ сортъ товара—китайка. Но по мѣрѣ того, какъ производство становилось массовымъ и торговыя связи расширялись, приспособленіе выработки къ экономическимъ, племеннымъ и культурно-бытовымъ особенностямъ того чрезвычайно пестраго конгломерата, какой представлялъ изъ себя общерусскій рынокъ, являлось необходимымъ условіемъ продукціи en masse. Въ одну китайку нарядить всю обширную разнохарактерную и разноплеменную Русь оказалось невозможнымъ; тогда рядомъ съ китайкой появляются другіе товары: миткаль, даба, бязь и т. д.

Въ 1841 г. на фабрикѣ Коновалова было выработано:

	Тыс. арш.	На тыс. р. сер.	Число становъ, на которыхъ работался данный сортъ.
Китайки	1485	140,3	1100
Миткаля	605	49,5	400
Коленкора	45	9	50
Напки	54	7,2	80
Канифаса	30	3,7	30
Скатертей и салфетокъ	?	8	35
Итого	—	217,7	1695

Отсюда видно, что въ 40-хъ гг. китайка по цѣнности составляла уже только $\frac{2}{3}$ всего производства.

Еще болѣшія измѣненія въ составѣ выработки находимъ въ концѣ 50-хъ гг. По свѣдѣніямъ Курживоблоцкаго, въ 1858 г. на

фабрикъ Коновалова отдѣльно и на 16 наиболѣе крупныхъ фабрикахъ Кинешемскаго у. было выработано:

	На сумму тыс. руб.		Тоже въ % къ итогу.	
	Ф-ка Коновалова.	16 фабр.	Ф-ка Коновалова.	16 фабр.
Бязи широк. 9 верш.	28	148	5	6
» узкая 4-7 »	35	535,5	6	19
Дабы	235,5	650,5	41	24
Китайки	120	478,5	21	18
Миткаля	82,5	318,6	15	12
Ситцу	?	121,8	?	5
Нанка	16,6	100,4	3	4
Зона	6,8	6,8	1	}
Канифасу	?	21,6		
Прочихъ и уплачено за набивку друг. фабрикамъ	48	303,3	} 9	} 12
Итого	569,4	268,5		

Китайка, занимавшая прежде въ производствѣ господствующее положеніе, отошла на второй планъ. На фабрику Коновалова ея было выработано въ 1841 г.—1485 тыс. арш., а въ 1858 г.—уже только 1080 тыс. арш. (на 27% меньше). Мѣсто китайки заняли даба, миткаль, бязь. Тоже произошло и на остальныхъ фабрикахъ.

Сбывались издѣлія: китайка, главнымъ образомъ, внутри Россіи и на Нижегородской и Ростовской ярмаркахъ; миткаль и нанка—на тѣхъ же и на Урюпинской ярмаркахъ. На послѣднихъ же ярмаркахъ сбывались и бязь широкая, особенно въ большомъ количествѣ шедшая въ Крымъ. Рынкомъ для бязи узкой служили: Ирбитская ярмарка, Сибирь, Киргизскія степи, Оренбургская и Уральская линіи; много ея шло также на Донъ. Наконецъ, даба отправлялась преимущественно въ Сибирь.

Говоря о полотняной промышленности Костромской губ. конца XVIII и начала XIX ст., мы подчеркивали, что она работала, главнымъ образомъ, на внѣшній заграничный рынокъ. Изъ сказаннаго выше видно, что хлопчатобумажная промышленность въ отличіе отъ полотняной въ своемъ развитіи опиралась исключительно на внутренній рынокъ. Въ этомъ была не только ея особенность, но и залогъ ея дальнѣйшаго роста.

III.

Фабричная промышленность въ канунъ крестьянской реформы.— Бумаготкацкое производство.— Число бумажныхъ ткачей на сторонѣ.— Льняная промышленность.— Упадокъ домашняго льно-ткачества.— Возрожденіе льняной промышленности.

Для характеристики положенія, въ какомъ посредственно передъ крестьянской реформой находилась фабричная промышленность обратимся къ статистическимъ даннымъ. Данные эти имѣются у насъ за годы 1847, 1858 и 1861 ¹⁾).

По Костромской губерніи числилось:

	1847	1858	1861
Заведеній	82	553	650
Съ суммой пр-ва въ тыс. руб. . .	2934	7195	7473

Приведенныя данныя въ сущности мало между собой сравнимы, такъ какъ за 1847 г. не включаютъ въ себя заводы дегтярные, смолокурные, маслобойные, кирпичные, шивоваренные, винокуренные, клеевые. Выключая эти заведенія изъ итоговъ 1858 и 1861 гг., получимъ уже болѣе сравнимые результаты:

	1847	1858	1861
Заведеній	82	181	239
Съ суммой пр-ва	2934	6577	6889

Однако прежде, чѣмъ дѣлать изъ приведенныхъ данныхъ какіе-либо выводы, необходимо указать, что весьма имъ свойственнъ коренной недостатокъ и всей послѣдующей (вплоть до настоящаго времени) оффиціальной статистики, а именно: смѣшеніе въ одну кучу имѣеть съ несомнѣнными фабриками совершенно мелкія заведенія кустарнаго и ремесленнаго типа.

Въ видѣ примѣра укажемъ, что въ данныя 1858 г. включены 2 канатныхъ завода съ общимъ числомъ рабочихъ въ 6 челов., 2 мыловаренныхъ съ 4 раб., 16 клеевыхъ съ 36 раб., 10 солодовенныхъ съ 16 раб., 1 укусный съ 1 раб., 10 суриковыхъ съ 10 раб. и т. д. Подобныя же заведенія встрѣчаются въ данныхъ 1847 и 1861 гг. Несомнѣнно, все это мелкія заведенія, вничего общаго съ фабрикой не имѣющія.

¹⁾ Свѣдѣнія взяты за 1847 и 1858 гг. у Крживоблоцкаго и за 1861 г. — изъ «Памятной Книжки».

Само собою разумѣется, что, если только мы хотимъ, чтобы используемые нами свѣдѣнія хоть сколько нибудь отвѣчали дѣйствительности, всѣ мелкія заведенія, вродѣ вышеуказанныхъ, должны быть изъ итоговъ исключены. Условно такими заведеніями мы считали всѣ предиріятія съ числомъ рабочихъ менѣе 10. Почти всѣ подобныя предиріятія были выброшены изъ итоговъ, при чемъ производства завѣдомо мелкаго типа исключались цѣликомъ, въ остальныхъ же случаяхъ приходилось пользоваться матеріаломъ описаній отдѣльныхъ наиболѣе крупныхъ заведеній и, сопоставляя ихъ съ итогами, рѣшать въ каждомъ случаѣ, съ крупнымъ или мелкимъ производствомъ мы имѣемъ дѣло. Такъ было, напр., съ данными за 1858 г. Не всегда, разумѣется, удавалось указанную очистку итоговъ отъ мелкихъ заведеній произвести съ надлежащею полнотою. Напр., оказалось невозможнымъ выключить мелкія заведенія изъ производствъ: табачнаго, кожевеннаго и свѣчно-сальнаго за 1847 и 1861 гг. (которыя поэтому-то и взяты въ нижеслѣдующей таблицѣ подъ черту). Продолжаютъ возбуждать сомнѣнія и нѣкоторыя другія цифры: напр., числа красильныхъ и отдѣлочныхъ заведеній. Въ 1858 году было всего лишь 3 красильныхъ заведеній, а въ 1861 г. ихъ числилось уже 27. Такое быстрое увеличеніе числа заведеній на протяженіи какихъ-нибудь 2—3 лѣтъ представляется, разумѣется, сомнительнымъ. Всего вѣроятнѣе предположить, что это увеличеніе—результатъ болѣе точной регистраціи заведеній въ 1861 г.

Въ данныхъ за 1858 г. къ числу фабричныхъ рабочихъ оказались присчитанными также и домашніе рабочіе. Всѣхъ такихъ рабочихъ мы также исключили изъ соответствующихъ итоговъ. Къ сожалѣнію, сумму производства, показанную общимъ итогомъ для фабричныхъ и домашнихъ рабочихъ, исправить не удалось.

Въ исправленномъ видѣ данныя за 1847, 1858 и 1861 гг. помѣщены въ слѣдующей таблицѣ (см. слѣд. стр.).

Изъ этой таблицы видно, что *общее число заведеній* (если взять всѣ производства кромѣ винокуреннаго, табачнаго, кожевеннаго и свѣчно-сальнаго) *съ конца 40-хъ и. къ началу 60-хъ удвоилось-утроилось, а производительность ихъ выросла съ 2½ милл. руб. почти до 6 милл.* Увеличеніе числа заведеній относится почти исключительно къ двумъ промысламъ: бумаго-ткацкому и красильно-отдѣлочному.

Производства.	Число заведений.			Число рабочихъ.		Сумма пр-ва въ тыс. руб.		
	1847	1858	1861	1858	1861	1847	1858	1861
Бумаго-ткацкое	16	44	43	6390	4186	2232	3160	3285
Красильное и отдѣлочное	—	3	27	173	302	—	383	195
Полотняное, сальфеточное, пеньковое	8	6	6	632	294	188	362	260
Льноприготовительное и льнопрядильное	—	4	2	1320	1526	—	712	1073
Писчебумажное	1	2	5	357	532	22	53	78
Лѣсопильное	—	—	6	—	68	—	—	5
Обработка металловъ	4	5	5	1094	666	26	701	439
Химическое	1	3	3	203	225	?	328	277
Мѣховое	1	2	3	80	91	?	150	153
Перчаточное	—	1	1	34	34	—	94	59
Замшевое	—	1	—	65	—	—	98	—
Всего	31	71	101	10348	7924	2468	6041	5824
Табачное	?	1	1	41	31	?	56	57
Кожевенное	?	8	?	197	?	?	240	?
Свѣчносальное	?	1	—	14	—	?	48	—
Винокуренное	?	18	21	499	554	?	410	344
Итого	—	99	—	11099	—	—	6795	—

Въ среднемъ на 1 заведеніе приходилось суммы производства (въ тыс. руб.): въ 1847 г.—около 80, а въ 1858 г.—около 85 и 1861 г.—58. Среднее число рабочихъ на 1 заведеніе составляло въ 1858 г.—146 и 1861 г.—78 чел. Изъ сопоставленія этихъ цифръ слѣдовалъ бы выводъ, что непосредственно передъ реформой число мелкихъ заведеній стало увеличиваться. Однако мы не увѣрены, что это такъ и было въ дѣйствительности. Возможно, что просто регистрація заведеній въ 1858 г. была болѣе точной сравнительно съ 1861 г.

Необходимо отмѣтить другое явленіе, вскрываемое таблицей, а именно: относительный упадокъ хлопчато-бумажнаго производства. Въ 1847 г. цѣнность бумажныхъ издѣлій составляла не менѣе 75% валовой цѣнности, а въ 1858 и 1861 гг. уже только немногимъ болѣе 50%. Объясняется это тѣмъ, что за тотъ же періодъ сильно выросли другія производства (гл. обр., обработка льна и металловъ).

Пользуясь данными 1858 г., можно нарисовать болѣе детальную картину положенія фабричной промышленности въ концѣ 50-хъ гг. Всего въ Костромской губ. было 99 заведеній съ 11 тыс. раб. и 6,2 милл. руб. суммы производства. *Значеніе фабричной промышленности въ общей экономикѣ Костромской губ. того времени высклается сопоставленіемъ съ производительностью сельскаго хозяйства. По свѣдѣніямъ Крживоблоцкаго (стр. 386), цѣнность годового сбора зерновыхъ хлѣбовъ во всей губерніи достигали 9 милл. руб., т. е. лишь на 2,2 милл. руб. превышала производительность фабричной промышленности ¹⁾.*

На 1 заведеніе въ среднемъ приходилось 112 рабочихъ и 68 тыс. руб. суммы производства.

Распредѣленіе промышленности по главнымъ производствамъ показано ниже:

	Число заведеній.	Число рабочихъ.	Сумма производ. въ тыс. руб.
Обработка волокнистыхъ веществъ .	57 (58%)	8515 (77%)	4617 (68%)
» животныхъ продуктовъ .	13 (13%)	390 (3%)	630 (9%)
» металловъ . .	5 (5%)	1094 (10%)	701 (10%)
Остальные производства .	24 (24%)	1100 (10%)	847 (13%)
Всего	99 (100%)	11909 (100%)	6795 (100%)

Отсюда видно, что текстильная промышленность занимала доминирующее положеніе. Въ этой послѣдней главное мѣсто принадлежало бумаго-ткацкимъ фабрикамъ, которыхъ насчитывалось 44 съ 6390 раб. и 3160 тыс. руб. производства. Въ среднемъ на 1 заведеніе приходилось рабочихъ: въ текстильной промышленности 149 (отдѣльно на бумаго-ткацкихъ фабрикахъ 145), въ металлической 219 (крупный заводъ Шипова), въ обработкѣ животныхъ продуктовъ 30 и въ остальныхъ производствахъ 46. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, въ сущности говоря, фабрично-заводская промышленность того времени, особенно если мѣрять ее нынѣшнимъ масштабамъ, далеко еще не утратила черты сравнительно не крупнаго производства.

¹⁾ и работающихъ на фабрикахъ кустарей, ибо въ сумму фабричнаго производства включена также цѣнность издѣлій, выработанныхъ рабочими на сторонѣ.

Фабрики уже и тогда концентрировались, главным образом, въ юго-западныхъ уездахъ губерній и преимущественно въ сельскихъ мѣстностяхъ. Изъ общей суммы производства всѣхъ фабричныхъ заведеній въ 1858 г., включая и мелкія заведенія, исчисляемой примѣрно въ 7,2 милл. руб. только 2,5 милл. или 35% приходилось на города. Остальные 65% падали на уѣзды. Въ уѣздахъ Костромскомъ, Нерехтскомъ и Кинешемскомъ сумма производства составила 6,2 милл. руб. или 85%, въ томъ числѣ въ одномъ Кинешемскомъ у. 3,2 милл. руб. или 48%.

Послѣ этихъ предварительныхъ общихъ заключеній перейдемъ къ описанію отдѣльныхъ производствъ, начиная съ хлопчатобумажнаго.

Бумаго-ткацкое производство. Матеріаломъ для характеристики бумаго-ткацкой промышленности могутъ служить подробныя свѣдѣнія, собранныя Крживоблоцкимъ, о 16 главнѣйшихъ бумажныхъ фабрикахъ Кинешемскаго у. Всего въ Кинешемскомъ у. было 19 миткальныхъ фабрикъ. Такимъ образомъ, свѣдѣнія Крживоблоцкаго относятся почти ко всѣмъ Кинешемскимъ фабрикамъ ¹⁾. На этихъ 16 фабрикахъ было всего занято, не считая рабочихъ на сторонѣ, 67 мастеровъ, 2295 рабочихъ и 1610 подростковъ-шнульниковъ, всего до 4 тыс. чел. Въ среднемъ на 1 заведеніе приходилось 248 раб. Отсюда видно, что *фабрики Кинешемскаго у. значительно превосходили по размѣрамъ бумажныя фабрики остальныхъ районовъ. Отдѣльныя фабрики достигали весьма крупныхъ размѣровъ.* Напр., на фабрику А. Коновалова въ Вонячкахъ работало около 900 чел., на фабрику Ив. Копвалова около 700 чел. и т. д. Помимо того значительное число рабочихъ работало на домахъ. Всего получало работу на домъ съ указанныхъ 16 фабрикъ 8400 семей или 525 въ среднемъ на 1 фабрику. На фабрику А. Коновалова работало 2100 семей, на фабрику Ив. Коновалова 1200, на Нат. Разорену (фабрика въ Тезинѣ и Вичугѣ) 960 и т. д. Годичное потребленіе бумаги на всѣхъ фабрикахъ составляло до 140 тыс. пудовъ (по 8,8 тыс. пуд. въ среднемъ на каждую фабрику).

¹⁾ Отсутствовали у Крживоблоцкаго свѣдѣнія по фабрикамъ: Дм. Мочалова въ Новой Гольчихѣ, Ав. Чеснокова въ д. Матѣево и Ив. и Макс. Кормилицыныхъ въ д. Цестовкѣ.

Сумма производства всѣхъ 16 фабрикъ, по свѣдѣніямъ Крживоблоцкаго, равнялась 2685 тыс. руб. Намъ эта цифра представляется маловѣроятной. По даннымъ самого Крживоблоцкаго, на тѣхъ же 16 фабрикахъ расходъ на сырые и вспомогательные матеріалы и на заработную плату рабочимъ достигалъ 2733 тыс. руб. сер. или на 58 тыс. руб. превышалъ имъ же указанную сумму производства. Между тѣмъ расходъ исчисленъ далеко не полностью, напр., не сосчитанъ расходъ на ремонтъ и погашеніе капитала, завязаннаго въ машинахъ и строеніяхъ (Крживоблоцкій исчисляетъ этотъ расходъ въ 40 тыс. р. или въ 10% отъ 400 тыс. р.). Но несомнѣнно, что сумма производства (если, конечно, подъ ней разумѣть цѣнность выработанныхъ за годъ товаровъ, а не нѣчто иное) не можетъ быть менѣе издержекъ производства. Такимъ обр., очевидно, въ данный Крживоблоцкаго вкралась ошибка. На это наводитъ также и то, что въ другомъ мѣстѣ Крживоблоцкій оцѣниваетъ сумму производства тѣхъ же 16 фабрикъ уже въ 4045 тыс. руб. Но и на послѣдней цифрѣ едва ли можно остановиться, такъ какъ далѣе тотъ же авторъ сумму производства *всѣхъ* бумажныхъ фабрикъ губерніи опредѣляетъ въ 3550 тыс. руб. Послѣдняя цифра является вообще наиболѣе правдоподобной (сумма производства за 1861 г. близка къ ней, 3480 тыс. руб.). Но тогда какую цифру производительности принять для упомянутыхъ 16 фабрикъ Кивенемскаго уѣзда. Мы лично склоняемся къ цифрѣ близкой къ 3,2 милл. руб., пбо едва ли въ тѣ времена норма прибавочной стоимости была менѣе 100%. При такой же нормѣ и издержкахъ производства въ 2773 тыс. руб. (въ томъ числѣ на заработную плату 418 тыс. руб.) цѣнность производства опредѣляется въ 3191 тыс. руб.

Рядомъ съ цѣнностью производства любопытно сопоставить торговые обороты. *Годовой оборотъ 16 Кивенемскихъ фабрикантовъ составлялъ 5355 тыс. руб., т. е. болѣе чѣмъ въ 1½ раза превышалъ цѣнность товаровъ собственной выработки. Фактъ этотъ чрезвычайно любопытенъ, такъ какъ показываетъ, что чисто коммерческая сторона занимала весьма видное мѣсто въ дѣятельности бумажныхъ фабрикантовъ.* Описывая торговую дѣятельность основателя Коноваловской фабрики, «Краткій очеркъ» (стр. 18) подчеркиваетъ, что закупка имъ на костромскихъ и владимірскихъ ярмаркахъ холстовъ, равендуковъ, фламскаго полотна и салфетокъ велась «въ самыхъ широкихъ раз-

мѣрахъ», такъ что торговли этими товарами составляла до 75% всего торговаго оборота.

Выше, въ самомъ началѣ нашего очерка, мы отмѣтили важную роль предварительной циркуляціи торговаго капитала, какъ условія возникновенія фабричнаго производства. Но теперь для насъ должно быть также яснымъ, что этимъ связь между собственно-торговыми операціями и фабричнымъ производствомъ не ограничивается. Торговый капиталъ не только стоитъ у колыбели ф-ки, онъ сопутствуетъ ей и въ ея дѣтскіе годы. Изъ исторіи бумажной промышленности Костромской губ. видно, что въ первый десятилѣтія существованія ф-ки торговая дѣятельность въ формѣ скупки и перепродажи кустарныхъ издѣлій самымъ тѣснымъ неотдѣлимымъ образомъ переплетается съ собственно фабричною дѣятельностью, сопутствуетъ, обволакиваетъ ее. На первыхъ порахъ трудно сказать, гдѣ кончается торговецъ и начинается фабрикантъ. *Переходъ отъ скупки къ обособленной фабричной дѣятельности, строгое раздѣленіе труда между торговымъ и промышленнымъ капиталами имѣетъ мѣсто уже значительно позднѣе, характеризуя болѣе развитыя фазы эволюціи.* Мы видимъ, что еще въ канунъ реформы скупка играетъ весьма крупную роль въ операціяхъ даже наиболѣе передовыхъ фабрикантовъ. Важно отмѣтить также, что она направляется преимущественно на произведенія льняного ткачества и что, слѣдовательно, полное отдѣленіе бумажной промышленности отъ льняной, столь характерное для настоящаго времени, въ тѣ времена отсутствовало.

Все, что говорилось до сихъ поръ относится преимущественно къ промышленности Кинешемскаго у. О бумажныхъ ф-хъ другихъ районовъ свѣдѣній у насъ не имѣется, исключая ситценабивную ф-ку Рыскина въ Писцовѣ, о которой, со словъ Васькова, извѣстно, что въ ней работало 330 рабочихъ, при чемъ годичная выработка достигала 40 тыс. кусковъ на сумму 300 тыс. руб.

Говоря о хлопчатобумажной промышленности въ канунъ реформы, умѣстно спросить, насколько къ этому времени еще сохранилось домашнее бумажное ткачество?

Къ концу 50-хъ гг. домашнее бумажное ткачество уже настолько распространилось, что, по словамъ Крживоблоцкаго (стр. 200), въ фабричныхъ районахъ Кинешемскаго, Нерехтскаго и

Юрьевецкаго уу. «въ каждомъ почти домѣ можно было найти нѣсколько станковъ, на которыхъ женщины, а иногда и мужчины, ткали китайки, миткали, нанки, пестряди, синія и красныя, называемыя александрійскими, салфетки, холсты и пр.». Широкое развитіе бумажнаго ткачества на домахъ подтверждаетъ и «Памятная Книжка на 1862 г.» (стр. 364), указывающая между прочимъ, что въ Нерехтскомъ и Кинешемскомъ уу. крестьяне получали въ работу основы не только съ фабрикъ этихъ уѣздовъ (съ 19 въ Кинешемскомъ и 17 въ Нерехтскомъ), но частью также съ миткалевыхъ и ситцевыхъ ф-къ Иванова-Вознесенска (тогда с. Иванова) ¹⁾.

Попытаемся опредѣлить число домашнихъ бумаготкачей. Крживоблоцкій (на стр. 339 своей работы) опредѣляетъ число фабричныхъ рабочихъ въ хлопчато-бумажномъ производствѣ всей губерніи въ 6600 чел., а число всѣхъ хлопчато-бумажныхъ рабочихъ, включая и домашнихъ ткачей, въ 20238. Отсюда число домашнихъ рабочихъ = 20238 — 6600 = 13638. Однако число это надо считать явно преуменьшеннымъ, такъ какъ въ него не вошли всѣ домашніе ткачи, работавшіе на мелкихъ и среднихъ раздатчиковъ — не фабрикантовъ. Что число послѣднихъ было весьма значительно, видно изъ того, что, по свѣдѣніямъ Васькова, добытыхъ, отмѣтимъ кстати, при сплошномъ объѣздѣ всѣхъ селеній, въ одномъ Нерехтскомъ у. въ 1857 г. оказалось 20044 стана, занятыхъ выработкой миткаля (см. Костр. Губ. Вѣд. 1872. № 10).

Болѣе вѣроятную цифру дастъ поэтому способъ исчисления количества кустарей инымъ путемъ: исходя изъ валовой суммы производства всѣхъ ткачей и средней годовой производительности одного ткача. Все количество выработывавшихся въ губерніи бумажныхъ издѣлій, (включая сюда выработку и мелкихъ предпринимателей) оцѣнивается Крживоблоцкимъ приблизительно цифрою въ 7 милл. руб. Часть этой суммы должна быть отнесена на счетъ фабричнаго производства. Всего на фабрикахъ губерніи выдѣлывалось бумажныхъ издѣлій примѣрно на 3½ милл. руб., включая сюда и цѣнность издѣлій, выработывавшихся связанными съ фабрикой 13638 домашними рабочими. Несомнѣнно, что производи-

---

¹⁾ Раздавалась работа изъ Иванова черезъ комисіонеровъ или черезъ особыя конторы. Между прочимъ, три такихъ конторы находились въ Плесѣ.

тельность труда фабричнаго рабочаго въ тѣ времена почти не отличалось отъ таковой же домашняго рабочаго. Поэтому, если производительность 20 тыс. раб. опредѣлялась въ 3½ милл. руб., то, не дѣлая грубой ошибки, можно принять, что сумма производства въ 7 милл. руб. отвѣчаетъ производительности удвоеннаго количества рабочихъ (40 тыс.). Выбрасывая отсюда 6600 фабричныхъ рабочихъ, получимъ *вѣроятное число бумажныхъ ткачей на сторону около 33—34 тыс.* Сопоставляя число это съ числомъ фабричныхъ рабочихъ, мы увидимъ, что *въ среднемъ на одного рабочаго, занятаго на фабрикѣ, приходилось 5 рабочихъ на сторону.* Такимъ образомъ, *лишь шестая часть всѣхъ бумажныхъ рабочихъ была объединена фабрикой.*

Льняная промышленность. Мы оставили льняную промышленность въ періодъ ея гибели подъ вліяніемъ заграничной конкуренціи. Полотняное производство захирѣло и къ концу изучаемой эпохи было представлено немногими фабриками, влачившими довольно жалкое существованіе.

Полотняныхъ и салфеточныхъ фабрикъ было:

	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Сумма производства въ тыс. руб.
въ 1847	7	?	173
» 1858	6	632	362
» 1861	6	294	260

Старѣйшей фабрикой, уцѣлѣвшей отъ разгрома 20-хъ гг., была полотняная фабрика Колодкина въ Костромѣ. Въ 1828 г. въ с. Святотомѣ, Костромскаго у., возникла «въ весьма незначительныхъ размѣрахъ» полотняная фабрика Попова. На этой фабрикѣ, по сообщенію Кржпивоблоцкаго, былъ только одинъ котелъ и полотно выдѣлывалось низкихъ сортовъ. До 1847 г. существовала также полотняная фабрика Дурыгина, въ этомъ году сгорѣвшая и болѣе невозобновлявшаяся. Въ 1847 г. Поповъ выработалъ издѣлій на 41 тыс. руб. Въ 1852 г. у Колодкина и Попова вмѣстѣ работало, считая и рабочихъ на сторонѣ, всего 680 чел. (въ томъ числѣ у Попова 500) и сумма производства достигала у обоихъ вмѣстѣ 65 тыс. руб. сер.

Вырабатывались, главнымъ образомъ, равендукъ и фламское полотно. Въ 1858 г. было выработано:

	Число			р-хъ на: ф-кѣ стор.
	фламск. на тыс.	равенд. руб.	коломен.	
фабрика Колодкина	10	26	—	61 ?
фабрика Попова . .	22 ¹ / ₂	27	2	48 300 ¹⁾

Еще болѣе мелкой была салфеточная фабрика генеральши фонъ-Менгенъ въ с. Никольскомъ. Рабочихъ на ней было всего 51 чел. и товара вырабатывалось всего лишь на 9,1 тыс. руб.²⁾

Перечисленными заведениями почти и исчерпывалась фабричная льноткацкая промышленность. Но наряду съ фабриками существовало ткачество на домахъ. Вообще извѣстно, что въ концѣ 50-хъ гг. домашнее льняное ткачество, частью насаженное фабриками, частью выросшее изъ исконнаго семейнаго промысла (тканье новинъ) было развито довольно широко. Можно назвать рядъ районовъ и центровъ съ развитой выработкой льняныхъ издѣлій. Сюда должны быть отнесены, между прочимъ, Плесь и Арменки (выработка рубашечнаго холста и салфетокъ, извѣстныхъ подъ именемъ «арменки»), Кинешма (средоточіе ткачества столоваго бѣлья, поло-

¹⁾ Всѣ эти 300 становъ работали въ окрестностяхъ с. Святого въ 35 окружныхъ селеніяхъ. На фабрику Колодкина также работало много ткачей на домахъ, сколько—неизвѣстно.

²⁾ По словамъ Крживоблоцкаго (стр. 348 и слѣд.), фабрика эта считалась «совершеннѣйшей въ своемъ родѣ по отдѣлкѣ, прочности и отличной чистотѣ издѣлія», при чемъ, не смотря на то, что «всѣ мастерские были изъ русскихъ и преимущественно крѣпкими людьми владѣльца, и ни одинъ изъ нихъ не былъ отдаваемъ въ ученіе и никогда не имѣлось при фабрикѣ ни иностранныхъ, ни русскихъ постовонныхъ мастеровъ», на фабрикѣ этой были ткачи, «отличавшіеся необыкновеннымъ искусствомъ и способностями».

Исторія этой фабрики такова. Сначала на фабрикѣ работали исключительно дуженныя салфетки изъ домашней пряжи и, гл. обр., для собственнаго употребленія. На сторону (въ Москву) продавались только остатки. Съ 1827 г. производство прекращается и возобновляется снова въ 1830 г. (на 3 станахъ). Въ 1857 г. уже работало 27 становъ съ деревянными и чугунными машинами Млоккарда. «Высокій сортъ пряжи, отличный выборъ узоровъ и превосходная отдѣлка товара обратили вниманіе купцовъ на произведенія фабрики, вслѣдствіе чего еще въ 1832 г. съ голландскимъ купеческимъ домомъ Смелтъ Энгбертъ и К^о въ Петербургѣ было заключено условіе доставлять ему товаръ, который ежегодно и доставлялся до 1855 г.». Съ 1856 г. товаръ сталъ сбываться въ Ригѣ, Петербургѣ, Москвѣ, на Нижегородской ярмаркѣ. Вырабатывались на фабрикѣ камчатныя и столовыя скатерти, десертныя салфетки и полотенца. Тѣ же издѣлія вырабатывались и на нѣкоторыхъ бумажныхъ фабрикахъ (напр. Коновалова, Миндоискаго). Впрочемъ, здѣсь занимались этимъ только между прочимъ, такъ какъ главное ихъ дѣло было бумажное, и Крживоблоцкій долженъ былъ констатировать, что и «на фабричной ногѣ» производство камчатнаго бѣлья уменьшается «со дня на день».

тевь и новинъ), Вичуга (камчатное и салфеточное производство), Рѣшма (выработка полотна) и т. д. По свидѣтельству «Памятной книжки» (стр. 290, 303—305, 307—315), значительное количество льняной пряжи, холста, полотна, камчатныхъ и салфеточныхъ издѣлій продавалось на базарахъ и ярмаркахъ въ Юрьевцѣ, Вичугѣ, Арменкахъ, Сидоровскомъ, Яковлевскомъ, Нерехтѣ, Лухѣ, Плесѣ, Красномъ и т. д. Особенно крупное значеніе въ торгѣ льняными издѣліями принадлежало Кинешмѣ, куда на Крестовоздвиженскую ярмарку, въ такъ называемой «Новинный боръ», стекалась масса крестьянъ для продажи наработанныхъ за годъ новинъ и широкихъ полотень (Крживоблоцкій, 594).

Судя по всеѣмъ этимъ даннымъ, домашнее ткачество льняныхъ издѣлій на фабрики и на продажѣ было развито довольно значительно, особенно если имѣть въ виду не одно ткачество широкихъ полотень, но также и чрезвычайно распространенное ткачество новинъ. Въ Нерехтскомъ у., наприм., по свидѣтельству Васькова, станки для тканья новинъ имѣлись почти въ каждомъ домѣ.

Однако о размѣрахъ льноткачества можно лишь гадать, такъ какъ свѣдѣній объ общемъ числѣ домашнихъ льноткачей не имѣется; нельзя это число опредѣлить и по способу, принятому нами при подсчетѣ бумажныхъ ткачей, за отсутствіемъ сколько-нибудь надежныхъ для этого данныхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что домашнее ткачество широкихъ полотень и салфетокъ въ описываемый періодъ было распространено значительно меньше домашнего бумажного ткачества. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно поучительны данныя Васькова по Нерехтскому уѣзду¹⁾, опредѣлявшія число становъ, занимавшихся въ 1857 г. точекъ полотна и салфетокъ, въ 2490, тогда какъ бумаготкацкихъ становъ на домахъ работало въ томъ же уѣздѣ свыше 20 тыс. Такъ, образомъ, въ Нерехтскомъ у. ткачество широкихъ полотень было въ 8 разъ меньше развито по сравненію съ ткачествомъ бумажнымъ.

Полотняные торговцы, опрошенные Крживоблоцкимъ, оцѣнивали все производство въ губерніи холстовъ и новинъ: одни въ аршинахъ—въ 8 милл. арп., другіе въ рубляхъ—въ 5—6 милл. руб. Для сравненія отмѣтимъ, что на полотняныхъ и салфеточныхъ фабри-

¹⁾ См. Костр. Губ. Вѣд. 1872 г. № 10.

какъ выработывалось издѣлій всего лишь на 362 тыс. руб. Другими словами, домашнее производство льняныхъ тканей разъ въ 15—16 превысило по стоимости производство фабричн. Отсюда слѣдуетъ, что и въ льняной промышленности фабричное производство отступило далеко на задній планъ сравнительно съ домашнимъ.

Въ описываемое нами время домашняя льняная промышленность переживала явный упадокъ, что согласно удостовѣряютъ какъ Крживоблоцкій, такъ льноткачества. и Васьковъ ¹⁾. «Въ прежнее время — писалъ первый изъ нихъ — Кинешма славилась какъ огромностью, такъ и качествомъ своихъ новинъ, между тѣмъ теперь кинешемскія полотна перестаютъ являться на базарахъ и въ самой Кинешмѣ, гдѣ можно встрѣтить только незначительное количество этихъ тканей, хотя и очень тонкихъ, но все уже не такъ прочныхъ. На Крестовоздвиженской ярмаркѣ въ г. Кинешмѣ за 20 и 25 л. назадъ продавалось разныхъ полотняныхъ издѣлій обыкновенно на 100 тыс. руб. серебр., а нынче едва на 20 тыс. руб. (курсивъ нашъ—Е. Д.). «Равнымъ образомъ, продолжалъ тотъ же авторъ — и такъ назыв. рѣшемскія полотна, отличающіяся отъ кинешемскихъ большею шириною и меньшею тонкостью, уже не выдѣлываются въ самой Рѣшмѣ, а въ деревняхъ въ округѣ этого села, въ разстояніи 20 или 30 верстъ, и стали также гораздо хуже, нежели прежде».

И не только съ мѣстныхъ рынковъ въ концѣ 50-хъ г.г. исчезаютъ кинешемскія и рѣшемскія полотна. И въ Москвѣ полотна эти продавались въ очень маломъ количествѣ, уступая мѣсто болѣе добротнымъ ярославскимъ полотнамъ.

Въ связи съ этимъ паденіемъ сбыта упала и цѣна за работу. «Нѣсколько лѣтъ назадъ—писалъ въ 1857 г. Васьковъ—точа полотень была выгоднѣе точки миткаля, но въ настоящее время требованіе на наши полотна совершенно упало. Прежде за работу куска (25 арш.) платили 1 руб., а нынѣ не болѣе 75 к.».

Главной причиною упадка домашняго полотнянаго ткачества явилась ростъ бумаготкацкаго производства. Впрочемъ, едва ли не большее значеніе въ этомъ упадкѣ принадлежитъ возрастанію рыночнаго спроса

¹⁾ Крживоблоцкій, 344. Васьковъ, Костр. Губ. Вѣд. 1872 г. № 10.

на ленъ. Быстрое возвышеніе цѣнъ на ленъ въ сырьѣ, въ связи съ ббльшимъ запросомъ его за границу, куда изъ одной Костромской губ. вывозилось до 220 тыс. пуд. ежегодно, а также на начавшія съ 50-хъ гг. возникать въ центральномъ промышленномъ районѣ льнопрядильныя фабрики (объ этомъ см. ниже), привело къ тому, что «прежній способъ употребленія льна крестьянами для приготовленія новинъ, холста и пряжи сталъ для нихъ совершенно невыгоднымъ» ¹⁾.

Въ 1857 и 58 гг. на базарахъ Костромской губ. новина продавалась по 2 руб. 90 коп.—3 руб. 10 коп. ассигн. за штуку вѣсомъ въ 5¼ фунтовъ, для выработки такой штуки требовалось суровой ручной пряжи 8 фунтовъ, выриадаемыхъ изъ 15 фун. льна. Цѣна льна самаго низкаго сорта была 25 коп. ассигн.; слѣдов., на штуку новины употреблялось льна на 3 р. 75 к. Такимъ образомъ домашній ткачъ, кромѣ потеряннаго труда, несъ на каждой штукѣ чистаго убытка около 75 коп. Невыгодной сдѣлалась также и продажа льна въ видѣ пряжи, такъ какъ 1 пудъ пряжи, выриадаемой изъ 2-хъ пудовъ льна, продавался на базарахъ по 16—25 руб. ассигн., тогда какъ ленъ, употребленный для этой пряжи, можно было продать въ сырьѣ на тѣхъ же базарахъ за 20—34 руб. Въ результатѣ такой комбинаціи цѣнъ на продукты и сырье въ 1858 г. было сработано новинъ и пряжи по крайней мѣрѣ въ два раза меньше прежняго ²⁾.

¹⁾ Какъ видно изъ данныхъ, взятыхъ изъ ст. Колокольникова «Хозяйство Россіи послѣ войны 1812 г.» (стр. 122 изданія «Отечественная война и русское общество», т. VII), начиная съ 1817 г. отпускъ льна изъ Россіи за границу непрерывно возрасталъ:

Года.	Отпущено тыс. пуд.	Года.	Отпущено тыс. пуд.
1805—9	1836	1827—31	2309
1814—16	1208	1832—36	2150
1817—21	1382	1837—41	2735
1822—26	1812	1812—16	3121

Къ сожалѣнію, соответствующихъ цифръ для одной Костромской губ. у насъ не имѣется. Во всякомъ случаѣ отправка льна сырьемъ изъ Костромской губерніи за границу была значительной. По даннымъ статьи «Фабр. промышленность г. Костромы въ 1852 г.» (Костр. Губ. Вѣд. 1853 г. № 44), на зимнихъ базарахъ въ г. Костромѣ скупалось трепаннаго льна до 100 тыс. пудовъ на 230 тыс. руб. серебр.: все это количество черезъ Вологду отправлялось въ Архангельскій портъ.

²⁾ Но «однакожь многіе—добавляетъ Крживоблоцкій (стр. 388)—по прежнему занимались приготовленіемъ новинъ, холста и пряжи». Причина этого, на первый взглядъ малопонятнаго явленія, продажи льна въ дѣлѣ по невыгоднымъ цѣнамъ при наличности высокихъ цѣнъ на сырецъ, кроется, главнымъ образомъ, въ *условіяхъ женскаго труда въ крестьянскомъ хозяйствѣ*: вырученными деньгами отъ льна-сырца пользуется хозяйка, а отъ льняныхъ издѣлій—хозяйка. «При этихъ условіяхъ каждая хозяйка старается о меньшей продажѣ льна въ сырьѣ, напротивъ заботится о выдѣлываніи большаго количества разныхъ льняныхъ издѣлій, которыя она хотя и продаетъ съ убыткомъ для хозяйства, но съ выгодой для себя лично».

Забывая впередъ, мы должны отмѣтить, что съ 60-хъ гг., съ развитіемъ льнопрядильныхъ фабрикъ, домашнее льноткачество постепенно исчезаетъ. Постепенно тканье полотень изъ собственной пряжи вытѣсняется ткачествомъ изъ фабричной основы, пока, наконецъ, возникновеніе механическихъ льноткацкихъ фабрикъ не ставитъ крестъ надъ вѣкогда широко распространеннымъ ткачествомъ на домахъ.

Повышеніе цѣнъ на сырье имѣло и другой результатъ, а именно: пониженіе добротности издѣлій. Къ льняной пряжѣ начинаютъ подмѣшивать бумагу, для большей чистоты издѣлій бѣлятъ ихъ известью, для придачи имъ доска и тонкости—примѣняютъ обухеніе (разбиваніе полотень молотомъ). Уже въ концѣ 50-хъ гг. во многихъ деревняхъ выдѣлывалось бумажное или полубумажное (основа бумажная, утокъ льняной) камчатное бѣлье.

Мы видимъ такимъ образомъ, что паденіе домашняго льняного ткачества, ставшее въ наше время совершившимся фактомъ, подготовлялось еще съ 50-хъ г. прошлаго столѣтія.

Съ конца 40-хъ г. число льняныхъ фабрикъ начинаетъ увеличиваться. Въ 1848 г. возникаетъ въ Нерехтѣ фабрика А. Ф. Сыромятникова для производства парусины, коломенки, канифаса и проч.

Въ 1850 г. эта фабрика соединяется съ существовавшей еще раньше въ Нерехтѣ фабрикой Брюханова, а съ 1862 г. обѣ фабрики получаютъ названіе м-ры купцовъ Сыромятникова и Дьяконова.

Выше мы видѣли, что главной причиной гибели русскаго полотнянаго производства въ 20-хъ гг. XIX ст. была конкуренція англійской машинной индустріи. Отсюда совершенно ясно, что *послѣдующее возрожденіе русской льняной промышленности могло произойти не иначе, какъ въ формѣ крупнаго производства, стоящаго на томъ же техническомъ уровнѣ, на какомъ стояла заграница. Въ такой именно формѣ и дѣлается попытка возрожденія льняной промышленности въ Костромской губ. съ половины 50-хъ г.*

Въ этой области прежде всего необходимо отмѣтить появленіе особыхъ льноприготовительныхъ фабрикъ, механизующихъ первичныя ступени обработки льна: моченіе, мятье, трепанье. Въ 1853 г. возникаетъ въ Костромѣ паровая льнотренальная фабрика бр. Звокрыпныхъ. Въ 1854 г., на р. Солонцѣ, купецъ Крейцеръ ставитъ

**Возрожденіе
льняной про-
мышленности.**

водяную льноприготовительную фабрику. Такая же фабрика (Данилова) появляется въ 10 верстахъ отъ Костромы. На всѣхъ этихъ фабрикахъ ленъ обрабатывался по фламандскому способу холодной вымочкн. Крупнѣйшей изъ нихъ была фабрика Крейцера. На этой фабрикѣ было:

	Рабочихъ.	Сумма пр-ва достигала тыс. руб. сер.	Вырабатывалось тыс. пудовъ льна.
Въ 1858 г.	250	250	до 70
» 1860 г.	300	450	?

Вся выработка съ фабрики Крейцера отправлялась за границу и въ Петербургъ. Фабрика Данилова была значительно меньшихъ размѣровъ: въ 1858 г. на ней было занято 35 раб., вырабатывавшихъ товара на 11,8 тыс. руб. сер.

Одновременно съ льноприготовительными заведениями появляются и льнопрядильныя фабрики, обязанныя своимъ успѣхомъ такъ же, какъ и льноприготовительныя фабрики, благоприятной рыночной конъюнктурѣ, создавшейся въ связи съ Крымской войной.

Появленіе льнопрядиленъ связано съ именемъ Брюханова. Объ условіяхъ возникновенія льнопрядильной промышленности и о роли въ этомъ Брюханова довольно подробно разсказано въ «Историко-Статистич. Обзоръ промышленности Россіи», изданномъ Д-томъ Торг. и М-ръ въ 1883 г. (т. II вып. I; цитируемъ по Пирогову, стр. 150).

«Крымская война — говорится въ этомъ Обзорѣ — вызвавшая усиленное требованіе на полотняныя издѣлія для арміи, подѣйствовала оживляющимъ образомъ на полотняную промышленность. Были сдѣланы попытки къ водворенію у насъ механическаго льнопряденія... Первымъ выступилъ на поприще устройства механическихъ льнопрядиленъ нерехтскій полотняный фабрикантъ А. В. Брюхановъ. Близко изучившій торговлю льняными издѣліями и достоинства пряжи, онъ зналъ, гдѣ и на что существуетъ спросъ. Полагаясь на свою опытность, онъ рѣшился открыть (въ 1854 г.) льнопрядильню въ Костромѣ. Здѣсь существовало механическое заведеніе (заводъ Шипова, о немъ см. ниже Е. Д.), на которомъ можно было получить, если не самыя машины, то антренажи и всѣ тяжелыя чугуныя отливки, не прибѣгая къ выпискѣ ихъ изъ чужихъ

краевъ. Съ другой стороны, конкуренціи ожидать было нельзя, такъ какъ всѣ льнопрядильни, за исключеніемъ Хлудовской въ Рязанской губ. и Гриблановской въ Вологодской губ., уже не дѣйствовали (послѣ тарифа 1850 года, понизившагося значительно пошлину на льняныя издѣлія). Наконецъ, левъ стоялъ въ низкой цѣнѣ: иностранные комиссіонеры довели его цѣну до 1 р. 30 к. пудъ. Такимъ образомъ, отсутствіе конкуренціи, дешевизна льна и возможность получить необходимые механизмы на мѣстѣ вселяли надежду на успѣхъ дѣла. Пригласивъ въ компаньоны г. Зотова, г. Брюхановъ устроилъ льнопрядильню первоначально на 1500 веретенъ. Съ самаго начала фабрика пошла очень успѣшно. Требованіе полотна для арміи во время войны доставило сбытъ пряжѣ и притомъ довольно низкихъ нумеровъ по хорошимъ цѣнамъ. Въ 1857 г. прймѣръ Брюханова нашелъ подражателей: нерехтскіе полотняные фабриканты Дьяконовъ и Сыромятниковъ учредили механическую льнопрядильню въ самой Нерехтѣ на 3000 веретенъ. Въ 1859 году Зотовъ отдѣлился отъ Брюханова и устроилъ въ Костромѣ свою отдѣльную фабрику на 4000 веретенъ, а Брюхановъ, пригласивъ въ компаньоны Михина, увеличилъ свою льнопрядильню до 3500 веретенъ. Въ 1861 г. открылась льнопрядильня І. Сенькова въ Пучежѣ. Съ легкой руки Брюханова къ началу 60-хъ гг. появилось въ томъ же районѣ еще нѣсколько льнопрядильнегъ («Норская» подъ Ярославлемъ, Демидова въ с. Ярцевѣ, Вязниковскаго у.).

Производство быстро развивалось. Въ 1860 г. Зотовъ поставилъ вторую льнопрядильню. Въ 1861 г., по свѣд. «Памят. Кн.», на обѣихъ Зотовскихъ прядильняхъ работало уже 8500 веретенъ, на фабрикѣ Брюханова и Зотова 6000 веретенъ. Присчитывая сюда 3000 веретенъ, поставленныхъ въ Нерехтѣ на фабрикѣ Сыромятникова и Дьяконова, получимъ общее число дѣйствовавшихъ въ Костромской губ. въ концѣ 50-хъ и. веретенъ около 17½ тыс. штукъ.

Въ 1858 г. на льнопрядильнѣ Брюханова, Зотова и Михина было занято 575 рабочихъ, выработывавшихъ товара на 250 т. р. сер., а на льнопрядильнѣ Сыромятникова и Дьяконова въ Нерехтѣ 460 рабоч., выработывавшихъ товара на 200 т. р. сер. Въ 1861 г., по свѣд. «Памят. Кн.» на льнопрядильняхъ Брюханова и Зотова и обѣихъ Зотовскихъ работало всего 1526 рабоч., сумма производства

достигала 1073 тыс. руб., всего перерабатывалось въ годъ льна, кудели и пакли до 170 тыс. пуд. на 695 тыс. руб.

Развивалось и льноткацкое дѣло. По свѣдѣніямъ Крживоблоцкаго, на Нерехтской фабрикѣ Сыромятникова и Дьяконова въ 1853 г. было выработано льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій на 170 тыс. руб. По даннымъ Васькова, въ 1856 г. на этой фабрикѣ работало 423 раб.; всего на фабрикѣ было 150 ткацкихъ становъ, изъ нихъ около 100 жокардовыхъ, сверхъ того по деревнямъ Костромского и Нерехтскаго уу. на фабрику работало до 1000 становъ; всего было сработано 23 тыс. кусковъ на 220 тыс. руб. Въ 1858 г. на фабрикѣ было 400 рабочихъ и выработка составила 240 тыс. руб. Вырабатывались на этой фабрикѣ, главнымъ образомъ, коломенка, канифасъ, парусина, туалетпоръ и другія матеріи на сюртуки и пальто, брюки и жилеты, а также полотна, суровыя и бѣлыя, скатерти, салфетки, фламскія полотна, равендукъ и пр. Сбывались всѣ эти произведенія въ Москвѣ, Петербургѣ, на Нижегородской и Украинскихъ ярмаркахъ. Съ льнопрядильныхъ фабрикъ выработка поступала на полотняныя фабрики въ Вязники, Муромъ и Костромскую губернію.

Ростъ льняной промышленности, въ частности возникновеніе механическихъ льнопрядильнень, дали сильный толчекъ увеличенію крестьянскаго льноводства. Вліяніе это отмѣчалось еще Крживоблоцкимъ, указывавшимъ, что «причину развитія льноводства слѣдуетъ искать въ устройствѣ льнопрядильныхъ фабрикъ въ Костромѣ и Нерехтѣ, а также вслѣдствіе большаго запроса льна за границу и въ губерніи Ярославскую и Московскую» (стр. 233). Опредѣляя годовой урожай льна въ Костромской губ. до 950 тыс. пудовъ, Крживоблоцкій считалъ, что изъ нихъ до 600 тыс. пудовъ (63%) идетъ для ручной пряжи ¹⁾, и на тканье полотенъ и холстовъ, вырабатываемыхъ самими крестьянами, а остальное продается сырцемъ на базарахъ (въ томъ числѣ въ Костромѣ съ уѣздомъ до 150 тыс. пудовъ, въ Нерехтѣ 100, Кинешмѣ 40 и Плесѣ 10) и идетъ: на фабрики (60 т. пуд.), въ низовыя губерніи (70 т. пуд.) и въ Архангельскій и Петербургскій порты (220 т. пуд.). Разумѣется, льняныя фабрики Костромской губ. потребляли несравненно большее количество льна.

¹⁾ Общую выработку ручной пряжи Крживоблоцкій, со словъ торговцевъ, опредѣлялъ въ 100 тыс. пудовъ (стр. 387).

чѣмъ указанные 60 т. пудовъ, такъ какъ для ихъ нуждъ ленъ скуцался не только въ предѣлахъ Костромской губ., но также на базарахъ и ярмаркахъ сосѣднихъ, Владимірской, Ярославской и Вологодской губ. Помимо того часть льна поступала на фабрики не сырцемъ, а въ видѣ пряжи крестьянскаго пздѣлія. По свѣдѣніямъ Крживоблоцкаго, Васькова и «Пам. Кн.», въ концѣ 50-хъ гг. фабрики Костромской губ. потребляли льна и пряжи въ тыс. пудовъ: ¹⁾

	льна.	пряжи.
Двѣ прядильни Зотова въ Костромѣ	120	—
Льноприготовительная Крейцера въ Нерехтѣ	70	—
Ткацкая и прядильная Сыромятникова и Дыконова въ Нерехтѣ	30	—
Прядильня Брюханова, Зотова и Михина въ Костромѣ	55	—
Полотняная Попова въ с. Святомъ	—	6,7
» Колодкина въ Костромѣ	—	5

Отсюда, считая, что при ручномъ пряденіи изъ пуда льна выходитъ $\frac{1}{2}$ пуда пряжи, получимъ общее потребление льна фабриками до 300 тыс. пуд. Если еще до появленія льняныхъ фабрикъ крестьянское хозяйство южныхъ уѣздовъ Костромской губ. и соприкасающихся съ ними частей Ярославской и Владимірской губ. было сильно втянуто, благодаря сбыту льна, пряжи и холстовъ, въ денежный товарооборотъ, то съ возникновеніемъ крупныхъ прядильныхъ, концентрирующихъ и развивающихъ этотъ сбытъ, связь крестьянами съ рынкомъ должна была только усилиться, а расширеніе льняныхъ поставокъ за счетъ другихъ культуръ—получить еще болѣе сильное и опредѣленное стремленіе.

¹⁾ Въ приводимый перечень не вошли фабрика Мендеевъ, покупавшая пряжу (всего лишь 120 пудовъ) въ Москвѣ у Хлудова, и льноприготовительная Данилова. Съ послѣдней ленъ шелъ, главнымъ образомъ, на Костромскія же фабрики (напр., на фабрику Брюханова).

IV.

Возникновеніе производствъ, связанныхъ съ хлопчато-бумажной промышленностью.—Заводъ Шилова.—Химическіе заводы.—Поиски сѣрнаго колчедана.—Кожевенная промышленность.—Мѣховое и замшевое производства.—Остальныя производства.—Примѣненіе пара.—Вольнонаемный трудъ.

Возникновеніе производствъ, связанныхъ съ хлопчато-бумажной промышленностью.

Мы видѣли выше, что къ концу 50-хъ гг. фабричная промышленность Костромской губ. въ лицѣ бумажнаго ткачества и льняного пряденія сдѣлала значительные успѣхи. *Въ свою очередь ростъ текстильнаго производства явился могучимъ стимуломъ къ развитію цѣлаго ряда другихъ производствъ.* Текстильная промышленность нуждается въ большихъ количествахъ разнаго рода сырыхъ и вспомогательныхъ матеріаловъ, въ орудіяхъ производства и проч. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ развитіемъ текстильнаго производства создаются условія для развитія отраслей промышленности, производящихъ сырье, вспомогательные матеріалы, предметы оборудованія. Такими производствами явились прежде всего обработка металловъ и химическое производство.

Выше уже былъ отмѣченъ ростъ производства по обработкѣ металловъ. Ростъ этотъ обязанъ возникновенію и развитію крупнаго механическаго завода въ Костромѣ. Такъ какъ этотъ заводъ, въ свою очередь, какъ уже было упомянуто, сыгралъ крупнѣйшую роль въ дѣлѣ развитія бумажной индустріи, то слѣдуетъ хотя бы вкратцѣ познакомиться съ исторіей его возникновенія и роста.

Выше уже былъ отмѣченъ ростъ производства по обработкѣ металловъ. Ростъ этотъ обязанъ возникновенію и развитію крупнаго механическаго завода въ Костромѣ. Такъ какъ этотъ заводъ, въ свою очередь, какъ уже было упомянуто, сыгралъ крупнѣйшую роль въ дѣлѣ развитія бумажной индустріи, то слѣдуетъ хотя бы вкратцѣ познакомиться съ исторіей его возникновенія и роста.

Исторія эта представляется въ слѣдующемъ видѣ: «Въ послѣдніе годы второй четверти XIX ст.—рассказываетъ Крживоблоцкій (стр. 329 д. слѣд.)—на ситцепечатныхъ фабрикахъ Московской и Владимірской губ. начали замѣнять ручной способъ печатанія ситцевъ машиннымъ печатаніемъ, для чего стали употреблять валы изъ тынцовой красной мѣди. Англія снабжала всѣ русскія ситцепечатныя фабрики подобными валами... Д. П. Шиповъ по совѣту механика Вазянскаго въ 1852 г. устроилъ въ Костромѣ небольшое заведеніе для приготовленія подобныхъ валовъ». Вначалѣ это была небольшая мѣднолитейная кузница на 2 горна, но «какъ только разнесся слухъ, что въ Костромѣ устроено механическое заведеніе, многіе

изъ фабрикантовъ начали обращаться съ требованіями и на разнаго рода чугунную отливку». Шиповъ пристраиваетъ къ мѣднолитейной чугунно-литейной, затѣмъ гвоздильное отдѣленіе, пароходную верфь, и такимъ образомъ въ короткое время вырастаетъ крупнѣйшій металлическій заводъ съ числомъ рабочихъ, мѣняющимся отъ 800 до 1400 чел. ¹⁾ Въ 1858 г. сумма производства завода достигала 700 тыс. руб., въ томъ числѣ было выработано: пароходовъ на 334 тыс. руб., паровыхъ машинъ на 180 тыс. руб., коловъ, балокъ, рѣшетокъ, зубчатыхъ колесъ на 100 тыс. руб., мѣдной отливки и мѣдныхъ трубъ на 20 тыс. руб. Въ 1860 г., по свѣд. «Памятной Книжки», на заводѣ Шипова работало 761 раб., получавшихъ 130—180 тыс. руб. жалованья. сумма производства достигала 662 тыс. руб. серебр.; на заводѣ дѣйствовали 4 паровыя машины въ 40 силъ ²⁾.

Сильно было вліяніе хлопчатобумажной про- Химическіе
заводы.
мышленности также на развитіе химическаго произ-
водства. Въ какой мѣрѣ бумажная промышленность
являлась рынкомъ для химической индустриі, видно изъ таблицы
вспомогательныхъ матеріаловъ, потреблявшихся на 16 главнѣйшихъ

¹⁾ Быстрый ростъ Шиповскаго завода произвелъ на современниковъ сильное впечатлѣніе и далъ поводъ автору статьи «Фабричная статистика гор. Костромы» (Костр. Губ. Вѣд. 1853, № 44) писать въ нѣсколько приподнятомъ настроеніи, что «въ недавнее время духъ промышленности махнулъ крыломъ своимъ надъ городомъ, и вотъ начали воздвигаться огромныя каменные зданія; внутри ихъ зашумѣли шары, завертѣлись колеса, полился расплавленный металлъ». Далѣе слѣдуетъ описаніе завода полковника Шипова: на заводѣ дѣйствуетъ паровая машина въ 14 силъ, отливается и гравировается для Ивановскихъ фабрикъ ситцепечатные мѣдные валы, до того выписывавшіеся изъ Англій, дѣлаются приводы или шкивы, зубчатые колеса, паровыя котлы, льнотрепальныя и паровыя машины, трубы для унтермарковскихъ печей, плиты для половъ и лѣстницъ, насосы, памятники, рѣшетки, наковальни и проч. Впечатлѣніе отъ возникновенія этого крупнаго завода было тѣмъ сильнѣе, что онъ открылъ собою цѣлую эру фабричнаго строительства въ Костромѣ. Въ слѣдующемъ, 1853 г., здѣсь возникли, по даннымъ той же «Ф-чной ст-ки», три огромныхъ каменныхъ зданія: льнотрепальная паровая фабрика бр. Зворыкинскихъ, льнопрядильная фабрика Брюханова и свѣчной заводъ Полякова.

²⁾ Отмѣтимъ, что въ 1858 г. заводъ Шипова, повидимому, уже начинаетъ клониться къ упадку. Такъ, въ началѣ этого года на заводѣ вовсе была прекращена выдѣлка ситцепечатныхъ валовъ, а гвоздильная мастерская перенесена на купленный Шиповымъ Илевско-Вознесенскій чугунный и желѣзодѣлательный заводъ въ Ардатовскомъ уѣздѣ. Помимо завода Шипова въ Костромской губ. существовало еще нѣсколько небольшихъ заводиковъ по обработкѣ металловъ. Однимъ изъ такихъ былъ чугунно-плавильный заводъ Кандалищова (въ арендѣ у купца Пятова) въ Ветлужскомъ уѣздѣ. На этомъ заводѣ производилась выработка желѣза и выплавка чугунныхъ издѣлій. Руда добывалась въ дачахъ Кандалищова. О заводѣ этомъ упоминаетъ «Памятная Книжка».

бумажныхъ фабрикахъ Кинешемскаго у. Ежегодно на этихъ фабрикахъ потреблялось:

	Тыс. пудовъ.	На сумму тыс. руб. сер.	Тыс. пудовъ.	На сумму тыс. руб. сер.
Краски . . .	1,1	124,9	Купоросн. масла 5,3	6,3
Крахмала 15,6		27,1	Квасцовъ . . .	0,9
Сандаля 6,1		12,2	Известки . . .	10,6
Клея . . .	1,5	9,6	Миргана . . .	0,5
Купороса 5,9		7,2	Всего . . .	47,5
				191,4 ¹⁾ .

Такимъ образомъ, только на 16 фабрикахъ одного района потреблялось химическихъ продуктовъ почти на 200 тыс. руб. Но не надо забывать, что, помимо Кинешемскаго уѣзда, бумажное производство одновременно развивалось и въ сосѣднихъ районахъ (главнымъ образомъ, въ Иваново-Вознесенскомъ районѣ), и поэтому общій спросъ на химическіе фабрикатъ, преимущественно на сѣрную кислоту, со стороны фабричной промышленности Костромской и Владимирской губ. долженъ былъ достигать значительной величины.

Въ связи съ этимъ спросомъ въ предѣлахъ Костромской губ., возникаютъ химическіе заводы: въ 1844 и 1851 гг. два завода Кокушкина близъ Плеса и въ 1852 г.—заводъ А. П. Шинова на р. Томѣ въ Кинешемскомъ у. ²⁾ По свѣдѣніямъ Крживоблоцкаго и «Памятной Книжки», на этихъ заводахъ было:

	Рабочихъ.		Сумма пр-ва въ тыс. руб.	
	1858	1860	1858	1860
Заводы Кокушкина . . .	32	57	28	30
Заводъ Шинова	171	186	300	240

¹⁾ Изъ этихъ продуктовъ: сандаль, красны, мирганъ покупались на Нижегородской ярм., известка въ Ковровѣ, кубовая краска въ Москвѣ и Нижнемъ, крахмалъ у сосѣднихъ крестьянъ, купоросное масло на заводахъ Познговщина (Яросл. губ.) и Шинова (Костромской губ.), купоросъ въ Тамбовской губ. и у Шинова, клей въ Костромской губ.

²⁾ Любопытно отмѣтить, что сѣрное пр-во въ Костром. губ. существовало еще въ XVIII ст. Такъ существовалъ сѣрный заводъ въ 1758 г. въ Увженскомъ уѣздѣ подь селомъ Ковровымъ на берегу Ужги на монастырской землѣ. Заводъ этотъ былъ открытъ Ярославскими посадскими Оседоромъ Полушкинымъ и Тимофеемъ Сабунинымъ, лѣтними кромѣ того сѣрный заводъ подь Ярославлемъ. Сѣрная руда добывалась на рр. Ужжѣ, Неѣ, Бѣломъ Луху. Выработывался изъ неч купоросъ. Заводъ этотъ существовалъ недолго: въ 1761 г. уже его не было. Подробности объ этомъ заводѣ см. въ книгѣ В. В. Бѣлаева. Исторія города Макарьева на Ужжѣ. СПб. 1907 г. стр. 278—281.

Продукты съ Шиповскаго завода шли, главнымъ образомъ, въ Иваново, Вичугу, Москву.

Отдѣльныя отрасли національнаго производства связаны между собою такъ, какъ колеса въ часовомъ механизмѣ. Ростъ одного производства создаетъ условія для развитія другого. *Если галичская промышленность возникла подъ вліяніемъ текстильнаго производства, то въ свою очередь подъ ея вліяніемъ возникаетъ рудная промышленность.* Исторія послѣдней—любопытная страничка изъ жизни Костромскаго края, и поэтому мы возводимъ себѣ на ней остановиться.

Поиски
колчедана.

Выше мы констатировали наличность крупнаго спроса со стороны фабрикъ на сѣрную кислоту. Первоначально сѣрная кислота выработывалась (на заводѣ Шипова) изъ сѣры, привозившейся изъ-за границы. Такъ продолжалось до Крымской войны, во время которой цѣна на сѣру поднялась чрезвычайно высоко. Тогда, по инициативѣ директора завода, Бочарова, рѣшено было кислоту добывать изъ сѣрнаго колчедана, найденнаго вблизи завода. Благодаря этому цѣна на сѣрную кислоту упала съ 6 р. за пудъ до 3 руб. 40 коп., а подъ конецъ войны даже до 1 руб. 50 коп. Въ 1853 и 1854 гг. Шиповымъ открываются огромныя залежи сѣрнаго колчедана въ уу.: Галичскомъ, Кологривскомъ, Бинешемскомъ и Макарьевскомъ по рр. Мерѣ, Медозѣ и Сендегѣ. Въ 1854 г. Шиповъ заложилъ 18 галерей для добычи колчедана. Съ весны 1855 г. окрестные крестьяне собираютъ колчеданъ для завода. Къ іюню заводомъ было приобрѣтено уже болѣе 30 т. пуд. за плату по 45 к. ассигн. съ пуда. «Вѣсть о розысканіи колчедана быстро охватила весь край; нѣкоторые зарабатывали до 8 р. въ день». Но тутъ въ дѣло втягивается конкуренція. Въ половинѣ іюня купцы: московскій Ленешикинъ и плесскій Кокушкинъ, узнавъ о большой скупкѣ колчедана, присылаютъ своихъ комиссіонеровъ, въ результатѣ чего цѣны поднимаются на мѣстѣ до 1 р. ассигн. Это возвышеніе цѣнъ заставило Шипова искать новыя мѣстопохожденія. Шиповъ посылаетъ своихъ агентовъ въ Макарьевскій у., гдѣ по Немдѣ, Унжѣ и Неѣ и открываются послѣдними богатыя залежи. Но и сюда являються слѣдомъ названныя комиссіонеры. Уходя отъ нихъ, Шиповъ проникаетъ все дальше и дальше на сѣверъ, достигнувъ наконецъ погоста Дмитріевскаго въ Кологр. у. Всего въ 1854

п 1855 г. на добычѣ колчедава у Шипова крестьяне заработали болѣе 40 т. руб.

Кожевенная промышленность. Нѣсколько особникомъ отъ общаго русла стоитъ обработка животныхъ продуктовъ, въ частности кожевенная промышленность. Промышленность эта въ дореформенную эпоху была довольно развита. Въ 1810 г. въ одной Костромѣ было 10 кожевенныхъ заводовъ, перерабатывавшихъ до 40 тыс. кожъ на 150 т. р. ассигн. Въ 1852 г. въ Костромѣ имѣлось 7 заводовъ (Малышева, Рыльцова, Набатова, Ботникова, Чернова, Коржавина и Рукавишника), съ 182 раб. и 160 т. р. сер. суммы производства. На заводахъ этихъ вырабатывалось до 80 т. пудовъ кожъ, сбывавшихся на мѣстѣ и отправлявшихся за границу черезъ Петербургскій портъ. Помимо кожевенныхъ заводовъ въ Костромѣ существовалъ сыромятный заводъ Кулакова съ 30 раб. и суммой производства въ 30 т. р. Въ 1858 г. въ Костромѣ было 8 кожевенныхъ заводовъ съ 127 раб. и производствомъ около 45,7 тысячъ кожъ на сумму 173,8 тыс. руб. Наконецъ, «Памятная Книжка на 1862 г.» опредѣляла сумму производства кожевенной промышленности въ Костромѣ въ 200 т. руб.

Эволюція кожевенной промышленности въ послѣднія десятилѣтія передъ реформой представляется въ слѣдующемъ видѣ (данныя относятся ко всей губерніи):

	Заведеній.	Рабочихъ.	Сумма пр-ва (въ тыс. руб.).
1847 г. . .	36	?	359
1858 г. . .	47	339	344
1861 г. . .	44	271	410

Сумма производства за 1858 г. показываетъ уменьшеніе—около этого времени кожевенная промышленность находилась въ упадкѣ.

Наибольшей полнотой отличаются данныя Крживоблоцкаго за 1858 г., изъ которыхъ видно, что изъ 47 кожевенныхъ заводовъ по губерніи съ общимъ числомъ рабочихъ въ 339 человекъ и общей суммой производства въ 344 т. р. только на 8 заводахъ рабочихъ было 10 и болѣе чел. (всего на этихъ заводахъ было 197 раб. и общая сумма производства составляла 240 т. р.). Другими словами, *кожевенная промышленность была по формѣ промышленностью мелкой.*

По числу рабочихъ кожевенные заводы группировались такъ:

	Съ 1—4 раб.	5—9	10—14	15—20	св. 20
Число заводовъ	26	13	2	1	5

Наибольше крупными заведеніями были слѣдующіе: Малышевой и Дурьгиной въ Костромѣ (61 раб. и 91,6 т. руб. сумма производства), М. Захарова въ Судиславлѣ (34 и 34,4), Третьяковыхъ въ Судиславлѣ (21 и 31,4), Д. Захаровъ тамъ же (21 и 13,8), Рыльцова въ Костромѣ (21 и 13,3), Коржавиныхъ тамъ же (15 и 22,5), Набатова тамъ же (14 и 21) и Шипова въ Кинешмѣ (10 и 11,9).

По уѣздамъ кожевенная промышленность распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Число заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма пр-ва въ тыс. руб.
Костромской . . .	11	203	253,5
Галичскій	15	70	44,9
Кинешемскій . . .	2	16	18,6
Юрьевецкій . . .	8	25	16,9
Макаръевскій . . .	2	6	3,8
Ветлужскій	1	5	3,5
Нерехтскій	4	6	1,7
Варнавинскій . . .	5	6	1,1

По указанію «Памятной Книжки», лучшими заводами считались заводы Дурьгиной и Набатова въ Костромѣ. Въ Галичскомъ у. заводы были сосредоточены, главн. образ., въ Галичѣ и с. Шокшѣ. Сбывались кожи въ столицахъ и на Нижегородской ярмаркѣ. Сырье скупались по деревнямъ черезъ прасоловъ.

Рядомъ съ кожевенной промышленностью заслуживаютъ упоминанія производства: мѣховое и замшевое, сосредоточенныя въ Галичскомъ у. Возникновенію этихъ производствъ предшествовала скупка «куницы Рѣдьякинъ и Вакоринъ съ давнихъ временъ производили торговлю пушными товарами и оленьими кожами» ¹⁾. И то и другое они скупали въ Ижемской волости, въ Печорскомъ краю, и продавали въ Москвѣ. «Въ 1844 г. было чрезвычайно много бѣлокъ, и упомянутые торговцы закупили ихъ до 900 тыс. штукъ по 4 к. штука, но и по такой цѣнѣ не могли сбыть ихъ въ Москвѣ». Тогда, въ началѣ 1845 г., по совѣту московскаго комиссіонера, каргопольскаго куница

Мѣховое и замшевое производства.

¹⁾ Исторія этихъ производствъ изложена по Краживоблоцкому, см. стр. 366, 368 и т. д.

По числу рабочихъ кожевенные заводы группировались такъ:

	Съ 1—4 раб.	5—9	10—14	15—20	св. 20
Число заводовъ	26	13	2	1	5

Наибольше крупными заведеніями были слѣдующіе: Малышевой и Дурыгиной въ Костромѣ (61 раб. и 91,6 т. руб. сумма производства), М. Захарова въ Судиславлѣ (34 и 34,4), Третьяковыхъ въ Судиславлѣ (21 и 31,4), Д. Захаровъ тамъ же (21 и 13,8), Рыльцова въ Костромѣ (21 и 13,3), Коржавиныхъ тамъ же (15 и 22,5), Набатова тамъ же (14 и 21) и Шипова въ Кинешмѣ (10 и 11,9).

По уѣздамъ кожевенная промышленность распредѣлялась слѣдующимъ образомъ:

Уѣзды.	Число заводовъ.	Число рабочихъ.	Сумма пр-ва въ тыс. руб.
Костромской . . .	11	203	253,5
Галичскій . . .	15	70	44,9
Кинешемскій . . .	2	16	18,6
Юрьевецкій . . .	8	25	16,9
Макарьевскій . . .	2	6	3,8
Ветлужскій . . .	1	5	3,5
Нерехтскій . . .	4	6	1,7
Варнавинскій . . .	5	6	1,1

По указанію «Памятной Книжки», лучшими заводами считались заводы Дурыгиной и Набатова въ Костромѣ. Въ Галичскомъ у. заводы были сосредоточены, главн. образ., въ Галичѣ и с. Шокшѣ. Сбывались кожи въ столицахъ и на Нижегородской ярмаркѣ. Сырье скупалось по деревнямъ черезъ прасоловъ.

Рядомъ съ кожевенной промышленностью заслуживаютъ упоминанія производства: мѣховое и замшевое, сосредоточенныя въ Галичскомъ у. Возникновенію этихъ производствъ предшествовала скупка «кушцы Рѣдькинъ и Вакоринъ съ давнихъ временъ производили торговлю пушными товарами и оленьими кожами»¹⁾. И то и другое они скупали въ Ижемской волости, въ Печорскомъ краю, и продавали въ Москвѣ. «Въ 1844 г. было чрезвычайно много бѣлокъ, и упомянутые торговцы закупили ихъ до 900 тыс. штукъ по 4 к штука, но и по такой цѣнѣ не могли сбыть ихъ въ Москвѣ». Тогда, въ началѣ 1845 г., по совѣту московскаго комиссіонера, каргопольскаго купца

Мѣховое и замшевое производства.

¹⁾ Исторія этихъ производствъ изложена по Крайновлоцкому, см. стр. 366, 368 и т. д.

Нѣмчинова, Рѣдькинъ и Вакоринъ рѣшили обрабатывать шкуры собственными средствами, для чего устроили въ Галичѣ мѣховой заводъ, куда изъ Каргополя было выписано 8 опытныхъ рабочихъ, знакомыхъ съ выдѣлкой мѣховъ. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ 1852 г., Вакоринъ устроилъ лисій мѣховой заводъ, а въ 1854 г. (въ Галичѣ) перчаточную фабрику. До этого оленьи замшевыя кожи сбывались на перчаточныя фабрики въ Москву. Но «такъ какъ перчаточнымъ мастерствомъ въ Москвѣ занимались люди, неимѣвшея понятія о техническомъ и химическомъ искусствѣ, то иностранная работа почти совсѣмъ вытѣснила издѣлія русскихъ фабрикъ. Это и было причиной закрытія въ Москвѣ многихъ перчаточныхъ фабрикъ и уменьшенія требованія на замшевыя кожи», что и побудило Вакорина устроить собственную перчаточную фабрику, нанявъ для этой цѣли извѣстнаго перчаточнаго мастера, прусскаго подданнаго. Однако расцвѣтъ замшеваго производства былъ не дологъ. «Такъ какъ доставка оленьихъ кожъ въ невыдѣланномъ видѣ за 1500 вер. обходилась очень дорого, то торговцы рѣшили выучить замшевому мастерству самихъ жителей Мезенскаго у. (Ижемской волости), для чего отравили туда мастеровъ изъ Галича. Это предпріятіе увѣчалось полнымъ успѣхомъ». Въ концѣ 50-хъ гг. въ Мезенскомъ у. обрабатывалось уже отъ 40 до 80 тыс. оленьихъ кожъ. Почти всѣ эти кожи скупались галичскими купцами Вакориннымъ и Косаткинымъ. «Развитіе замшеваго производства въ Мезенскомъ у. было причиной закрытія многихъ этого рода заведеній въ Галичскомъ у. и уменьшенія выдѣлки на тѣхъ, которые остались еще въ ходу». Съ 1858 г. перчаточная фабрика Вакорина стала вырабатывать лайковыя перчатки. На деревенскихъ же заводахъ выдѣлывалась замша исключительно изъ сырыхъ опойковыхъ кожъ, которыхъ для этихъ заводовъ ежегодно покупалось 12—13 тыс. штукъ.

Состояніе описанныхъ производствъ въ концѣ дореформенной эпохи видно изъ слѣдующей таблички:

Производства.	Число заведеній.			Число рабочихъ.		Сумма производства тыс. руб. сер.	
	1847	1858	1861	58	61	58	61
Замшевое	—	11	12	78	89	114	64
Мѣховое	1	2	3	80	91	150	153
Перчаточное	—	1	1	34	34	94	60

Наибольше крупными заведенія (въ 1858 г.) были заводы:

	Число рабочихъ ¹⁾ .	Сумма производства въ тыс. руб. сер.
Мѣховой Вакорина . . .	70	143,3
Замшевый » . . .	40 (+100 дѣтомъ)	98,4
Перчаточный » . . .	34	94,0
Мѣховой Бородатовой . .	10	6,3

Всего въ Галичѣ было 2 замшевыхъ завода съ 105,3 тыс. руб. суммы производства; деревенскихъ замшевыхъ заводовъ, принадлежавшихъ государственнымъ крестьянамъ Фоминскаго общества (въ дд. Малышево, Пилино, Дмитріевское, Ключки). считалось 9 съ 8,4 тыс. руб. суммы производства. По сообщ. «Пам. Кя.», всего въ Галичскомъ уѣздѣ было 10 замшевыхъ заводовъ съ общей производительностью въ 90 тыс. руб.

Самымъ крупнымъ предпріятіемъ были заведенія Вакорина. На мѣховомъ заводѣ его ежегодно вырабатывалось тысячъ шкуръ: бѣличьихъ русскихъ 100, бѣличьихъ сибирскихъ 50, лисьихъ 24½, енотовыхъ 1,5, песцовыхъ и ворковыхъ 1, хорьковыхъ 1, волчьихъ 0,3. На замшевомъ заводѣ было переработано оленьихъ кожъ въ замшу 3000, окрашено 7000, выбѣлено 12000; разныхъ кожъ передѣлано въ замшу 13000, выбѣлено опойковыхъ 1000, выбѣлено и окрашено разныхъ кожъ 12000. Наконецъ, на перчаточной фабрикѣ было выработано тысячъ дюжинъ: перчатокъ оленьихъ и неблюйковыхъ 4, разныхъ сортовъ 1, рукавицъ оленьихъ 3½ и опойковыхъ 2½. Отправлялись пушные товары и пр., главнымъ образомъ, въ столицы, Архангельскъ и на Нижегородскую ярмарку.

Выше уже былъ отмѣченъ нѣкоторый упадокъ кожевеннаго, а также замшеваго и мѣховаго производствъ въ Галичскомъ у. Съ паденіемъ этихъ производствъ стала падать и связанная съ ними торговля. Отъ Крживоблоцкаго не ускользнуло, что «съ каждымъ годомъ исчезаютъ капиталы, которыми прежде Галичъ славился». «Здѣшніе горожане—говоритъ онъ—нѣкогда вели обширную тор-

¹⁾ Показаны числа рабочихъ, занятыхъ на самихъ фабрикахъ. Помимо послѣднихъ были рабочіе на сторонѣ. Напр., на перчаточную фабрику Вакорина работало на домахъ до 700 мастерицъ; на мѣховой заводѣ того же владѣльца шило мѣха до 600 мастерицъ.

говлю (главнымъ образомъ, пушнымъ товаромъ и опойкомъ) съ обѣими столицами и Архангельскомъ. Еще въ 1812 г. считалось въ Галичѣ 140 капиталовъ, а въ 1857 г. ихъ было только 75».

Остальная Намъ осталось еще въ двухъ словахъ коснуться **производства.** и нѣкоторыхъ другихъ пр-въ. Свѣчныхъ заводовъ въ 1858 г. въ губерніи было 11 съ общей суммой производства въ 73 тыс. руб., въ томъ числѣ въ Костромѣ 3 завода съ 66 тыс. руб. Все это были преимущественно мелкіе заводики. Самымъ крупнымъ изъ нихъ былъ заводъ Колодезника въ Костромѣ (14 раб. и до 48 тыс. руб. производства). Табачная фабрика торговаго дома бр. Чумаковыхъ въ Костромѣ, основанная въ 1841 г., насчитывала въ 1858 г.—41 раб. и 56 тыс. руб. суммы производства. Листового табаку на этомъ заводѣ въ 1858 г. было переработано 12 тыс. пуд. на 20 тыс. руб. Выработано всего 9579 пудовъ табаку, въ томъ числѣ нюхательнаго III сорта 133 пуда и IV сорта 3878 п., курительнаго IV с.—1921 п. и V с.—937 п. и листового сырого табаку 2709 пуд. Писчебумажныя фабрики (Распопина, Вишневецаго) вырабатывали, главнымъ образомъ, картонную, оберточную, чайную и сахарную бумагу. На фабрикѣ Вишневецкаго въ с. Адищевѣ, Кинешемскаго у. было 227 рабоч., сумма производства составляла около 26 тыс. рубоч., вырабатывалось свыше 20 тыс. стоиъ бумаги. Фабрика Распопина на р. Медозѣ Кинешемскаго же у. (основана въ 1849 г.) имѣла 130 раб., сумму производства въ 27 тыс. руб. и вырабатывала бумаги и картону 17 т. стоиъ. Въ Нерехтскомъ у., по свѣдѣніямъ Васькова (Костр. Губ. Вѣд. 1872 г. № 8), было также 30 суричныхъ заводовъ съ общей выработкой въ 1300 пудовъ. Въ Ветлужскомъ уѣздѣ, въ Шанго-Городищенской вол., до 1861 г. въ имѣніи М. В. Бабарыкина существовалъ стеклянный заводъ. Г. Дементьевъ, сообщающій объ этомъ заводѣ, указываетъ, что съ освобожденіемъ крестьянъ заводъ былъ закрытъ ¹⁾. Слѣдуетъ упомянуть также, что въ 1859 г. въ

---

¹⁾ См. «Краткій историческій очеркъ Шангскаго Городища». Составленъ членомъ Костр. Губ. Арх. Ком. Д. П. Дементьевымъ. Костромская Старина, вып. IV. Кострома 1897 г. стр. 228.

Костромѣ была открыта Андронниковымъ первая частная типографія ¹⁾.

Если по числу рабочихъ и суммѣ производства фабричная промышленность Костромской губерніи въ канунъ реформъ и имѣла черты крупнаго производства, то въ смыслѣ технического оборудованія она стояла еще очень не высоко. *Въ концѣ 50-хъ и. фабрика отличалась примитивностью оборудованія.* Характеризуя хлопчатобумажныя фабрики Кинешемскаго у., Крживоблоцкій ²⁾ писалъ: «искать здѣсь усовершенствованій было бы напраснымъ трудомъ». Работы «на всѣхъ бумажныхъ фабрикахъ губерніи производятся при содѣйствіи самыхъ простыхъ машинъ, каковы голландры, набивные цилиндры, барабанныя сушильни и колотильни, приводимыя въ движеніе не паромъ, а лошадьми». Тоже было и на полотняныхъ фабрикахъ. Напримѣръ, на фабрикѣ Попова кромѣ 2-хъ прессовъ и голландръ не было никакихъ машинъ, отсутствовали даже ткацкіе станы.

**Примѣненіе
пара.**

Паровая машина на фабрикахъ была исключеніемъ. Рѣдко даже имѣлся двигатель: водяной, конный, вѣтряный. Обычно же вся работа производилась въ ручную.

Единъ ли не первой фабрикой, примѣнившей паръ, была фабрика Фляши (Рыскина) въ с. Писцовѣ, занимавшаяся набивкой и крашеніемъ ситцевъ. Паровой двигатель здѣсь былъ поставленъ въ 1835 г. «Если не ошибаемся—говоритъ Пироговъ—это былъ первый паровой двигатель въ Костр. губ.» ³⁾.

¹⁾ Интересна первая попытка открыть частную типографію, относящаяся къ концу XVIII в. Типографія эта была открыта Журавковскимъ въ Костромѣ въ 1793 г. Просуществовала она только до 1796 г. и была закрыта правительствомъ въ началѣ царствованія Павла, когда были закрыты всѣ частныя типографіи. За три года типографія эта успѣла выустить слѣдующія книги: 1) Цовариха, или приготовленіе разныхъ постныхъ кушаньевъ, 2) Андриада, или мужественная битва, 3) Чувствительное путешествіе въ С., переводъ съ французскаго, 4) Слово на торжественный день мира Россіи Имперіей съ Оттоманскою Портою, 5) Списокъ гусарскаго конейнаго рейтарскаго и солдатскаго строя, Полковникамъ, подполковникамъ и иныхъ нижнихъ чиновъ начальнымъ людямъ Русскимъ, 6) Цвѣты пчеламъ, медь женамъ, а соръ дуракамъ, 7) Безполезно излишне уметь, правоучительная сказка, переводъ съ нѣмецкаго, 8) Разумная нянюшка и 9) Опытъ Россійской библиографіи (см. Л. Скворцовъ, «Матеріалы для исторіи г. Костромы», ч. I, Кострома 1913 г., стр. 227).

²⁾ Стр. 338—339.

³⁾ Стр. 120.

По свидѣніямъ Васькова, Круживоблоцкаго, «Памятной Книжки» и другихъ источниковъ ¹⁾, въ концѣ 50-хъ гг. и паровыя машины имѣлись на слѣдующихъ фабрикахъ.

	Число машинъ.	Число силъ.
Ситценабивная Рыскина въ Писцовѣ	1	6
Льнопрядильня Брюханова, Зотова и Михина въ Костромѣ	2	55
» Сыромятникова и Дьяконова въ Нерехтѣ	1	30
Вѣдильная, крас. и аширетурн. Сыромятникова и Дьяконова въ Нерехтѣ	2	20
1-я прядильня Зотова въ Костромѣ	1	120
2-я » » »	1	?
Лѣсоилка и кружатка Линева ²⁾ въ Костромѣ	3	80
Механическій заводъ Шинова въ Костромѣ	4	40
Бумажная фабрика А. П. Коновалова въ Бонячкахъ	1	30
Аширетурное отдѣленіе ф-ки Нат. Разореновой въ Тезнѣ	1	?
Бумажная ф-ка Герас. Разоренова въ Тезнѣ	1	?
Итого	18	381

Такимъ образомъ, *всего къ концу 50-хъ гг. известно 11 заведеній, примѣнявшихъ парь, въ нихъ было 18 машинъ съ болѣе чѣмъ 380 силами.* Быть можетъ, примѣнялись паровыя машины и еще гдѣ нибудь, но во всякомъ случаѣ почти во всѣхъ производствахъ еще господствовала ручная работа. Единственной отраслью, гдѣ въ это время прочно завоевывала себѣ положеніе паровая машина, было льнопряденіе, но эта было *sine qua non* возрожденія льняной промышленности. Въ хлопчатобумажной промышленности дѣлались лишь первые

¹⁾ Напрям., не разъ цитированныхъ юбилейныхъ описаній фабрикъ.

²⁾ Если не ошибаемся, лѣсоилка Линева была первой паровой лѣсоилкой въ Костром. губ. Возникла она въ 1859 г. (см. Костр. губ. Вѣд. 1859 г. № 3).

шаги по примѣненію въ производствѣ пара: въ 1855 г. поставлены паровыя машины на 2-хъ фабрикахъ Разореновыхъ въ Тезинѣ и въ 1857 г.—на фабрикѣ Коновалова въ Бонячкахъ.

Итакъ, *значительный ростъ производства и появленіе пара—такими чертами характеризуется состояніе промышленности въ самый канунъ крестьянской реформы. Но было еще нечто, что также для нея было характернымъ. Это—примѣненіе почти исключительно наемнаго вольнаго труда.*

Полстолѣтія до того фабриканты крѣпко стояли на точкѣ зрѣнія выгодности крѣпостного труда. Еще въ Екатерининской комиссіи костромскіе фабриканты заявляли, что «безъ собственныхъ крестьянъ привести фабрики въ лучшее состояніе невозможно». «Къ тому же—прибавляли они—за размноженіемъ полотняныхъ фабрикъ и вольныхъ людей недостаетъ». О томъ же просили и жители Нерехты: «понеже безъ крѣпостныхъ людей никоимъ образомъ заводовъ и фабрикъ содержать не можно» ¹⁾.

Вольнонаемный трудъ.

Черезъ 50 л. картина рѣзко мѣняется. *Развитіе оброчной системы и ростъ отложивъ промысловъ создали обширный контингентъ вольнонаемныхъ рабочихъ. вмѣстѣ съ тѣмъ выгоды вольнаго труда становятся настолько очевидны, что фабриканты просятъ уже не о правѣ держать крѣпостныхъ, а о списаніи съ нихъ посессионныхъ крестьянъ, какъ просилъ объ этомъ, напр., нерехтскій фабрикантъ Темеринъ.*

Къ концу 50-хъ л. на всѣхъ фабрикахъ и заводахъ вольнонаемный трудъ получаетъ окончательное преобладаніе. Вся обширная хлопчатобумажная промышленность создавалась за счетъ вольнаго труда, и въ этомъ обстоятельстве былъ, конечно, одинъ изъ залоговъ ея быстрого расцвѣта. Крѣпостной трудъ уцѣлѣлъ только въ немногихъ заведеніяхъ, и число крѣпостныхъ пошло среди вольныхъ людей ²⁾. Насколько къ концу 50-хъ гг. свободный трудъ сталъ экономически

¹⁾ Туганъ-Барановскій. 30.

²⁾ До реформы крѣпостной трудъ сохранился только на посессионной пшенично-бумажной фабрикѣ Вишневаго въ Адищевѣ, Кинешемскаго у.—здесь всѣ 227 рабочихъ были изъ крестьянъ владѣльца—и на салфеточной генеральши Менгденъ въ с. Никольскомъ, Кинешемскаго у. (51 раб.). На механическомъ заводѣ Шниова изъ 920 числившихся по списку рабочихъ только 15 были крѣпостными владѣльца.

необходимъ, объ этомъ свидѣтельствуемъ слѣдующій примѣръ: на фабрикѣ Менгденъ работа исполнялась по большей частию дворовыми женщинами *съ платой по вольной цѣнѣ для поощренія.*

Евг. Дюбюкъ.

Ученичество въ отхожемъ малярномъ промыслѣ въ Воскресенской волости Галическаго уѣзда.

(По книгамъ договоровъ и сдѣлокъ за 1866—95 г.).

Воскресенская волость Галическаго уѣзда, имѣетъ населенія до 5700 человекъ обоего пола и по характеру своему скорѣе можетъ быть названа отхоже-промысловой, чѣмъ земледѣльческой. Въ каждомъ изъ семи сельскихъ обществъ, составляющихъ эту волость, встрѣчаешь по нѣскольку десятковъ разнаго рода промышленниковъ, главнымъ же образомъ маляровъ, которые уходятъ на лѣто въ Петербургъ, Казань, Нижній и другіе города.

По даннымъ волостного правленія за 1911 годъ общее количество уходящихъ на промыслы равнялось 895 человекамъ — изъ нихъ 544 маляра, 133 плотника и 120 стекольщиковъ; изъ остальныхъ профессій заслуживаютъ упоминанія портные (49 человекъ) и штукатуры (27 человекъ). Въ общемъ, третья часть всего мужского населенія уходитъ на лѣтамъ изъ деревни, а по отношенію къ взрослому мужскому населенію эта цифра опредѣлится въ 50—70%. Три основныя промысла — малярный, стекольный и плотничій — существуютъ въ волости съ давнихъ лѣтъ и по традиціи передаются въ каждомъ семействѣ отъ отца къ сыновьямъ. Обычно начинаютъ обучать мастерству лѣтъ съ 12—14, или отдавая мальчика въ эти годы въ ученіе къ мастеру — подрядчику, или самъ отецъ, уходя въ городъ, забираетъ съ собой сына, который черезъ 2—3 лѣта становится подмастерьемъ и уже самостоятельно поступаетъ къ хозяину. За послѣднія 10—15 лѣтъ встрѣчается чаще вторая форма обученія мастерству, т. е. самимъ отцомъ, между тѣмъ какъ въ прежніе годы, повидимому, большіе отдавали въ ученіе постороннимъ. Можетъ быть, это послѣднее обстоятельство показываетъ, что отхо-

жій промыселъ—въ частности малярный—не только не упадетъ, но развивается здѣсь еще сильнѣе. Условія, на которыхъ отдавались мальчики въ ученье, представляютъ не мало интереснаго, и въ настоящей своей замѣткѣ я и хотѣлъ-бы остановиться на обрисовкѣ этихъ условій, воспользовавшись для этой цѣли договорами и сдѣлками, записанными въ книгахъ волостного правленія, просмотрѣнных мною за 46 лѣтъ, т. е. съ 1866 года.

Большая часть найденныхъ мною договоровъ объ отдачѣ мальчиковъ въ ученье относится къ первымъ 20—25 годамъ, а начиная съ 1896 года договоры этихъ совѣтъ не встрѣчаемъ. Разумѣется, въ книгахъ записана лишь небольшая часть случаевъ отдачи мальчиковъ, но и по имѣющимся въ нихъ даннымъ можно составить себѣ довольно ясное представленіе объ условіяхъ, на которыхъ происходила отдача въ ученики будущаго мастера. Приведу цѣликомъ одинъ изъ самыхъ старинныхъ договоровъ, встрѣтившійся мнѣ въ книгѣ 1866 года.

«1866 года 12 февраля. Крестьянка д. Язвицы Θεодора Иванова заключила условіе съ крестьяниномъ деревни Соцевина Антономъ Ивановымъ въ нижеслѣдующемъ: 1) я, Θεодора Иванова, отдала ему, Антону Иванову, сына своего Ивана Васильева для обученія малярному и стекольному мастерству впредь на 4 года съ тѣмъ, чтобы въ продолженіи этого времени выучить его окончательно; 2) я, Антонъ Ивановъ, мальчика Ивана Васильева обязуюсь окончательно выучить малярному и стекольному мастерству въ продолженіи 4-хъ лѣтъ и, по отжитіи сего срока, я Антонъ Ивановъ, долженъ выдать мальчику Васильеву деньгами 20 руб. сер. и завести новыи дубленый полушубокъ и кожаные сапоги; 3) во время нахождения мальчика Ивана Васильева въ ученіи обуви, бѣлье и портомойное, а также и все содержаніе должно быть мое, А. Ив., а верхнее и нижнее платье должна доставлять его мать, Θεодора Иванова; 4) Во все время нахождения въ ученіи мальчикъ Ив. Вас. долженъ быть въ повиновеніи и послушаніи у меня, А. И., и если мною замѣченъ будетъ какой-либо поступокъ, то я воленъ наказать его; 5) условіе сіе съ обѣихъ сторонъ выполнить свято и нерушимо».

Этотъ договоръ является типичнымъ для сдѣлокъ подобнаго рода. Всюду необходимое условіе составляетъ отдача не менѣе какъ

на 2 года, *уплата роднымъ мальчика* нѣкоторой суммы и принятіе хозяиномъ обязательства сшить мальчику ту или иную одежду. Конечно, въ различныхъ случаяхъ размѣръ принимаемыхъ хозяиномъ на себя обязательствъ будетъ различный, въ зависимости отъ возраста мальчика, его физическихъ и духовныхъ качествъ, поскольку они извѣстны подрядчику, наконецъ, отъ матеріальнаго положенія родителей мальчика. Договоръ явится какъ-бы равнодѣйствующей всѣхъ этихъ условій, будучи болѣе выгоднымъ то для одной, то для другой стороны. Но все-же сущность его одинакова во всѣхъ случаяхъ, и мнѣ встрѣтилась только одна сдѣлка въ 1893 году, въ которой ничего не было сказано о жалованьи, уплачиваемомъ мальчику или его родителямъ, по окончаніи имъ курса ученія. Былъ отданъ мальчикъ 14½ лѣтъ на 2½ года въ Нижній-Новгородъ; нища, обувь, одежда, дорога и пр.—хозяйскія; вся одежда и обувь, въ которой мальчикъ былъ при службѣ, поступаетъ въ его пользу, но о жалованьи—ни слова. Однако, возможно, что родители мальчика раньше уже получили отъ подрядчика деньги или должны были ему, и этотъ долгъ пошелъ въ уплату, безъ упоминанья о немъ въ договорѣ.

Размѣръ жалованья большею частью колеблется въ предѣлахъ 10—16 рублей въ годъ. Такъ, въ 60-хъ годахъ встрѣчаемъ такіе случаи: на 4 года—за 20 руб.; 3½ — 30 руб.; на 2 года—10 руб.; мальчикъ 15 лѣтъ на 3½ года—25 р.; 16 лѣтъ на 3½ года—за 30 р. Въ 70-хъ годахъ—мальчику 13 лѣтъ назначено 10 р.; два мальчика 11 лѣтъ и 13 лѣтъ на 3 года 8½ мѣс. за 60 руб.; 12 лѣтъ на 3½ года—35 руб.; 2 года 8 мѣсяцевъ—50 руб.; 2 года 8½ мѣсяцевъ — 55 руб.; 13 лѣтъ на 3 года 8½ мѣсяцевъ — 45 руб.; 13 лѣтъ на 4 года—за 60 руб.; 14 лѣтъ на 2½ года—за 30 р.; меньше 11 лѣтъ, по стеклянному, на 3 года 8½ мѣсяцевъ—23 руб.; 14 лѣтъ на 1 годъ 7 мѣсяцевъ—за 10 руб.; 12 лѣтъ на 3 года—за 30 руб.

Въ 80-хъ годахъ находимъ также нѣсколько случаевъ отдачи мальчиковъ: 13 лѣтъ на 3½ года — за 40 р.; 12 лѣтъ на 3½ года — за 40 руб.; 12 лѣтъ на 2½ года—за 40 р.; 13 лѣтъ на 2½ года — за 35 руб.; 15 лѣтъ на 2½ года — 27 р. (1892 года); 12 лѣтъ на 3½ года за 40 рублей. Хотя количество указанныхъ случаевъ и не такъ велико, чтобы на основаніи ихъ дѣлать какія либо заклю-

ченія, но все же, сравнивая «жалованье», получаемое мальчиками по отживѣ, не трудно видѣть, что во второй половинѣ 60-хъ годовъ оно было значительно меньше, чѣмъ въ слѣдующее десятилѣтіе, а въ 80-хъ и 90-хъ годахъ нѣсколько больше, чѣмъ въ 70-хъ. Такъ, взявъ общую сумму выплаченнаго хозяевами жалованья и раздѣливъ ее на число проведенныхъ въ ученыя лѣтъ, получимъ для шестидесятихъ годовъ среднюю—въ 7 р., семидесятихъ—11 р. и восьмидесятихъ и девяностыхъ годовъ—12 руб. 50 коп., если исключить указанный выше случай отдачи мальчика безъ всякаго жалованья (въ 1893 году) и еще одинъ случай, когда 15-лѣтній мальчикъ былъ отданъ на 3 года въ ученье, при чемъ первые 2 года безъ полученія денежной платы, а за 3-е лѣто—20 руб. (1891 года); что послѣдній случай не характеренъ, показываетъ, между прочимъ, оговорка, сдѣланная при заключеніи условія: «если сынъ Якова Федотова Селиверстова, проживши два лѣта у меня, Смирнова, а на 3-е лѣто не пожелаетъ поступить ко мнѣ, то Я. Федотовъ, *обязанъ уплатить* мнѣ, *В. Смирнову*, 20 руб.» Изъ этой оговорки можно, повидимому, заключить, что «пользу» отъ ученика хозяинъ начинаетъ получать лишь въ послѣдній годъ, такъ какъ, въ случаѣ ухода ученика, онъ не только ничего не платитъ, но еще беретъ съ ученика за два года, прожитые тѣмъ у него.

Размѣръ «жалованья», выплачиваемаго мастеромъ, зависитъ также и отъ того, какую именно одежду и обувь дастъ хозяинъ ученику, какъ во время проживанія у него, такъ и по окончаніи срока ученія, а также, на чей счетъ относится дорога въ городъ, кто платитъ за выправляемый мальчику паспортъ и пр.

Перевести на деньги эти расходы и сравнить ихъ по десятилѣтіямъ не представляется возможнымъ, и я приведу только нѣсколько данныхъ, иллюстрирующихъ заключаемые договоры съ этой стороны.

Такъ, по сдѣлкѣ 1866 г. отецъ долженъ собрать мальчика въ дорогу, дать полушубокъ, кафтанъ, сапоги, шапку, и на мѣсто доставлять мальчику по 3 пары рубахъ; прочая же одежда и обувь отъ хозяина, а по отжитіи хозяинъ обязуется завести мальчику вновь всю одежду, дубленый полушубокъ и синій верхній кафтанъ, сапоги, шапку, рубанку (жал. 30 р., 3½ года).—Въ другомъ слу-

чаѣ находимъ — содержаніе, баня, портомойное, обувь и паспортъ — хозяйскіе, а одежда, верхняя и нижняя — родителей мальчика, также отправка, т. е. снаряженіе и проѣздъ — родителей (1867 г., жал. 10 р. на 2 года). Это, кажется, наиболѣе выгодная для хозяина сдѣлка: въ большинствѣ же случаевъ одежда и обувь хозяйскія, и иногда, какъ въ выше приведенномъ случаѣ, хозяинъ при отживѣ обязанъ справить ученику все *новое*; во всякомъ случаѣ ученикъ уходить отъ хозяина въ его одеждѣ, хотя-бы той, которую носилъ онъ во время проживанія у него. По словамъ мѣстныхъ крестьянъ, въ прежніе годы хозяева водили учениковъ «въ отренѣѣ». теперь же этого нельзя, такъ какъ полиція слѣдитъ и если замѣтитъ на улицѣ оборваннаго ученика, спрашиваетъ, чей онъ, и заставляетъ хозяина «одѣвать прилично». Конечно, все это очень условныя понятія и насколько «прилично» водить теперь хозяева учениковъ, сказать трудно.

Итакъ, *обязанности* хозяина сводились къ тому, что онъ бралъ мальчика на нѣсколько лѣтъ, б. ч. 2¹/₂—3¹/₂ года, въ теченіе которыхъ долженъ былъ обучить мальчика ремеслу, содержать его, одѣть и обути (не полностью), иногда оплатить дорогу, выправлять паспортъ и справить новую одежду, при отжитіи, и наконецъ уплатить условленное жалованье, при чемъ оно уплачивалось или ежегодно, или сразу по окончаніи срока ученія. Другая сторона, ученикъ, тоже имѣла извѣстныя обязательства по отношенію къ хозяину, которыя рѣдко оговаривались въ договорѣ, но подразумевались сами собой. Однако въ нѣкоторыхъ договорахъ обязанности эти перечислялись или коротко указывались. Такъ, въ одномъ договорѣ читаемъ: «мальчикъ долженъ вести себя честно, скромно, въ обхожденіи съ хозяевами вѣжливо и не заниматься пьянствомъ, къ работѣ быть рачительнымъ»... Въ другой сдѣлкѣ находили еще болѣе подробное изложеніе обязанностей ученика... «И отдаю съ тѣмъ я, Федоровъ, чтобы сыну моему отъ хозяина до срока не отходить и хозяину до срока Николаева не отсылать. Ученику хозяина слушаться, безъ спроса съ квартиры хозяина не отлучаться; за ослушаніе или какіе непорядки по работѣ или баловство *хозяину* должно его по *дѣтски* наказать, ученику вести себя скромно, не ослушаться хозяина и быть ему послушнымъ» (1869 г., 16 л. мальч. на 3¹/₂ г. за 30 р.).

Наконецъ на практикѣ могъ встрѣтиться важный вопросъ о болѣзни ученика и въ вѣкоторыхъ договорахъ онъ также предусматривался и разрѣшался въ томъ смыслѣ, что мальчикъ имѣлъ право, безъ всякаго ущерба для себя, хворать лишь извѣстный періодъ времени, б. ч. два мѣсяца, въ противномъ же случаѣ долженъ былъ зажить впоследствии «прохворное время». Такъ, въ одномъ изъ пунктовъ договора 1866 г. встрѣчаемъ такую фразу: «если-же мальчикъ по волѣ Божіей въ теченіе сего срока прохвораетъ значительное время, то обязанъ хозяину зажить оное послѣ срока, а хозяинъ прохворнаго времени обязанъ принять на себя не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ въ теченіе сего срока (изъ 3¹/₂ л., т. е. недѣли двѣ за годъ). Такія же оговорки попадаются и въ другихъ договорахъ.

Итакъ, важнѣйшей обязанностью ученика было повиновеніе хозяину, исполненіе всѣхъ его требованій. Было бы совершенно ошибочно думать, будто отданный въ ученіе мальчикъ обязанъ выполнять только тѣ работы, которыя имѣютъ отношеніе къ его мастерству. Этого не могло быть уже, по одному сезонному характеру такого промысла, какъ напр., малярный, которымъ занимаются лишь нѣсколько мѣсяцевъ въ году. Между тѣмъ, мальчикъ отдается на 2—3 года, въ теченіе которыхъ онъ живетъ все время у хозяина — и лѣто, и зиму. Чтобы окушать всѣ расходы, соединенные съ содержаніемъ мальчика зимой, когда малярной работы нѣтъ, хозяинъ пользуется его рабочей силой по своему усмотрѣнію. Мальчикъ употребляется имъ или для разныхъ услугъ по дому или отдается въ услуженіе кому либо, часто въ трактиръ, булочную и т. п. Вообще мальчикъ не имѣетъ права отказываться, чтобъ-бы хозяинъ не заставилъ его дѣлать, конечно, изъ дѣстнаго ему по возрасту. Можно даже сказать, что въ дѣйствительности самое *обученіе мастерству* занимаетъ гораздо меньше времени, чѣмъ назначаемый хозяиномъ срокъ въ 3 года, и первый годъ мальчики научаются очень немногому. Перѣдко хозяинъ заставлялъ ихъ всѣ дни сидѣть за колесомъ, при помощи котораго растираютъ краску. Конечно, извѣстнаго рода навывъ, чисто техническая сноровка развиваются тѣмъ лучше, чѣмъ дольше ученикъ занимается мастерствомъ, вѣр-

нѣе сказать, подсобными работами по мастерству; но изъ толковаго, нелѣпнаго мальчика хорошій мастеръ можетъ выработаться и за два лѣтнихъ сезона, и масса щелчковъ, колотушекъ и зуботычинъ, получаемыхъ учениками за три года жизни въ домѣ хозяина, являются вовсе ненужнымъ дополненіемъ къ проходимому курсу наукъ, дополненіемъ, котораго, однако, рѣдко кому изъ учениковъ удастся избѣжать. Какъ мы видѣли выше одинъ изъ договоровъ, даже прямо предоставляетъ хозяину право «наказывать по дѣтски», при чемъ въ данномъ случаѣ шла рѣчь уже о 16-ти лѣтнемъ юношѣ; по отношенію же и 11—14 лѣтнимъ «шарнишкамъ» право хозяина наказывать настолько безспорно, что о немъ не зачѣмъ и говорить при заключеніи условій. Выше мы видѣли также, что право мальчика быть больнымъ весьма ограничено: за все время жизни у хозяина онъ можетъ хворать не болѣе 2-хъ мѣсяцевъ, а излишнее «прохворное время» зажитъ хозяину впоследствии. Между тѣмъ понятно, что взятый изъ деревни мальчикъ можетъ часто и по долгу хворать въ совершенно необычныхъ для него условіяхъ работы въ мастерской, особенно въ Петербургѣ, гдѣ ко всѣмъ неблагоприятнымъ условіямъ такой работы присоединяется еще сырой петербургскій климатъ. О томъ, что творится въ различнаго рода мастерскихъ даже сейчасъ, какіе ужасы открываетъ порой тамъ то инспекція, то столичная пресса, хорошо извѣстно каждому; недаромъ же ученики мастерскихъ даютъ такъ много случаевъ самоубійствъ и покушеній на самоубійство. Въ прежнее время эти условія жизни учениковъ были конечно, не слаще. И самая наличность этого пункта въ договорѣ—о правѣ болѣть не свыше опредѣленнаго періода времени—указываетъ на то, что заболѣваніе учениковъ вовсе не исключеніе, а какъ бы неизбѣжное условіе при обученіи ихъ мастерству. Но здѣсь заслуживаетъ вниманія еще одна сторона, о которой могутъ знать лишь немногіе. Нерѣдко бываетъ, что мастера-хозяева отдаютъ учениковъ для оказанія такихъ «услугъ», которыя кончаются очень плохо для мальчиковъ. Такъ напр., отъ мѣстныхъ крестьянъ приходилось слышать, что мальчиковъ заставляютъ помогать «кошатникамъ», а тѣ посылаютъ ихъ воровать котовъ, за что, конечно, сильно избиваютъ попавшихся на мѣстѣ преступленія.

Промыселъ «кошатниковъ» вообще весьма добронятенъ самъ по себѣ, но здѣсь я указываю на него лишь какъ на одну изъ формъ, въ которыхъ проявляется обязанность для ученика «быть въ полномъ повиновеніи хозяину». Здѣсь онъ зарабатываетъ хозяйскіи хлѣбъ не только своими руками, но и въ буквальномъ смыслѣ слова своими боками, перѣдко неся послѣдствія перенесенныхъ побоевъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Случается даже, что пойманыхъ въ воровствѣ «кошатниковъ» убиваютъ до смерти (какъ въ деревняхъ конокрадовъ).

Таковы условія «обученія мастерству» будущаго маляра. За послѣднее время, какъ уже указано выше, въ Воскресенской волости рѣже встрѣчаемъ случаи отдачи сыновей мастерамъ, а обычно самъ отецъ, уходя на работу, забираетъ съ собою того изъ сыновей, котораго хочетъ «пустить по своей части», а иногда и нѣсколькихъ изъ нихъ.

Пройди курсъ своей науки, мальчикъ становится уже подмастерьемъ и пытается свои силы самостоятельно, отправляясь въ городъ на поденную работу, или чаще поступаетъ къ кому нибудь изъ хозяевъ.

Въ нашемъ матеріалѣ можно найти нѣсколько договоровъ, заключенныхъ уже взрослыми малярами съ панявшимъ ихъ хозяиномъ. Укажу сначала два случая, когда взрослые уже сыновья были отданы еще своими отцами. Въ 1881 г. царевъ 17 л. былъ отданъ въ Петербургъ—за 55 руб. срокомъ съ апрѣля по ноябрь, т. е. на 8 мѣс. Въ 1880 г. отецъ отдаетъ сына 21 года въ услуженіе по *стекольному* мастерству, въ Шую, съ 15 марта по 15 ноября—за 60 руб.: дорога и паспортъ—на свой счетъ. Безъ указанія возраста, въ тѣхъ же 80-хъ годахъ, находимъ еще случаи найма па лѣто за 60 руб. (въ Пермь, по стекольному), за 65 руб. (въ Шую) и за 110 руб. подмастерьемъ по малярному мастерству, въ Гатчину. Въ 60-хъ годахъ находимъ четыре случая найма—за 50 руб. съ марта по 14 ноября, за 70 р. съ 15 марта по 8 октября; за 70 руб. съ первыхъ чиселъ марта до 14 ноября и за 80 руб. съ 1 апрѣля по 22 октября. Отбрасывая случай поступленія въ Гатчину, какъ слишкомъ выделяющійся по высокой оплатѣ труда, видимъ, что, въ среднемъ, маляръ получаетъ въ лѣтній сезонъ 60—80 руб., т. е.

по 8—11 руб. въ мѣсяцъ, конечно, на хозяйскихъ харчахъ. Объя условіяхъ, на какихъ нанимаются маляры, можно судить по слѣдующему договору. заключенному крестьяниномъ д. Шалино, Константиномъ Андреевымъ, съ крестьяшиномъ д. Малафеево, Афанасиемъ Васильевымъ Колобовымъ. К. А. «поярился къ К-ву въ работники по производству занимаемымъ мною малярнымъ и стекольнымъ мастерствомъ на текущее лѣто (1866 г.) съ первыхъ чиселъ марта до 14 ноября 1866 г. за 70 руб. на слѣдующихъ условіяхъ: 1) во все время проживанія обязуюсь вести себя честно и скромно, къ работѣ прилежно, нѣлѣбно и въ обхожденіи со всѣми вѣжливо; 2) обязуюсь вести себя постоянно во всякое время въ трезвомъ видѣ, отнюдь не въ пьянствѣ, не долженъ являться къ хозяину въ пьяномъ видѣ и не говорить въ квартирѣ во время обѣда или ужина неприличныхъ вздорныхъ словъ и не противорѣчить хозяину. 3) въ воскресные и праздничные дни по приказу хозяина на работу и не долженъ отказываться, безирекословно исполнять оную, какъ и въ прочіе дни, и безъ спроса хозяина съ квартиры не отлучаться, за каждый мой проступокъ я дозволю изъ числа моего жалованья вычитать по 1 руб. сер.; штрафа за каждый прогульный нерабочій день по 3 руб. сер. за день, а по болѣзни за прохворные дни по расчету времени, въ какое можетъ быть по мѣсяцамъ разложено жалованье; 4) я, К. А., долженъ работать въ своей одеждѣ и обуви, во время житья бани и бѣлье мое и акцизъ въ ремесленную казну отвѣтственность лежитъ на мнѣ; работать, во всѣхъ вышеозначенныхъ пунктахъ обязуюсь быть исполнительнымъ и хранить сіе условіе свято и нерушимо». И другія условія носятъ такой же характеръ, съ нѣкоторыми варіаціями.

За послѣднія 25 лѣтъ мы вовсе не встрѣчаемъ заключенныхъ въ волостномъ правленіи договоровъ о наймѣ, можетъ быть, отчасти потому, что работаютъ теперь больше поденно, а отчасти, быть можетъ, прежніе вѣтievатые договоры смѣнились законными рабочими книжками, на основаніи правилъ о наймѣ рабочихъ. Есть и еще причина, почему въ волостныхъ книгахъ договоровъ и сдѣлокъ сейчасъ не встрѣтишь условій, подобныхъ вышеозначенному: хозяева-подрядчики живутъ большею частію въ городахъ, и тамъ, повидимому, производятъ и наемъ на работы; прежде же нерѣдко можно

было встрѣтить ихъ въ деревняхъ, и лишь постепенно, за долгій періодъ времени, увольнялись изъ общества тѣ или иные изъ нихъ, перечисляясь въ мѣщане, а иногда и купцы.

С. Барыковъ.

Народныя сказки Костромской губерніи,

записанныя въ 90-хъ годахъ XIX ст. свящ. А. Андрониковымъ.

Свящ. Александръ Степановичъ Андрониковъ (1869—1894) родился въ селѣ Пыщугѣ, Ветлужскаго уѣзда, окончилъ курсъ въ Костромской семинаріи и былъ священникомъ сначала въ с. Медвѣдихѣ, Варнавинскаго у., а потомъ въ с. Пальиномъ, Челпановской вол., Костромскаго у., гдѣ и скончался на 26-мъ году жизни.

Ставъ священникомъ, по собственному призванію, лишь потому, что это была единственная дорога, открывшаяся передъ нимъ по выходѣ изъ семинаріи. А. С., тѣмъ не менѣе, отнесся къ выпавшей на его долю службѣ не формально, не только какъ къ средству къ существованію, а вложилъ въ нее душу и стремился воплотить въ своей жизни идеаль «іерея—апостола, не нмущаго ни шпы, ни посоха, ни двухъ одеждъ».

А. С. обладать недюжинными способностями, но заботы, связанныя со службой, необеспеченность, отсутствіе литературныхъ связей и наконецъ—ранняя смерть не дали ему выступить на литературное поприще, къ которому онъ стремился. Почти все написанное имъ осталось не напечатаннымъ, кромѣ бытовыхъ очерковъ, помѣщенныхъ подъ заглавіемъ «Баковщина» въ № 18 «Костр. Еп. Вѣд.» за 1889 г. Кромѣ многочисленныхъ стихотвореній послѣ покойнаго осталось нѣсколько рукописей, въ томъ числѣ литературные очерки подъ названіемъ «Страницка изъ жизни духовенства», впоследствии попавшіе въ чужія руки и утраченные, и дневники, относящіеся къ его юношескому періоду и первымъ годамъ служенія.

Тепло написанный другомъ покойнаго, свящ. А. Говорковымъ некрологъ А. С. Андроникова напечатанъ въ № 16 «Костр. Еп. Вѣдом.» за 1894 годъ.

Настоящія сказки, записанныя А. С. въ с. Медвѣдихѣ въ 1888—89 гг. и сохраненныя его вдовой, Александрой Васильевной, когда то очень заинтересовали покойнаго писателя В. В. Лесевича, который въ началѣ 90-хъ годовъ сдѣлалъ, безуспѣшную по тогдашнимъ цензурнымъ условіямъ, попытку къ ихъ напечатанію.

Ни то, ни се.

Жилъ-былъ солдатъ. Звали его «Ни то, ни се». А за то его такъ звали, что былъ онъ человекъ ни плохой, ни хорошей, ни храбрый, ни робкій, ни пьяница, да и выпить любилъ, одно слово былъ онъ «Ни то, ни се».

Когда онъ умеръ, оставилъ послѣ себя стариковъ-родителей, жену-бабу еще молодую, да двухъ сынковъ-малолѣтчиковъ: одного по шестому году, другого по четвертому.

Нужно было солдатику на томъ свѣту мѣсто отвести, какое онъ себѣ заслужилъ; ежели много нагрѣшилъ,— адъ кромѣшнѣй, а коли Богу угодилъ, то рай пресвѣтлѣй. И вышло на повѣрку, что и на томъ свѣту онъ «ни то, ни се», значитъ, изъ грѣшныхъ по-выбился, да и въ праведные не попалъ. Куда его дѣвать? Думали, думали и поставили солдата у райской калитки на караулѣ стоять; должность-де ему уже знакомая, къ тому же и пріятная: дѣть, дѣть, да и доносится до него по вѣтерку изърая ангельское шѣніе.

Стоитъ солдатъ на караулѣ. И пришла къ калиткѣ Смерть Красная: одинъ косякъ въ саванѣ бѣломъ, на плечѣ большая коса, которой людей косить. Солдатъ сперва оробѣлъ, а потомъ подумалъ: «чего мнѣ бояться»? Я ужъ умеръ, значитъ не ко мнѣ пришла. Подтянулся, окликнулъ: «кто идетъ»? — Это я — Смерть Красная, пришла у Истиннаго Христа себѣ дѣла просить. Можно ли мнѣ въ рай войти? Видитъ солдатъ, что Смерть вовсе не страшна: рѣчь такая тихая, смиренная; набрался храбрости и говоритъ: «Не время, сударыня, обожди малость, а то ежели по скорости нужно, посиди тутъ, я о тебѣ доложу». Доложи, солдатикъ, и отдохну цемного, изустала... Вошелъ солдатъ, докладываетъ, что пришла Смерть Красная, себѣ работы просить. И говоритъ на это Истинный Христосъ: «Пусть этотъ годъ смерть косить дряхлыхъ стариковъ да старухъ».

Пошелъ солдатъ назадъ, а самъ раздумался: «ну, не сдобровать моимъ родителямъ, пришелъ ихъ чередъ, давно ужъ имъ сюда перебираться нужно. Эхъ, умрутъ, — худо будетъ: закуритъ моя Домца безъ стариковъ-то. Еще и при мнѣ она извадку пошлѣла, извѣстно, — солдаткино дѣло мірекое... А при старикахъ все бы получше... Что, развѣ обмануть косяную-то? Авось не сдоганется».

Растолкалъ солдатъ Смерть Красную; та, было, вздремнула. «Слушай приказъ», говоритъ: «вотъ тебѣ дѣло на годъ: поди по болотамъ, собирай тамъ колоды да носи ихъ въ кучу!» Подивилась Смерть: отъ роду этого дѣла у ней не бывало, и не домекнулась, что этотъ приказъ не отъ Истиннаго Христа, а солдатомъ выдуманъ. Дѣлать нечего — пошла. Кое какъ годъ прошелъ. Гнилыя колоды падофли, измаяли бѣдную. Иную только возьметъ, она вся трухлявая, развалится, какъ ее въ кучу нести? Черезъ годъ Смерть опять у калитки, въ рай просится о новой работѣ узнать. Солдатъ и пустилъ бы, да думаетъ: а ну какъ пожалуется? Будетъ мнѣ нахло-

бучка. «Отдохни, голубушка, говоритъ онъ, будто жалѣючи, устала— твое дѣло не легкое. И за тебя справлюсь, посиди тутъ». И пошелъ докладывать, что пришла Смерть, на годъ просить себѣ работы. «Пусть на этотъ годъ губить она людей молодыхъ и здоровыхъ,— говоритъ Истинный Христосъ».

Упало солдатское сердце. И радъ бы онъ съ Домной повидаться, да и то думаетъ: все равно вмѣстѣ мы не попадемъ: нечего бабѣ у калитки дѣлать, а дома останутся двое старыхъ да двое малыхъ. Плохо дѣло... и не хонь, да солжешь». Даже осерчалъ на Смерть Красную. «Слушай приказъ,—говоритъ ей въ сердцахъ,— поди на лѣвныя сѣчи и самые здоровые пеня и коренья корчи и клади въ одну кучу». Всплакнула даже Смерть Красная. За что ей такое наказаніе? Однако перечить не посмѣла и пошла свой урокъ исполнять. Прошелъ и этотъ годъ. Долгожь онъ смерти показался. Пни и коренья надсадивѣй колоды были. Идетъ опять къ знакомой калиткѣ. «Нельзя ли, солдатикъ, мнѣ самой доложиться?»

Смекнулъ солдатъ, что опасно Смерть допустить: хоть жаловаться ей и въ голову не приходило, однако хотѣла она Истинному Христу въ ноги пасть и слезно Его умолить, чтобы сжалился и далъ дѣло привычное. А солдатъ себѣ на умѣ, знаетъ, что и безъ жалобъ догадаются о его проказахъ.

«Душой бы радъ, голубушка, тебя допустить, да не велѣно: за что-то на тебя осерчали. А приказали, когда придешь, о тебѣ доложить». Что тутъ дѣлать? Осталась Смерть опять у калитки, слезами обливается. Солдатъ пошелъ докладывать. «На этотъ годъ пусть мезозгу обираетъ!»—задалъ урокъ Истинный Христосъ.

«Годъ отъ году не легче, думаетъ солдатъ, молъ то ребятишки только подросли немного, Васька ужъ боронить, Ванька сѣно подгребаютъ: Домна ему и грабли маленькія купила. Смахнетъ ихъ костявал, какъ былинку, не помилуетъ. Помянуть меня будетъ пекому. Эхъ, совру послѣдній разъ... будь, что будетъ». И говоритъ солдатъ Смерти Красной: «Ну, нынче твоя работа полегче. Велѣлъ тебѣ Истинный Христосъ по зарослямъ лишній мелкій осинничекъ выбирать, людямъ помогать, нынче помилостивѣй сталъ, о тебѣ спрашивалъ, не больно ли худа стала?» Понурила Смерть свою голову и пошла на работу.

И третій годъ минулъ. Не все солдату обманывать. Довелось такъ, что когда Смерть пришла къ калиткѣ, попалась Самому Истинному Христу на очи; въ оконце онъ смотрѣлъ. И такъ-то она переѣнилась, что онъ даже не призналъ ее съ виду, узналъ только по голосу. «Гдѣ ты, Смерть Красная, была? Что дѣлала? Отчего такъ худа стала?»—«Самъ ты, Истинный Христосъ, это знаешь, вѣдаешь. Самъ ты мнѣ скажи, чѣмъ я провинилась? За что немилостивъ? Даешь мнѣ работу неподходящую. Колоды и въ болотѣ бы сгнили, а сѣчи мужики вычистили бы, заросли опять зарастутъ».

И попался солдатъ, къ расправѣ потребовали. За всё его неправды присудилъ ему Истинный Христосъ носить Смерть по землѣ на закрошкахъ (т. е. на плечахъ) цѣлый годъ: пѣшей ей было трудно ходить послѣ той работы, что солдатъ-лгуны давалъ. Дали ему опять человѣческое тѣло, на землю спустили. Любо, не любо,—запрягайся. Тяжеленекъ бывалъ солдатскій рапецъ, а эта ноша не въ примѣръ тошнѣй: костями Смерть плечи натираетъ, а что всего хуже, такъ противно очень.

Зашелъ солдатъ въ кабакъ, выпилъ шкаликъ по старой привычкѣ, купилъ табакерку берестяную, табачкомъ ее насыпалъ; тоже извадка была. Ходить и нюхиваетъ со скуки да съ горя. Смерть Красная не знала, что за табакъ такой, и зачѣмъ люди нюхаютъ. Спрашиваетъ солдата: «Скажи, солдатикъ, что это у тебя?» «Спрось», отрызнулся онъ: «Кто спросить, тому въ голову сбросить». Такъ и не сказалъ. Да пристала Смерть: скажи да скажи. Извѣстно—бабье дѣло—любопытна была. «Рай земной» попутить солдатъ. А та проста и повѣрила. «Что за рай, пусти меня въ земной рай!» Подивился солдатъ ся глупости, думаетъ: посадилъ бы тебя проклятую, лишь бы упряталась. Одолѣла Смерть, все просить: «Пусти меня въ рай земной!» «Не влѣзешь—велика, а носу у тебя нѣтъ, чтобы, по моему, значить», говоритъ солдатъ. «А я комаромъ обернусь», не отстываетъ она.

«Молчи, надоѣла, а не то полѣзай скорѣй!», а самъ и табакерку открылъ, думаетъ: «Добро бы влѣзла».

Смерть помахала косою надъ головой и обернулась комаромъ. Только влетѣла она въ табакерку, солдатъ мигомъ закрыть ее крышечкой, обвязалъ табакерку триплицей покрѣпче и сунулъ за пазуху.

Цѣлый годъ гулялъ солдатъ по землѣ, обзаведясь пріятелями, видѣлся и съ Домной; только та его долго боялась, за мужа долго не признавала. Пуще глазу берегъ онъ табакерку, какъ бы не обтерять. Найдуть—развяжутъ... Нюхать даже пересталъ. Въ тотъ годъ на землѣ никого не умерло.

Незамѣтно время прошло. Пора опять на тотъ свѣтъ. Надо табакерку развязывать... Чуть не задохлась въ табакеркѣ Смерть Красная. Вылѣзла, еле оправилась, и первымъ дѣломъ—хвать солдата своей косой. Умеръ солдатъ и на судъ предсталъ. Хоть и говорилъ онъ, что Смерть сама въ табакерку напросилась, послали его за это въ адъ. Объ одномъ лишь упросилъ солдатъ: дозволили бы ему еще пожить на землѣ недѣлку, дѣткамъ своимъ наказать, чтобы они по отцовскому не дѣлали, его злой доли убоились. Только не къ дѣткамъ онъ пошелъ, а въ лѣсъ и нарѣзалъ тамъ цѣлую ношу лутешекъ (т. е. молодыхъ липокъ, съ которыхъ сдираютъ лыко). «Ну, теперь есть, чѣмъ отъ скуки и въ аду позаняться», говоритъ онъ.

Пришелъ въ адъ, не унываетъ, сѣлъ въ уголокъ, досталъ ножикъ и давай изъ лутешекъ крестикъ вырѣзать. Подошли черти солдата мучить, а солдатъ возьметъ да крестикъ въ нѣхъ и броситъ. Испугались черти, побѣжали, а солдатъ въ договку, всѣхъ разогналъ. Не стало отъ него въ аду житья. Стали Истиннаго Христа просить, чтобы солдата убрать. Дѣлать нечего—вывели. Только куда же его дѣвать? На томъ свѣтѣ такъ-таки онъ и не ужился. И послали его опять на землю: «живи-де, пока не надоѣсть, а намъ тебя не нужно»

(Записано въ Пыщурской вол., Ветлужскаго у.).

Илья Пророкъ Грозный и Никола Милостивый.

Шли по крестьянскому полю Илья Пророкъ Грозный да Никола Милостивый. И дошли они до большой кудлиги, (кудига—полоса) пшеницей засѣяна. Никола засмотрѣлся на хорошую пшеницу. «Смотри, говоритъ, Илья, какая пшеница-то матушка», Илья посмотрѣлъ.—«Хороша, говоритъ. А чья это пшеница, Никола?»—Пшеница эта бѣднаго мужика Марка Терпѣливаго». «Ну такъ я эту пшеницу градомъ побью». «За что, Илья?»—«А не молится мнѣ Марко, ни молебновъ не поетъ, ни свѣчъ не ставитъ», сказалъ Илья. И не сталъ ему Никола перечить, зналъ, что толку не будетъ.

А жалко Николѣ мужика Марка Терпѣливаго; дѣло-то у него бѣдно было. Только и радости у бѣднаго было, что кулига хорошая. Приснился Никола Марку Терпѣливому и говоритъ: «продай ты, Марко, кулигу пшеницы Саввѣ Богатому, не то Илья пророкъ твою пшеницу градомъ побьетъ, а Савва тебѣ большія деньги дастъ».

Послушался Марко Николы Милостиваго и продалъ кулигу Саввѣ Богатому, тотъ давно на эту кулигу зарился и хорошія за нее деньги далъ. Илья того не зналъ и побилъ всю пшеницу градомъ.

И сошлись опять Илья да Никола па крестьянскомъ полѣ. Дошли до побитой кулиги, и говоритъ Илья: «видишь, Никола, какъ я побилъ пшеницу-то, авось Марко будетъ и меня знать!»—«Промѣтился ты, Илья, отвѣчаетъ Никола; ты еще не побилъ, какъ Марко продалъ пшеницу Саввѣ Богатому; у Саввы ты побилъ, не у Марка».— «Ну такъ я въ остатки хорошіи умолотъ положу», говоритъ Илья: «Савва Богатый все мнѣ молится, такъ пусть онъ три снопа на овинѣ сажаетъ, а четвертымъ снопомъ окно затыкаетъ и сберетъ онъ съ этого овина, что и съ настоящаго».

И приснился опять Никола Марку Терпѣливому.

«Возьми, говоритъ, кулигу у Саввы назадъ: въ побитой пшеницѣ онъ не подорожится, а про то не знаетъ, что Илья пророкъ въ остатки чудесный умолотъ положить. И сажай, говоритъ, ты на овинѣ по три снопа, а четвертымъ окно затыкай и снимешь зерна съ такого овина, что съ настоящаго».

Послушался Марко Николы Милостиваго и купилъ кулигу, а Савва ему чуть не даромъ ее отдалъ. Собралъ Марко въ этотъ годъ немалые барыши, такъ, что изъ бѣдноты повыбился.

Сошлись опять Илья да Никола. «Что ты Илья, гнѣвенъ сегодня?» спрашиваетъ Никола.—«А то и гнѣвенъ, что далъ я Саввѣ Богатому умолотъ чудесный, а Савва меня за это еще не благодарить». И говоритъ ему Никола: «Не Саввѣ надо благодарить тебя, а Марку Терпѣливому. Взялъ Марко свое кулигу у Саввы назадъ не за дорого, онъ и умолотомъ воспользовался». И говоритъ Илья:— «Ты, Никола, смута. Видно, что мы ни поговоримъ, ты все Марку пересказываешь: да дойму же я его, коли онъ знаетъ меня не будетъ!»

И приснился Никола Марку Терпѣллову. «Молись, говоритъ. Марко, Ильѣ Пророку, гнѣвнень онъ на тебя за то, что не молишься. Не будешь ему молиться, дойдетъ онъ впередки. Лучше мнѣ не поставь свѣчи или тоненькую принеси, а его первымъ долгомъ уважь».

И молится съ тѣхъ поръ Марко Терпѣливый Ильѣ Пророку да Николѣ Угоднику. А Ильи пророкъ съ тѣхъ поръ и къ Марку милостивъ сталъ.

(Записано въ с. Разгуляй, Медвѣдовской вол., Варнавинскаго у.).

Чего на свѣтѣ не бываетъ?

Жилъ былъ баринъ богатый—пребогатый. Не зналъ онъ куда свои деньги дѣвать. Бѣлъ-ниль сладко, одѣвался нарядно, гостей у него каждый Божій день столько было, что у иныхъ по праздникамъ того не бывало. А все у него денегъ не убывало, еще прибывало.

И захотѣлось разъ барину пошутить надъ мужикомъ-дуракомъ себѣ и гостямъ на потѣху. Призываетъ онъ самаго бѣднаго мужика изъ деревни и говоритъ ему: «слушай, мужикъ! дамъ я тебѣ денегъ цѣлую маленьку (четверикъ) только скажи мнѣ, чего на свѣтѣ не бываетъ? Нынче люди до всего дошли: и на чертѣ ѣздять, и по небу летаютъ, и въ Питеръ по проволокѣ ланти послать можно. Скажи же—чего на свѣтѣ не бываетъ?»

Почесалъ мужикъ затылокъ. «Не знаю, говоритъ, баринъ, кажись и взаправду все на свѣтѣ бываетъ. Дай сроку до завтра. можетъ и вздумаю».

«Ну, пооди, подумай», говоритъ баринъ. «а завтра приходи, отвѣтъ припоси».

Мужикъ до пѣтуховъ не сналъ, все барскую загадку отгадывалъ. Раздумаетъ, такъ и мало ли чего на свѣтѣ не бываетъ, а и то въ умъ придетъ: можетъ это и бываетъ, только я не знаю. Ну, да ладно, скажу на удачу, авось чего и не бываетъ.

На другой день пришелъ онъ къ барину.

— Ну, что, мужикъ, теперь знаешь, чего на свѣтѣ не бываетъ?

— Одного, баринъ, не бываетъ: топоромъ никто не подносяется. ногъ за топорнице не заткнетъ.

Усмѣхнулся баринъ, усмѣхнулись и гости; видятъ: мужикъ-то сѣръ, да умъ-то у него не волкъ сѣбѣль. Надо маленьку отмѣривать. Да баринъ не то денегъ пожалѣлъ, не то хотѣлъ еще надъ мужикомъ пошутить, кто его знаетъ, только и говорить мужику:

— Нашелъ, братъ, что сказать. У насъ подлинно этого не дѣлаютъ, а въ чужихъ земляхъ такъ сплошь да рядомъ. Ступай съ Богомъ до завтра! придумаешь—отвѣтъ принеси.

Продумалъ мужикъ и другую ночь. Что ни надумаетъ—все надежда плохая на барскія деньги. Хитры нѣмцы, думаетъ, у нихъ, можетъ, все бываетъ. Ну, да скажу еще чтонибудь.

Приходить на утро къ барину.

— Ну, мужикъ, все ли на свѣтѣ бываетъ?

— Не все баринъ: баба попомъ не бываетъ, красная дѣвка обѣдни не служить. (Вариантъ: Перегорода (т. е. изгородь) на собаку не ласть). Усмѣхнулись всѣ, только баринъ опять ему денегъ не далъ.

— Нѣтъ, говоритъ, это бываетъ: по нѣмецинѣ и всё такъ. Поди, подумай послѣдній разъ! Скажешь, бери деньги, а то не прогнѣвайся.

Плюнулъ съ досады мужикъ, идучи домой, думаетъ: видно одному только не бывать, чтобы у меня деньги были.

Всетаки черезъ ночь опять идетъ къ барину. Наскажу, думаетъ, ему всякой всячины, можетъ, что и небывальщина будетъ.

— Ну, что хорошенькаго скажешь спрашиваетъ—баринъ. Не узналъ ли, чего на свѣтѣ не бываетъ?

— Все, баринъ, бываетъ, говоритъ мужикъ. Думалъ я, что люди, хоть на небо не попадаютъ, а здѣсь самъ побывалъ, теперь повѣрилъ, что и это бываетъ.

— Какъ же ты на небо попалъ?

— Покойница жена побывать наказывала и подводу за мной выслала: двухъ журавлей въ разнопряжку; уповодомъ доѣхали. Повидался съ ней, съ ребятишками, и къ твоей милости воротился.

— И назадъ съ журавлями?

— Нѣтъ, назадъ я соскочилъ.

— Какъ же ты, мужичекъ, не убился?

— А такъ, что по уши въ землю завязъ, не жестка земля попалась.

— Изъ земли же какъ вылѣзъ?

— Хе!... какъ? а сходилъ домой, принесть лопату, выкопался да и вылѣзъ.

— Не видалъ ли ты на небѣ покойнаго барина, моего родителя?

— Какже, видѣлъ, къ ручкѣ допустить изволили.

— Ну что онъ тамъ дѣлаеть? допрашиваетъ баринъ.

А мужикъ то не будь плохъ, сдогадался и говорить:

— Что покойный баринъ дѣлаеть? да послѣ моихъ ребятишекъ постилки моетъ.

— Врешь, мужикъ-дуракъ! закричалъ баринъ. Того на свѣтѣ не бываетъ, чтобы баринъ у холопа нянчился! Берп деньги, да не мели окошеницы.

Чье мастерство мудренѣе.

Спорилъ разъ нѣмецъ съ русскимъ, чье мастерство мудренѣе. Нѣмецъ былъ часовщикъ, а русскій—простой плотникъ. Закладъ положили по сту рублей. И уговорились, что черезъ недѣлю сойтись вмѣстѣ и при честной компаніи показать всякому свое мастерство. И кто изъ нихъ хитрѣе по своей части работу представитъ, тому и закладъ отдать.

Вотъ прошла недѣля. Пришелъ нѣмецъ, пришелъ и русскій; и народу много собралось, всѣмъ любопытно,—кто кого перехитритъ: нѣмецъ-ли русскаго? или русскій верхъ возьметъ?

Первый сталъ показывать нѣмецъ. Вотъ онъ вынулъ стеклышко и положилъ на столъ, а на это стеклышко изъ маленькой коробочки выпустилъ подкованную блоху. Да, такъ-таки на всѣ шесть ногъ по серебряной подковкѣ и подбилъ! Та по стеклышку прыгаетъ и ножками чикъ, чикъ, чикъ!...

Всѣ диву дались. Ну, хитерь нѣмецъ! Куда тутъ русскому ность совать? Все же ждуть, чѣмъ и плотникъ дивить станетъ. А у него одинъ топоръ за поясомъ.

— Какое, спрашиваютъ, ты издѣліе свое принесть?

— Никакого, говорить. А только покажу я вамъ, какую въ топорѣ вѣрность имѣю.

И велѣлъ онъ принести со двора деревянный чурбашекъ; онъ идучи его примѣтилъ. Завязывайте, говорить, мнѣ глаза, я-де и безъ нихъ обойдусь.

Завязали ему глаза. А онъ лѣвую руку на чурбанъ плашмя положилъ, а въ правую топоръ взялъ и, что есть силы, промежь пальцами рубить началъ, инда на полвершка топоръ въ чурбанъ вязнетъ. Промежь каждымъ пальцемъ не одинъ разъ ударилъ.

Тутъ всё не то что диву дался, а и со страху обмерли. Себя де человекъ искалѣчить, да и денежки кровныя отдать.

Не тутъ-то было. Рубилъ, рубилъ.....

— Будетъ ли? говорить. А то давай де, нѣмецъ, и твою бдоху, клади на чурбанъ..... И и ее топоромъ найду.

Нѣмецъ и спорить не сталъ, закладъ русскому выдалъ.

Наговореный квасокъ.

Въ одной семьѣ никакъ не было ладу. Мужъ то и дѣло жену билъ: не могла она никогда противъ его смолчать. Онъ слово скажетъ, а жена три, онъ три, а та десять. Не возьметъ мужъ словами. колотить жену почнетъ. Не житье было у нихъ, а каторга: ничего то въ гладь не скажутъ, ничего то по людски не сдѣлають. Съ жены синяки такъ и не сходили. Да навернулся къ нимъ добрый человекъ—странникъ прохожій. Мужа не было дома. Баба и почала жаловаться страннику на свою долю горемычную, на мужа-лиходѣя.

«А ты бы, умница, и смолчала», присовѣтовалъ странникъ.

«Такъ и стала молчать противъ врага», говоритъ баба.

«Вотъ прѣдетъ онъ, окаянный, изъ лѣсу, зарычитъ, какъ звѣрь: и обѣдать давай!... и онучи сухія носи!... и лошади сѣна дай!... Да все чтобы живо ему. Не разорваться же мнѣ. Охъ, ужъ доля моя такая горемычная. Ты, Божій человекъ, не знаешь ли вотъ заговора, какъ моего врага усмирить, чтобы не дрался то онъ? На квасокъ не пошепчешь ли? или на воду?»

Странникъ подумалъ и говоритъ:

— Знаю. Пожалуй пошечу тебѣ на квасокъ... А ты, какъ прѣдетъ мужъ, да начнетъ браниться, возьми этого квасу въ ротъ и держи во рту, не глотай, не выплевывай.

Коди послушаешь меня,— помяни мое слово,— перестанетъ драться.

Пошенталъ странникъ на квасокъ и пошелъ своей дорогой.

Прѣхалъ мужъ изъ лѣса усталый и закричалъ:

— Обѣдать! Живо, поворачивайся!...

Жену такъ и подмываетъ сказать ему: «Погоди де, не торонишь: у меня и щи то не упрѣбли». Да сказать то ей ничего нельзя: квась во рту. Мужъ ѣсть недоваренныя щи, а самъ бранится.

«Я какъ собака усталъ, а она только устряпалась. И что здѣсь дѣлала, тѣнища проклятая». Жена все молчитъ, боится квась выпустить. Мужъ пересталъ ругаться и ни разу жены не ударилъ, а пообѣдалъ и улѣзъ на полати.

На другой день та же исторія. Мужъ бранится, а жена молчитъ. Мужъ съ дива пропалъ, что съ женой сдѣлалось? Ну, и его совѣсть зазрела: что де я лаюсь? Пересталъ не то что драться, а и браниться. Зажили они съ тѣхъ поръ въ мирѣ и согласіи. Помогъ наговоренный квасокъ.

Ложечка „Солозобочка“.

Ѣхалъ ложкаръ по деревнѣ, бабамъ ложки продавалъ.

Одна затѣйная бабенка и говорить ему:

«Простыхъ то ложекъ у насъ много накупиено. А вотъ кабы ты такія ложки возилъ, чтобы безъ соли сами солили».

Ложкаръ посмотрѣлъ на бабенку да и шутить:

— Есть у меня и такая ложечка: «солозобочка» называется что и безъ соли въ самую пору насолить. Только надо особое слово знать.

А баба и повѣрила, спрашиваетъ: «Какое слово, диди?»

— А тому, говорить скажу, кто ту ложку купишь.

— Продай мнѣ.

— Купи.

— Дорога-ли?

— Цѣлковый.

— Дамъ и цѣлковый. За то соли никогда покупать намъ не доведется.

Увела баба ложкаря въ пѣзу и обѣдать усадила. Кстатн де и ложку попробуемъ. Наклала варева. Ну-ка, говорить, посоли, дядя новой ложечкой. Какое такое слово ты знаешь?

Ложкаръ вынулъ ложечку позатѣйнѣе и началъ мѣшать въ блюдо, самъ приговариваетъ: «Шуни, да буни, да солово буди!»

Баба отвѣдала. И взаправду солоно стало. А того и не замѣтила, какъ ложкаръ изъ рукава соли въ блюдо сыпнулъ. Не пожалѣла цѣлковаго, думаетъ: «то-то меня мужъ похвалить».

Вотъ прѣхалъ мужъ изъ лѣса. Жена и говоритъ ему: скажи мнѣ, хозяинъ, «спасибо».

— За что? говорить.

— А за то, что ужъ теперь соли покупать намъ не надо. Я такую ложечку купила, что безъ соли солить. Всего-то рубль заплата.

Наклала она мужу шей поскорѣе, достала покуску и мѣшаетъ: «шунѣ да бунѣ, да солоно буди».

— Отвѣдай-ка! Небось не расплюешь.

Мужъ отвѣдалъ... Да какъ выхватить ложку у жены и давай сѣю по женѣ нахаживать... А самъ приговариваетъ: «шунѣ да бунѣ, да солоно буди».

Солоно бабѣ пришлось.

Неграмотный да догадливый.

Еще въ старыя времена прѣхалъ попъ на приходъ. И былъ онъ совсѣмъ неграмотный, такъ изъ простыхъ мужиковъ въ поны произвелся. Только и есть, что больно памятливъ былъ и всю службу Божию на память выучилъ. Одного лишь не зналъ — какъ по евангелію читать.

Вотъ сталъ онъ первую обѣдню пѣть. Дошло дѣло до евангелія...

Какъ быть? читать то не умѣетъ. Вышелъ къ народу и спрашиваетъ:

«Православные! знаете ли вы слово Божіе?».

А мужики говорятъ: «какъ не знать батюшка, знаемъ»,

«Ну а коли знаете, и читать вамъ нечего». Такъ и пропустилъ евангеліе.

Другую обѣдню сталъ служить и опять спрашиваетъ:

«Знаете ли вы православные слово Божіе»? Мужики сдоганулись.

«Не знаемъ де, батюшка, почитай намъ».

«А коли не знаете, такъ и читать Вамъ нечего: все равно — не поймете», говоритъ попъ. И эту обѣдню прослужилъ безъ евангелія.

Только и стоворились мужики, какъ ни какъ, а чтобы читать имъ новый попъ во евангеліе.

На третій разъ, какъ сталъ поць ихъ спрашивать, знаютъ-ли они слово Божіе,—«знаемъ ли, не знаемъ ли, читай! поди грамотный!» говорятъ.

Только поць и тутъ не обробѣлъ.

«Запирай. говорить, сторожь. церковь!... Будеть де теперь трехдневное чтеніе.... Да смотри у меня—до конца никого не выпускай.

—Батюшка! взмолились мужики,—по мѣрѣ овса тебѣ соберемъ, только выпусти.

Съ тѣхъ поръ перестали къ пону приставать, чтобъ слово Божіе читалъ. Долго слушать.

Звонъ въ великій постъ и во Св. Пасху.

У одного помѣщика собрались гости, кажись на пменины. Былъ и поць съ дячкомъ. Одинъ баринъ выпивши-то и говорить:

«Госка, право, этотъ постъ у васъ. Зазвонить, всю душу вытянуть. Бамъ!... бамъ!... бамъ!»... А самъ дячка-то за косицу и дернетъ каждый разъ. «Бамъ!»..., а самъ дернетъ. Дячекъ морщится, а терпитъ. Натѣшился баринъ, пересталъ. А дячекъ-то виѣвшился барину во всю голову и давай наяривать, а самъ приговариваетъ: «не все, баринъ, великій постъ, доживемъ и до Святой Пасхи! А о Пасхѣ-то мы вотъ какъ звонимъ: Тини, тини, бомъ, бомъ, тини бомъ, бомъ»... ..

Да такъ назвонилъ, что искры изъ глазъ....

Рыбакъ.

Большой любитель былъ о. Миронъ до рыбки. Чуть времечко свободное вынадесть, бѣжить съ удочками на рѣку.

На какой-то праздникъ никакъ у него неклевало. А все о. Миронъ надежды не теряетъ, все на берегу сидитъ. Пора бы ужъ и къ вечернѣ звонить. Пономарь еле нашелъ его на рѣкѣ.

«Не пора ли батюшка къ вечернѣ?»

—«Ни, ни, ни! Замахалъ руками о Миронъ.—Ни за веревочку. Какъ Онъ мнѣ, такъ и я Ему!»

Давши слово, держись.

Пропали у мужика лошади, цѣлая тройка. Искать, искать, съ ногъ сбился,—нѣтъ лошадей. И взмолился онъ Николѣ Угоднику: «батьюшка Никола, пособи лошадушекъ найти! Рублевою свѣчу куплю да тебѣ поставлю!»

Только онъ это вымолвилъ, глядь, лошади-то и бѣгутъ... прямо къ нему. Обрадовался мужикъ, что скоро нашлись. Да жалко стало свѣчи-то рублевой. «Не ты, говоритъ, Никола, нашелъ. Лошади-то сами прибѣжали. Живешь и безъ свѣчи».

Только сказать онъ это слово неразумное, лошади-то взвились.... да отъ него... и пѣзъ глазъ пропали. Тутъ ужъ и не одну свѣчу мужикъ сулилъ, а все лошадей не могъ найти, потому въ первомъ словѣ не устоялъ.

Вкусами не сошлись.

Старикъ со старухой все за столомъ ссорялись. Старикъ любилъ солоно хлебать, а старуха безъ соли ѣла. Накладуть блюдо шей. Старикъ солить станеть. «Соли подъ свой край, заворчитъ старуха, подъ мой не надо». Старикъ подъ свой край чуть не цѣлую ложку соли бухнетъ, а старуха своей ложкой отъ себя отгребать почесеть, сама приговариваетъ: «миѣ не надо! Миѣ не надо! Я безъ соли люблю».

Такъ весь свой вѣкъ и ѣли.

Несоленый кисель.

Вышла дѣвка замужъ и стала хозяйкой. Нужно чѣмъ нибудь мужа кормить, а стряпать то не умѣеть,—потому за большухой, за матерью жила. И запросилъ мужъ у молодой жены киселя овсянаго. Какъ быть? Солить ли кисель, когда варить будетъ? А что-то такое слышала: то посолить надо, то солить не надо. Хоть бы у сестрѣи спросить, такъ стыдно: по всей деревнѣ просмѣютъ. Вотъ вышла она на улицу, смотритъ,—перестобить проходитъ. Она и давай его бранить ни за что, ни про что: «экой, говоритъ, ты, диди, несоленый кисель!» А онъ ей: — Дура баба, да развѣ кто кисель солить? А она тому и рада и на «дуру» не осердилась; теперь узнала, какъ кисель варятъ. Кисель сварила и мужа накормила.

Нужна догадка.

Запелъ солдатъ къ одной бабѣ пообѣдать. Та и наложила ему блюдо гороху, только масла никакъ не дастъ—скуна была. А солдатъ ужъ больно съ масломъ-то любилъ. Какъ масла выпросить? «Слушай, говорить, старая, за хлѣбъ да за приварокъ мы въ пятакъ уговорились. За масло особая цѣна будетъ—не жалѣй его. Что звѣздочекъ масляныхъ наверху всыплетъ, столько и копеекъ съ меня получишь». Та обрадовалась, да бухъ въ блюдо все, что въ бутылкѣ было, чуть не полфунта вылила. Масло-то въ одну звѣздочку и слилось. Только копейку и получила баба съ солдата.

Отдѣльныя сообщенія.

Палеонтологическая находка на р. Унжѣ. Лѣтомъ 1912 года при производствѣ таксаціонныхъ работъ въ Спасо-Красногорскомъ лѣсничествѣ была сдѣлана большая находка ископаемыхъ. Часть ихъ, опредѣленная проф. А. П. Ивановымъ, была на Костромской земской выставкѣ 1913 года, а потомъ пожертвована В. А. Богушевскимъ музею «О-ва по изученію Костромского края», другая часть этой коллекціи поступила въ Геологическій кабинетъ Московскаго университета имени А. Л. Шанявскаго.

Относительно условій находженія В. А. Богушевскій сообщилъ слѣдующее.

Близъ деревни Зарѣчья, верстахъ въ 12 отъ города Макарьева, на нѣсколько верстъ выше устья рѣки Пей, рѣка Унжа дѣлаетъ крутой поворотъ (половину окружности) и течетъ затѣмъ, на нѣкоторомъ растояніи, почти параллельно прежнему направленію, лишь въ обратную сторону.

Правый берегъ здѣсь представляетъ изъ себя каменистую гряду, протяженіемъ больше версты, со значительнымъ количествомъ белемитовъ, грифен, аммонитовъ—въ видѣ обломковъ и желваковъ сѣрнаго колючедана и другихъ ископаемыхъ представителей Юрской системы.

Противъ этой гряды находится длинная отмель, а потому пароходное общество имѣетъ здѣсь сигнальную будку, съ постояннымъ сторожемъ.

При низкомъ стояніи воды, отмель эта мѣстами обнажается.

Лѣто 1912 г. было сухое, Унжа быстро и сильно обмелѣла, и въ августѣ мѣсяцѣ описанная отмель почти вся вышла изъ воды: лишь мѣстами на ней оставались углубленія, наполненныя водой.

На этой то отмели и были найдены кости.

Нѣкоторыя изъ нихъ лежали свободно на поверхности, другія же были сильно вымыты въ гряду ихъ. Разница въ положеніи ко-

стей объясняется тѣмъ, что по отмели два раза въ день прогоняють рогатый скотъ изъ селенія на заливной лугъ и обратно, и послѣдній перемѣшиваетъ копытами камни и все, что находится вмѣстѣ съ ними. По этой же причинѣ большинство свободно лежащихъ костей были найдены раздробленными, тогда какъ болѣе цѣльные и крупные экземпляры доставались изъ котловинокъ, наполненныхъ водой.

Общее протяженіе залеганія костей равно, приблизительно, половинѣ версты.

По словамъ сторожа, въ 1911 г. здѣсь же была найдена нога ископаемаго животнаго «длиною въ сажень»; она свободно лежала на поверхности отмели, среди камней. Въ 1910 или въ 1909 году, по его же словамъ, здѣсь были найдены и зубы мамонта, очень крупные.

По всей вѣроятности эта каменная гряда морского происхожденія, такъ какъ ея обуславливается такой крутой изгибъ рѣки; кости же могли быть вымыты въ нее въ недавнее время (въ послѣдніе 4—5 лѣтъ); коренное залеганіе ихъ должно быть выше по теченію Унжи, не на далекомъ разстояніи. Можно предполагать, что въ одинъ изъ разливовъ, Унжа, подмывая крутой берегъ, отколола сразу значительную часть его съ «кладбищемъ» ископаемыхъ животныхъ. Отколота я глыба постепенно размывалась, кости уносились водой во время весеннихъ разливовъ внизъ по теченію и задерживались среди камней отмели.

Приводимый далѣе списокъ части коллекціи, принадлежащей Об-ву, данъ проф. А. П. Ивановымъ.

Г р у п п а.

Кости.

№ 2. <i>Rhinoceras tichorinus</i>	— черепъ.
№ 3. <i>Rhinoceras tichorinus</i>	— затылокъ.
№ 10. <i>Cervus elaphus fossilis</i>	— рогъ оленя.
№ 11. <i>Elephas</i>	— большая берцовая.
№ 12. <i>Elephas primigenius</i>	— плечевая кость.
№ 13. <i>Elephas primigenius</i>	— часть лопатки.
№ 14. <i>Elephas primigenius</i>	— бедро.
№ 15. <i>Elephas primigenius</i>	— часть къ № 13 (лопатки).

№ 16. <i>Rhinoceras tichorinus</i>	— большая берцовая.
№ 20. <i>Elephas primigenius</i>	— правая пяточная кость.
№ 21. <i>Elephas primigenius</i>	— грудной позвонокъ.
№ 22. <i>Elephas</i>	— часть лѣвой нижней челюсти.
№ 23. <i>Elephas</i>	— часть нижней челюст. костей.
№ 24. <i>Rhinoceras</i>	— часть правой носовой кости.
№ 25. <i>Rhinoceras</i>	— часть скуловой кости.

II группа.

Кальцитъ.

Юрская система.	}	Дерево выполненное жел. колчеданомъ.	
		» » фосфоритомъ съ прожил. колчедана.	
		» » » и колчеданомъ.	
		Гагатъ	— уголь.

III группа.

Оксфор. ярусъ Юрской системы.	}	<i>Cardioceras cordatum</i>	— раздавленный экземп.
		<i>Pleurotomaria macrocephala</i>	— фосфор. внутр. отливковъ
		» »	— глинистый » »
		<i>Pleurotomaria macrocephala</i>	— раковины метаморфизованья колчедан. (3 рак.).
		<i>Pleurotomaria Buchiana</i>	— (4 рак.).
		<i>Gryphaca dilatata</i>	— (4 рак.).
		<i>Macrodon Keysirilingii</i>	— изъ валуна.
<i>Belemnites breviaxis</i>	}	оксфордскій или секванскій.	
» <i>Pauderi</i>		ярусъ Юрс. сист.	
» »		» <i>varietas</i> .	
» <i>lateralis</i>		— аквилонскій яр. Юрской сист.	
» <i>explanatus</i>		— ?	
<i>Cardioceras cordatum</i>	}	оксфордскій ярусъ Юрс. сист.	
<i>Cardioceras quadratoides</i>		внутренніе отливки 2 экз.	

- Zucina* sp. — келловей (верхній г.)
Cardioceras chamusseti — нижне-келловейскій яр. Юр. сист.
Cardioceras Kostromeuse — оксфорд. ярусъ Юр. сист.

Всѣ кости I-ой группы найдены во вторичномъ залеганіи—въ современныхъ напосахъ р. Унжи и частью въ ея руслѣ; коренное ихъ залеганіе должно быть въ послѣдниковыхъ древнеаллювіальныхъ отложеніяхъ (Q_1^2).

*Москва, Геологическій
кабинетъ Университета
имени А. Л. Шанявскаго,
2 мая 1913 г.*

*Преподав. Геологии
Универ. Шалявскаго
А. Писновъ.*

Окаменѣлости, найденныя у г. Плеса. На бичевникѣ р. Волги у г. Плеса попадаетея очень много остатковъ окаменѣлостей. Одна коллекція, собранная тамъ въ 1911 г., просмотрѣна въ С.-Петербургѣ геологомъ П. В. Виттенбургомъ, который большинству ихъ далъ слѣдующія родовыя названія.

Отпечатокъ *Tririferia*.

Eucrinus Sp.

Spirifer Mosquensis Vern. — Каменноугольный известнякъ.

Ammonites Sp.

Tenestella Sp.

Productus Sp.

Belemnites Sp.

Сообщилъ *И. Л. Скалозубовъ.*

Ботаническія замѣтки. Въ д. Юрьевѣ близъ Костромы на берегу Волги отдѣльныя наблюденія:

У растущихъ на пескѣ по берегу *Lotus corniculatus* (кстати, ихъ видимо здѣсь нѣсколько расъ), у *Jnula Britanica* и *Potentilla Anserina*—обильные клубенки на корняхъ. У *Euphorbia* Sp. громадное количество почекъ ярко пунцоваго цвѣта на корневищахъ и подземной части стебля. У *Lotus corniculatus* цвѣты въ сырую погоду и, кажется, на ночь опускаются такъ, что парусъ оказывается въ горизонтальномъ положеніи, закрывая собою сверху всѣ остальные части цвѣтка. Однако, нѣкоторыя соцвѣтія повидимому

этой предосторожности не принимаютъ. Цвѣты *Potentilla Anserina* въ сырую погоду и по ночамъ складываютъ лепестки, образующіе тогда собою сводъ, подъ которымъ скрыты пыльники и рыльца.

Мѣстные названія растений:

Жировица—*Oxycoccus palustris*.

Наперстники—виды *Samolus*.

Сорочье молоко—виды *Euphorbia*.

Свиробой—*Hipericum*.

Амисъ—*Carum carvi*.

Сообщилъ *Н. Л. Сжалозубовъ*.

Границы распространенія нѣкоторыхъ древнихъ породъ въ **Костромской губерніи**. На основаніи давнихъ лѣсоустроительныхъ отчетовъ для казенныхъ лѣсныхъ дачъ и описаній лѣсонасажденій въ неустроенныхъ казенныхъ же дачахъ представляется возможнымъ, хотя и не совсѣмъ точно, но съ большимъ приближеніемъ къ дѣйствительности, установить границы распространенія сибирской пихты, лиственницы и жимолости.

Сибирская пихта встрѣчается единично въ казенной Ферантовской дачѣ Буйскаго лѣсничества и уѣзда, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ ст. Шушкодомъ с.-ж. дорогъ, затѣмъ въ Рогозинско-Ашитковской дачѣ Макарьевского уѣзда, Кадыевского лѣсничества, близъ Боголюбскаго женскаго монастыря, въ сѣверной части Владычинской дачи Кинешемскаго лѣсничества и уѣзда и въ Ветлужскомъ уѣздѣ во всѣхъ казенныхъ дачахъ, расположенныхъ около с. Тоншаево, близъ границы Костромской губерніи съ Вятской.

Поэтому можно провести линію, опредѣляющую южную границу распространенія сибирской пихты въ Костромской губерніи, слѣдующимъ образомъ: отъ пересѣченія границы Костромской губерніи съ Вологодской рѣкой Монзой до средняго теченія р. Елнати (Желватой) въ предѣлахъ Владычинской дачи Кинешемскаго лѣсничества, затѣмъ на востокъ между д. Марковицей и с. Юровымъ

на с. Урень и къ границѣ Костромской губ. съ Вятскою губ.—Южнѣе этой линіи сибирская пихта не встрѣчается въ казенныхъ дачахъ.

Сибирская лиственница встрѣчается въ казенной Патрусовской дачѣ, Патрусовскаго лѣсничества, близъ с. Патрусова и въ казенной Королевской дачѣ Унженскаго лѣсничества близъ д. Паломской и с. Дмитріевскаго Кологривскаго уѣзда, затѣмъ въ Понизовской дачѣ Понизовскаго, Спасо-Красногорскаго и Чернолуховскаго лѣсничествъ и въ Пелеговской и Потахинской дачахъ Юрьевцакаго лѣсничества Макарьевскаго уѣзда, расположенной по лѣвой сторонѣ теченія р. Унжи. Затѣмъ въ Баковско-Моисеевской дачѣ Баковскаго лѣсничества и Ижменской дачѣ, Ижменскаго лѣсничества Варнавинскаго уѣзда. За исключеніемъ небольшого чистаго лиственничнаго насажденія въ Потахинской дачѣ, таковыхъ лиственница не образуетъ, а является примѣсю къ соснѣ въ бывшихъ корабельныхъ рощахъ, представляющихъ собою острова съ лучшими почвенными условіями для произрастанія сосны, большею частію—возвышенности съ глубокимъ желтымъ пескомъ съ примѣсю значительнаго количества валуновъ.

Поэтому можно провести границу лиственницы отъ пересѣченія Вологодской границы р. Межей до р. Неи, между пос. Парфентьевымъ и с. Патрусовымъ на д. Задорно до города и рѣки Унжи, вдоль р. Унжи до с. Пелегова, далѣе на юго-востокъ до р. Ветлуги у границы Нижегородской губерніи, и это будетъ линія западнаго и южнаго распространенія лиственницы.

Жимолость не встрѣчается въ дачахъ, расположенныхъ выше линіи, проходящей черезъ с. Николо-Березовецъ Солигалнскаго уѣзда и с. Архангельскаго Кологривскаго уѣзда, почему эта линія и должна считаться сѣверной границей распространенія этой кустарной породы.

Рѣдкая древесная порода для Костромской губерніи *ясень*, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, находится по берегу маленькой рѣчки Топоришной, въ верховьяхъ р. Вола, притока р. Ветлуги, въ Югоровской дачѣ, бывшей Готовцевыхъ, а нынѣ принадлежащей Удѣльному вѣдомству и причисленной къ Лапшагскому имѣнію Варнавинскаго уѣзда.

Сообщилъ В. М. Чарнецкій.

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

<i>Стран.</i>	<i>Строки.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Должно быть.</i>
23	4 сверху	дѣкушки	дѣвущки
26	13 снизу	продолжаютъ	продолжаются
34	7 сверху	мѣлкой	мелкой
35	12 »	туду	туда
36	10 снизу	Potamogeton	Potamogeton
41	1 сверху	разлучаются	различаются
45	1 »	рыра	рыба
49	1 снизу	ризличныхъ	различныхъ
53	19 »	съ наступле	съ наступленіемъ
68	12 »	попудни	по полудни
74	14 сверху	<i>эти</i>	<i>эти</i>
87	1 »	промысламъ	производствамъ
90	7 »	фабрика	фабрики
101	4 сверху	понизившагося	понизившаго
110	16 снизу	Косаткинымъ	Касаткинымъ
121	9 »	находили	находимъ
127	12 »	записанныя А. С.	записанныя А. С., главнымъ образомъ